



АЛЬФРЕД ДЁБЛИН

# БЕРЛИН

## АЛЕКСАНДРПЛАЦ

Роман,  
кинематографичный  
по своей сути,  
несколько раз  
был экранизирован.  
Всемирное признание  
получила телефильм  
режиссера  
Райнера Вернера  
Фасбиндера.

# Альфред Дёблин

## Берлин, Александрплац

### Серия «Большой роман»

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67968344](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67968344)  
Берлин Александрплац: История Франца Биберкопфа:  
ISBN 978-5-389-21897-0*

#### **Аннотация**

Новаторский роман Альфреда Дёблина (1878-1957) «Берлин Александра лац» сразу после публикации в 1929 году имел в Германии огромный успех. А ведь Франц Биберкопф, историю которого рассказывает автор, отнюдь не из тех, кого охотно берут в главные герои. Простой наемный рабочий, любитель женщин, только что вышедший из тюрьмы со смутным желанием жить честно и без проблем. И вот он вновь на свободе, в Берлине. Вокруг какая-то непонятная ему круговерть: коммунисты, фашисты, бандиты, евреи, полиция... Находить заработок трудно. Ко всему приглядывается наш герой, приноравливается, заново ищет место под солнцем. Среди прочего сводит знакомство с неким Рейнхольдом и принимает участие в одной сделке торговца фруктами – и судьба Франца вновь совершает крутой поворот...

Роман, кинематографичный по своей сути, несколько раз был экранизирован. Всемирное признание получила телеэпопея режиссера Райнера Вернера Фасбиндера (1980).

# Содержание

Книга первая[3]	10
На 41-м номере в город[5]	12
Он все еще не пришел в себя	27
Поучение на примере Цанновича[35]	32
Неожиданный финал этого рассказа, который восстановил душевное равновесие человека, выпущенного из тюрьмы	44
Настроение бездеятельное, к концу дня значительное падение курсов, с Гамбургом вяло, Лондон слабее [45]	52
Победа по всему фронту! Франц Биберкопф покупает телятину	69
А теперь Франц клянется всему миру и себе, что останется порядочным человеком в Берлине, с деньгами или без них	80
Книга вторая	86
Франц Биберкопф отправляется на поиски, надо зарабатывать деньги, без денег человек не может жить. Кое-что о горшечном торге во Франкфурте	107
Лина задает ходу гомосексуалистам	129
Хазенхейде, «Новый мир», не одно, так другое, и не надо делать себе жизнь тяжелее,	149

чем она есть	
Франц – человек широкого размаха, он знает себе цену	172
Вот он какой, наш Франц Биберкопф! Под стать античным героям!	192
Книга третья	206
Вчера еще на гордых конях[289]	207
Сегодня навывлет прострелена грудь[292]	215
А завтра в сырой могиле[295], нет, мы сумеем воздержаться	223
Книга четвертая	231
Горсточка людей вокруг Алекса	232
Биберкопф под наркозом, Франц забился в нору, Франц ни на что не желает глядеть	243
Франц бьет отбой, Франц играет обоим евреям прощальный марш	248
Ибо с человеком бывает как со скотиною[341]; как эта умирает, так и он умирает	259
Беседа с Иовом[356], дело за тобой, Иов, но ты не хочешь	275
И у всех одно дыхание, и у человека нет преимущества перед скотиною [357]	281
У Франца открыто окно, ну и забавные же вещи случаются на свете	284
Конец ознакомительного фрагмента.	292

# Альфред Дёблин

## Берлин Александрплац:

### История Франца

### Биберкопфа

© Г. А. Зуккау (наследник), перевод, 2022

© А. В. Маркин, перевод (дополнения), примечания, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

*Эта книга повествует о бывшем берлинском цементщике и транспортном рабочем Франце Биберкопфе. Его выпустили из тюрьмы, где он сидел за старые дела, и вот он снова в Берлине и хочет стать порядочным.*

*Вначале это ему удастся. Но затем, хотя материально ему живется сносно, он оказывается вовлеченным в упорную борьбу с чем-то, что приходит извне, что непостижимо и похоже на судьбу.*

*Трижды обрушивается оно на нашего героя<sup>1</sup> и ломает его*

---

<sup>1</sup> Трижды обрушивается оно на нашего героя... – Под тремя ударами некой высшей силы имеются в виду: предательство Людерса (книга третья), участие ФБ в ограблении и потеря им правой руки (книга пятая), убийство Мици (книга седьмая) – события, которые должны «научить» героя «правильной жизни», но

## *жизненный план. Оно наступает на него мошенничеством*

на которые (до самого конца романа) ФБ почти никак не реагирует или реагирует, по мнению Дёблина, «неправильно». Мотив трех ударов отчетливо возникает в книге второй БА (см. гл. «Вот он какой, наш Франц Биберкопф! Под стать античным героям»): Дёблин цитирует из «Орестеи» Эсхила (см. также примеч. 188 к книге второй) именно то место в «Агамемноне» (первой части Эсхиловой трилогии), где жена Агамемнона, царица Клитемнестра, сообщает, что *три ударами* секиры убила своего мужа, вернувшегося с Троянской войны (см.: Эсхил. Агамемнон. 1372–1398). По мнению Т. Циолковски, таким образом акцентируется сходство построения и проблематики дёблиновского романа со структурой и проблематикой античной трагедии: в романе Дёблина, как и в греческой трагедии, показывается путь героя от неведения к знанию, «роман Дёблина – это сознательная травестия классической греческой трагедии и большинства характерных для нее элементов» (Ziolkowski 1969: 136; см. также: 99–137). Кроме «Орестеи», Циолковски ссылается на «Царя Эдипа» Софокла. Известно, что Дёблин интересовался античной литературой и хорошо знал греческую трагедию. В годы учебы в Берлинском университете (1900–1904) писатель посещал лекции по греческой литературе известнейшего филолога-классика, оппонента Ницше, Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа (1848–1931), автора основополагающего «Введения в греческую трагедию» (1889). Следы глубокого познания Дёблина в области античной трагедии обнаруживаются во многих произведениях писателя, в частности в тетралогии «Ноябрь 1918. Немецкая революция» (1937–1943), сюжет и характеры героев которой писатель выстраивает на основе «Антигоны» Софокла. Помимо античной трагедии, БА имеет точки соприкосновения и с другими классическими текстами немецкой драматургии: средневековыми мистериями, немецкой барочной трагедией, так называемой Trauerspiel (см. примеч. 37 к книге девятой), трагедией К. Ф. Геббеля (1813–1863) «Гиг и его кольцо» (см. примеч. 42 к книге седьмой), драмой (Schauspiel) Г. фон Клейста (1777–1811) «Принц Фридрих Гомбургский» (см. примеч. 89, 90 к книге второй) и «Фаустом» И. В. Гёте. Многие из этих известных текстов Дёблин цитирует или пародирует в своем романе. Очевидна близость сюжета БА к средневековому моралите об имяреке, на что указывает большинство комментаторов романа: «Дёблиновская история о Франце Биберкопфе, берлинском пролетарии, совершенно „обычном человеке“ – это все та же старая притча об имяреке – рассказ о пути виновного,

*и обманом. Но тут он еще справляется, он держится на*

---

грешного человека в мире, из тьмы он выходит на свет познания» (Ziolkowski 1969: 136). Сюжет об имьяреке был популярен в немецкой драматургии начала XX в.; так, в 1911 г. в берлинском цирке Шумана режиссером-экспериментатором Максом Рейнгардтом (1873–1943) была поставлена пьеса «Имярек» Г. фон Гофмансталя (1874–1929); этот образ не раз использовался и в театре экспрессионизма. Стоит отметить, что элементы драматических жанров и текстовые переключки с драматическими произведениями немецких драматургов вообще играют важную роль в романах Дёблина, начиная с его первых литературных опытов (обратим внимание на «театральное» название второго романа Дёблина «Черный занавес» (1902–1903; опубл. 1912) и на многочисленные реминисценции в этом романе из трагедии Г. фон Клейста «Пентесилея») и до последнего произведения писателя – романа «Гамлет, или Долгая ночь подходит к концу» (1946; опубл. 1956) (см.: Гамлет: 503). О «драматических элементах» в романах Дёблина см.: Kleinschmidt 1980–1983; Best 1972. О тенденции к драматизации романического в БА писал немецкий исследователь Фриц Мартини в одном из первых научных анализов романа: «... [у Дёблина] мир превращается в событие (Geschehen), происходящее одновременно и снаружи, и изнутри; не только как наличествующее бытие, но и как непрекращающаяся сила и неостановимое движение. Моторика современного существования, как и судьба, не знает покоя. Поэтому к языку предъявляются такие имитационно-миметические и динамические требования, которые обычно возможно удовлетворить лишь в драме. Роман Дёблина пользуется, вплоть до угрозы разрушения эпического, чрезвычайно широко и очевидно намеренно всеми возможными в прозаическом повествовании драматическими формами; по меньшей мере потому, что в них сохраняется миметическая выразительная ценность. (...) Язык рассказчика приближается к языку на сцене, приобретает драматическую жестикуляцию. Этот роман, таким образом, являет собой типичный образец современной тенденции разрушать границы жанровых форм, с тем чтобы разрабатывать новые, самые разнообразные способы художественного выражения. Дёблин (...) не признает никаких различий между драмой и романом, то есть он далек от традиционных мнений, будто драма обращается к глазу и уху, а роман – к фантазии и представлениям (...). Его цель – это драматизация прозы, а следовательно, значительное расширение эпического выразительного пространства. Эта драматизация наиболее явно выражается в «сце-

ногах.

Тогда оно наваливается на него и бьет подлостью. Тут ему уже трудно подняться, силы его уже на исходе.

Наконец, оно ударяет в него миной с неслыханной, чудовищной жестокостью.

Теперь наш стойко державшийся до последней минуты герой окончательно сломлен. Он считает игру проигранной и не знает, как быть дальше, его песенка, по-видимому, спета.

Он уже готов радикально покончить с этим миром, когда у него способом, о котором я пока умолчу, снимают с глаз пелену. Ему становится совершенно ясно, из-за чего все так вышло. А именно – из-за него самого, да это же сразу видно, из-за его жизненного плана, который был ни на что не похож, и вот теперь вдруг выглядит совсем иным, не простым и почти понятным, а высокомерным и наивным, дерзким, но вместе с тем малодушным и бессильным.

Страшная штука, какой была его жизнь, приобретает смысл. Франц Биберкопф подвергся принудительному лечению. В конце мы видим его снова на Александрплац, сильно изменившимся, покалеченным, но зато уже выправленным.

Посмотреть и послушать все это стоит многим, которые, подобно Францу Биберкопфу, пребывают в человеческой шкуре и которым, как и этому Биберкопфу Францу, случается порой требовать от жизни нечто большее, чем толь-

*ко сытое существование*<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> ...случается порой требовать от жизни нечто большее, чем только сытое существование. – Дёблин пародирует библейский афоризм: «Не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа» (Втор. 8: 3). Ср. также с Евангелием от Матфея: когда дьявол искушает Иисуса в пустыне, призывая обратить камни в хлеб, тот отвечает: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4: 4).

# Книга первая<sup>3</sup>

В начале ее Франц Биберкопф покидает тюрьму в Тегеле<sup>4</sup>, куда привела его прежняя беспутная жизнь. Ему трудно снова устроиться в Берлине, но в конце концов это ему удастся, чему он немало рад, и он дает себе клятву быть порядочным человеком.

---

<sup>3</sup> Обращенные одновременно и к читателю, и к герою небольшие назидательные зачины (Vorsprüche) в начале каждой книги романа в оригинале написаны ритмической прозой. Обращения (а также названия некоторых глав), с одной стороны, сообщают читателю о содержании книги, «предупреждают» его о том, что произойдет с героем дальше, а с другой – очевидно, несут аллегорическую и дидактическую нагрузку. Подобные обращения типичны для немецких народных календарей, встречаются в лубочном романе, текстах народных певцов (Bänkelsänger), в плутовском романе (например, в цикле из шести сатирических романов Г.-Я.-К. фон Гриммельсгаузена (1621?–1676) о Симплициссимусе (1668–1675)). Подобный прием – прямое обращение к читателю с дидактическими целями, напоминающее о той же народной традиции, – любил использовать в своих произведениях и Бертольд Брехт (1898–1956), с которым Дёблин был дружен.

<sup>4</sup> ...*Франц Биберкопф покидает тюрьму в Тегеле...* – Тегель – район на северо-западе Берлина. Строительство большой тюрьмы в Тегеле (Зайдельштрассе, 39) началось в 1894 г.: существовавшие в то время берлинские тюрьмы Зонненбург и Моабит уже не справлялись с огромным количеством заключенных. Значительный рост арестантов в те годы был связан с территориальным расширением Берлина и стремительным прибавлением населения прусской столицы, а соответственно, и ростом числа преступлений и преступников. Тюрьма в Тегеле стала функционировать уже через четыре года после начала строительства: первые заключенные были помещены в нее 2 октября 1898 г.

но имела во многом своим истоком коллективный шок, вызванный Первой мировой войной: В динамизме, витализме и опьянении движением, которые были свойственны культуре Веймара, незримо и вездесуще продолжает сказываться травма, пережитая в 1915–1916 гг.: страх перед засасывающей грязью; страх, что атака может захлебнуться в затопленном рву; шок от внезапной утраты возможности двигаться (...) страх перед разложением тела в грязи могилы. Это великое Невысказанное (...) того времени, однако как воплощенный в практике миф оно оказывало свое действие везде и всюду (Слотердайт 2001: 461). Этот миф выражался, например, «в страстной тяге к автомобилизму» (там же). Примечательно, что работа ФБ до тюрьмы и в финале романа связана с транспортом и транспортировкой. До тюрьмы он «бывший цементщик и грузчик» (*нем. Zement- und Transportarbeiter* – букв.: цементный и транспортный рабочий). В конце книги ФБ – сторож на заводе, «контролирует подводы, наблюдает, кто входит, кто выходит» (с. 490 наст. изд.). Употребленное по отношению к ФБ слово «цементщик», по всей видимости, уже намекает на то, что произойдет с главным героем, слово «цемент» – «пластичная масса, приобретающая камневидное состояние» – намекает на суть происходящего с героем в романе – на процесс его «формирования», заканчивающийся каталептическим ступором в последней книге БА. В этом дотюремном занятии ФБ («цементщик и транспортный рабочий») вообще отражается ситуация, типичная для культурной и психологической жизни Германии после Первой мировой войны, характеризовавшаяся диалектикой застоя (цемент) и динамизма (транспорт).

<sup>6</sup> *Он стоял за воротами тюрьмы в Тегеле...* – Образ «тюрьмы в Тегеле», один из лейтмотивов романа, появляется также в книгах первой, четвертой, шестой и восьмой БА, то есть после каждого «удара». В книге четвертой, после предательства Людерса Биберкопф отказывается от идеи отомстить Людерсу, так как боится снова оказаться в Тегеле (см. с. 137 наст. изд.); ср. также с реакцией Биберкопфа на арест Гернера (с. 165 наст. изд.); в книге шестой – когда, потеряв руку, герой в забытии едет в Тегель. Тюрьма, отгороженное от внешнего мира пространство, где жизнь подчинена строгому распорядку, возникает в его представлении как место, где можно укрыться от хаоса и жестокости обрушивающейся на него действительности (см. с. 304–305 наст. изд.). В книге восьмой – после убийства Рейнхольдом Мици, когда Биберкопф снова оказывается у тюремной стены, ужас перед тюрьмой и тоска по жизни в заключении соединяются (см. с. 419 наст. изд.).

## На 41-м номере в город<sup>5</sup>

Он стоял за воротами тюрьмы в Тегеле<sup>6</sup>, на свободе. Вчера еще он копал картошку вон там на огороде<sup>7</sup>, вместе с другими, в арестантском платье, а теперь он в желтом летнем пальто<sup>8</sup>; те там продолжают копать, а он свободен. Он пропускал

---

<sup>7</sup> *Вчера еще он копал картошку вон там на огороде...* – Основным условием пребывания заключенных в Тегеле был ежедневный труд. Справочник «Тюрьмы Управления юстиции Пруссии» от 1900 г. обосновывал необходимость трудовой повинности заключенных следующим образом: во-первых, это ужесточает наказание: «Трудовая повинность означает регламентированную и поднадзорную деятельность, во время которой телесные и душевные силы заключенных должны использоваться и напрягаться по принуждению, при полном отказе от свободно-волеизъявления»; во-вторых, способствует тому, что «заключенные исправляются: труд приучает к регулярной работе, порядку и послушанию; участие в производственной деятельности приносит заключенным пользу: оно учит ценить работу, прививает или развивает склонность и любовь к труду»; в-третьих, при длительном пребывании в тюрьме душевное и физическое здоровье заключенных, если они трудятся, не подвергается опасности; и, наконец, после освобождения из заключения привычка к труду облегчает полноценную адаптацию в обществе благодаря «заново обретенной в заключении склонности к работе и работоспособности» (см.: Die Gefängnisse der Justizverwaltung in Preußen. Berlin, 1900).

<sup>8</sup> *...теперь он в желтом летнем пальто...* – Цветовая символика играет в романе Дёблина важную роль: цвет соотносится с важнейшими темами и мотивами романа. Так, в книге первой преобладают упоминания желтого, оранжевого и красного. Красный цвет традиционно ассоциируется с кровью и очищением (ср. с темой жертвы и искупления в БА), связывается с огнем и гибелью (мотив Апокалипсиса в романе). Сходную смысловую нагрузку несет и оранжевый; это, кроме того, и «цвет отчаяния», он имеет «зловещий и трагический характер».

трамвай за трамваем, прислонясь спиной к красной ограде, и не уходил. Караульный у ворот несколько раз прошел мимо него и указал ему нужный номер трамвая, но он не двигался с места. Итак, страшный момент наступил (страшный, Франц, почему страшный?)<sup>9</sup>, четыре года истекли. Черные железные створы ворот, на которые он поглядывал вот уже целый год с возрастающим отвращением (отвращением, почему отвращением), захлопнулись за ним. Его снова выставили вон. Оставшиеся внутри столяричили, что-то лакировали, сортировали, клеили, кому-то сидеть еще два года, кому-то пять лет. А он стоял у остановки трамвая.

Наказание начинается<sup>10</sup>.

---

Желтый – цвет солнца – роман изобилует пассажирами о солнце и соляной символикой (см. примеч. 131 к книге второй), – но одновременно он символизирует болезнь, трусость и ложь (например, желтое пальто Биберкопфа, бросающийся в глаза желтый оттенок кожи Рейнхольда); в христианской иконографии желтый – цвет предательства, с желтыми бородами изображают Каина и Иуду. В следующих книгах желтый и красный цвета сменяются зеленым и коричневым (цвета, традиционно связываемые со смертью и чертом).

<sup>9</sup> ...(*страшный, Франц, почему страшный?*)... – Голос, обращающийся в книгах первой, четвертой, шестой и восьмой к ФБ, – в книге четвертой разговор с этим голосом ведет также Иов (см. с. 149–152 наст. изд.), – по мнению большинства комментаторов, принадлежит не рассказчику, как предполагали первые рецензенты романа, а аллегорическому персонажу – Смерти, что становится очевидным в конце БА: «Эти примечательные фразы в скобках – сигнатуры не психологического, но религиозного романа <...>. С самого начала это был голос Смерти, которая разговаривала с глухим» (Schöne 1963: 298f.; см. также: Müller-Salget 1972: 308–310).

<sup>10</sup> *Наказание начинается.* – А. Шёне рассматривает страх ФБ перед наказанием как типичный симптом «психоза выхода на свободу» («Entlassungspsychose»)

Он передернул плечами, проглотил слюну. Наступил себе на ногу. А затем собрался с духом и очутился в трамвае. Среди людей, ну давай! Вначале было такое ощущение, будто сидишь у зубного врача, который ухватил щипцами корень и тащит, боль растет, голова готова лопнуть. Он повернул голову назад, в сторону красной ограды, но трамвай понесся с ним по рельсам, и только голова его осталась еще повернутой по направлению к тюрьме. Вагон миновал плавный поворот, – деревья и дома заслонили тюрьму. Показались ожив-

---

(Schöne 1963: 292), когда внезапное окончание ставшей привычной, строго регламентированной жизни в заключении приводит к растерянности, дезориентации, приступам страха. Мюллер-Зальгет пишет, что эта фраза романа характеризует «смутное ощущение [ФБ] того, что пребывание в тюрьме ничему его не научило, что он не использовал его, как должен был бы» (Müller-Salget 1972: 306). В этом смысле все происходящее с ФБ после выхода из тюрьмы может интерпретироваться как наказание за то, что он не вынес никаких уроков из своей прежней жизни. Литературовед-психоаналитик школы О. Ранка Б. Виддих интерпретирует выход ФБ из тюрьмы в начале романа как «новое рождение» («Wiedergeburt») героя (см.: Widdig 1992: 144–178). В любом случае в следующих за этой фразой пассажах Дёблин-психиатр достаточно точно описывает шок бывшего заключенного, оказавшегося в мире, решительно отличающемся от того, в котором он жил до заключения: за несколько лет и быт, и социально-психологический климат в Германии изменились коренным образом. Беспокойная жизнь большого города, реклама, автомобили, яркие витрины – все это производило ошеломляющее впечатление на людей, переживших послевоенную разруху, бедность, нестабильность первых годов Веймарской республики. Реально произошедшую резкую и радикальную смену климата ощутили в особенности те (...) кто, проведя несколько лет в тюрьме, был изолирован от новой повседневности Веймарской республики (...) Более четко, чем все прочие, они зарегистрировали возросшие требования, которые (...) капиталистический модерн предъявил жизненной воле (Слотердайк 2001: 541–542).

ленные улицы, Зеештрассе<sup>11</sup>, люди входили и выходили. В нем что-то в ужасе кричало: берегись, берегись, начинается. Нос у него окоченел, щеки пылали. «Цвельф-ур-миттагсцайтунг»<sup>12</sup>, «Бе Цет»<sup>13</sup>, последний номер «Иллюстрирте»<sup>14</sup>, «Функштунде»<sup>15</sup>, – «Кто еще без билета?». Вот как, шупо<sup>16</sup>

---

<sup>11</sup> *Зеештрассе* – улица на северо-западе Берлина, недалеко от которой находились тюремные здания Тегеля.

<sup>12</sup> «*Цвельф-ур-миттагсцайтунг*» – ежедневная берлинская газета, издававшаяся в те годы.

<sup>13</sup> «*Бе Цет*» – вошедшая в языковой обиход аббревиатура названия бульварной газеты «Берлинер цайтунг», то есть «Берлинской газеты», основанной в 1877 г. и издающейся по сей день. Не следует путать ее с «Берлинер цайтунг», основанной в 1945 г. в ГДР.

<sup>14</sup> ...*последний номер «Иллюстрирте»*... – Имеется в виду свежий номер газеты «Берлинер иллюстрирте цайтунг», то есть «Берлинской иллюстрированной газеты». С 1892 по 1945 г. газета издавалась крупнейшим печатным концерном Германии, принадлежавшим издателю Хейнцу Ульштайну.

<sup>15</sup> «*Функштунде*». – Газета «Ди функштунде» была официальным печатным органом Берлинского радио (1920-е гг. в Берлине отмечены, кроме прочего, и стремительным развитием радио). В ней, кроме новостей, публиковались расписания радиотрансляций и анонсы передач. Первый номер газеты вышел 16 ноября 1924 г. Дёблин живо интересовался радиотехникой и радиовещанием, с 1925 г. он на регулярной основе сотрудничал с «Берлинским радио», писал эссе для радиоэфира (все тексты, написанные Дёблином для радио, а также его радиоинтервью собраны в изд.: Döbblin 1992). В 1929 г. писатель принял участие в сценарии радиопостановки на основе его драмы «Лузитания» (1920), посвященной гибели в 1915 г. английского парохода, торпедированного немецкой подводной лодкой (радиопьеса вышла в эфир 18 октября 1929 г. под названием «Гибель Патагонии» («*Der Untergang der Patagonia*»)). За несколько недель до премьеры пьесы на радио Дёблин выступил на конференции «Литература и радио» в Касселе, организованной Прусской академией искусств и Немецким радиовещательным обществом, где сделал доклад о новых возможностях, которые от-

теперь в синих мундирах. Никем не замеченный, он вышел из трамвая, смешался с толпой. В чем дело? Ничего. Держись, изголодавшаяся свинья, не распускайся, не то дам понюхать моего кулака. Что за толчея, что за давка! Как все это движется! Мои мозги, вероятно, совсем высохли. Чего тут только нет: магазины обуви, магазины шляп, электролампочки, кабаки. Ну да, нужна же людям обувь, раз им приходится столько бегать, у нас ведь тоже была сапожная мастерская, не надо забывать. Сотни блестящих оконных стекол. Ну и пускай себе сверкают, нечего их бояться, ведь любое можно разбить, просто они чисто вымыты. На Розенталерплац<sup>17</sup> мостовая была разворочена, он шел вместе с другими по деревянному настилу. Стоит только смешаться с остальными, и все хорошо, и ничего не замечаешь, дружище. В витринах красовались манекены, в костюмах, в пальто, в юбках, в чулках, в башмаках. На улице все пребывало в движении, но за

---

крывает радио перед литераторами, прежде всего для расширения и завоевания аудитории. В начале 1930 г. Дёблин по заказу Берлинского радио приступил к работе над радиопостановкой «Берлин Александрплац»; пьеса была записана и подготовлена к эфиру в сентябре того же года. Главную роль в ней исполнил актер Генрих Георге, позже сыгравший ФБ в вышедшем в 1931 г. на экраны фильме по роману. В 1931 г. была выпущена пластинка с записью радиопостановки. Текст радиопьесы «Берлин Александрплац» опубликован в изд.: Döblin 1983. См. также: *Kleinschmidt E.* Döblin's Engagement with the New Media: Film, Radio and Photography // Companion: 161–182.

<sup>16</sup> *Шупо* (нем. Schupo; сокр. от Schutzpolizist). – Так в Берлине до 1945 г. называли сотрудников городской патрульной полиции.

<sup>17</sup> *Розенталерплац* – площадь недалеко от центра Берлина.

этим – не было ничего! Не было – жизни! У людей веселые лица, люди смеялись, ждали по двое или по трое у трамвайной остановки напротив ресторана Ашингера<sup>18</sup>, курили папиросы, перелистывали газеты. И все это стояло на месте, как фонарные столбы, и цепенело все больше и больше. Все это вместе с домами составляло одно целое, все – белое, все – деревянное.

Его охватил испуг, когда он шел по Розенталерштрассе<sup>19</sup>; в кабачке у самого окна сидели мужчина и женщина: они лили себе в глотку пиво из литровых кружек, ну и что ж, пусть себе пьют, пьют – только и всего, у них в руках были вилки; они втыкали ими куски мяса себе в рот<sup>20</sup>, и – хоть бы

---

<sup>18</sup> ...у трамвайной остановки напротив ресторана Ашингера... – Имеется в виду пивная на Розенталерштрассе, принадлежавшая семье южнонемецких предпринимателей Ашингеров. Ашингеры владели в Берлине сетью из сорока недорогих пивных, пользовавшихся особенной популярностью у малоимущих слоев населения и представителей богемы: еду там подавали очень большими порциями и вместе с ней бесплатный хлеб в любом количестве, который можно было уносить с собой.

<sup>19</sup> *Розенталерштрассе* – улица, начинающаяся от Розенталерплац (см. примеч. 15). Расположенные на Розенталерштрассе (к северо-западу от Александрплац) жилые кварталы считались неблагополучными, там жили представители городских низов. Сам Дёблин описывал этот район как «криминальный» и «подозрительный».

<sup>20</sup> ...они втыкали ими куски мяса себе в рот... – Образы, связанные с мясом (например, куски телятины, которые Франц приносит Минне; описания мясных блюд и т. д.), играют важную роль в романе. Они соотносятся с темой жертвы: «Тема „Александрплац“ – жертва. На такую мысль должны были бы навести образы скотобойни», – писал Дёблин в своем эссе «Эпилог». Мотив жертвы был особенно подчеркнут Дёблином в сценарии радиопостановки «Берлин Алексан-

капелька крови. Судорогой свело его тело, ох, я не выдержу, куда деться? И что-то отвечало: это – наказание!

Вернуться он не мог, так далеко он заехал на трамвае, его ведь выпустили из тюрьмы, он должен был идти сюда, все дальше и дальше.

Это я знаю, вздохнул он про себя, что мне надо идти сю-

---

дрплац» (см.: Sander 2001: 254). С другой стороны, то обстоятельство, что ФБ постоянно акцентирует внимание на мясе, – возможно, еще одна психиатрически точная деталь, связанная с потрясением, которое герой испытал на фронте (не случайно мясные блюда и военная тема в романе часто возникают в одном контексте). Образ войны (а затем и человеческого существования вообще) как грандиозной скотобойни актуализируется в европейской литературе начала XX в. во многом под впечатлением от ужасов Первой мировой войны. Так, немецкий поэт Август Штрамм (1874–1915) в одном из писем (от 14 февраля 1915 г.) делился со своим издателем Гервартом Вальденом (1878–1941?), с которым был дружен и Дёблин, фронтовыми впечатлениями: «Видел ли ты когда-нибудь мясную лавку, где на продажу выставлены освежеванные человеческие трупы? И с ужасающим грохотом катятся машины, забивают все новые одушевленные механизмы. А тебе при этом все равно, боже мой! Ты и мясник, и убойный скот» (Stramm 1997: 181–182); ср. с соответствующими образами в БА на с. 141 и след. наст. изд. Многие исследователи склонны рассматривать фигуру главного героя и особенности поэтики романа сквозь призму профессионального психиатрического опыта писателя, живо интересовавшегося пограничными психическими состояниями с медицинской точки зрения (см., например, послесловие к одному из немецких изданий романа: Kiesel 1993: 541–546). Часто указывается на то, что Дёблин весьма подробно описывает симптомы «военного невроза» – нервного заболевания, которому подвержены солдаты и офицеры, вернувшиеся с фронта. Симптоматика этого невроза была хорошо известна писателю и по специальной психиатрической литературе, и на практике: в Первую мировую войну Дёблин служил в лазаретах. Стоит заметить, что герой, страдающий «военным неврозом», – типичный персонаж в произведениях Дёблина (см., например: Гамлет: 506).

да и что меня выпустили из тюрьмы. Меня ведь не могли не выпустить, потому что наступил срок; все идет своим чередом, и чиновник выполняет свой долг. Ну я и иду, но мне не хочется, ах, боже мой, как мне не хочется.

Он прошел по Розенталерштрассе мимо универсального магазина Тица<sup>21</sup> и свернул направо, в узкую Софиенштрассе<sup>22</sup>. Подумал, что эта улица темнее, а где темнее, там лучше. Арестантов содержат в изоляторе<sup>23</sup>, в одиночном заключении и в общих камерах. В изоляторе арестант содержится круглые сутки, непрерывно, отдельно от других заклю-

---

<sup>21</sup> *Он прошел... мимо универсального магазина Тица...* – Знаменитый универсальный магазин Тица располагался на Александрплац с северной стороны площади. Был назван по имени своего владельца, Германа Тица. На самом деле Биберкопф, идущий по Розенталерштрассе, должен был сначала пройти мимо другого крупнейшего берлинского универсального магазина – магазина Вертгейма (Wertheim), который находился на пересечении Розенталерштрассе и Кёнигштрассе. В поздних переизданиях романа эта ошибка была исправлена редакторами. Для Дёблина важно указать на то, что ФБ проходит мимо магазина Тица, скорее всего, потому, что одним из первых занятий героя на свободе будет мелочная торговля «от Тица».

<sup>22</sup> *Софиенштрассе* – улица в центре Берлина, к северо-востоку от Александрплац. На Софиенштрассе и соседних с ней улицах проживали евреи; здесь также располагались еврейская школа, семинар для подготовки раввинов, больница еврейской общины и синагога.

<sup>23</sup> *Арестантов содержат в изоляторе...* – Здесь и далее (см., например, с. 105 наст. изд.) Дёблин дословно цитирует «Служебный и исполнительный кодекс для тюрем, находящихся в подчинении Управления юстиции Пруссии» («Dienst- und Vollzugsordnung für die Gefangenanstalten der Justizverwaltung in Preußen»), принятый в 1923 г. Кодекс устанавливал правила внутреннего распорядка в прусских тюрьмах, включая Тегель.

ченных. При одиночном заключении арестант помещается в одиночной камере, но во время прогулки, учебных занятий и богослужения имеет общение с другими. Вагоны трамвая продолжали грохотать и звонить, и один фасад дома тотчас же сменялся другим. А на домах были крыши, которые как будто парили над ними, глаза Франца блуждали поверху: только бы крыши не соскользнули<sup>24</sup>, но дома стояли прямо. Куда мне, горемычному, идти; он плелся вдоль сплошной стены домов, она казалась бесконечной. Вот я дуралей, отсюда же можно выбраться, еще пять минут, десять минут, а потом выпить рюмку коньяку и посидеть. После звонка заключенные немедленно приступают к работе. Прерывать ее разрешается только для приема пищи, прогулки и учебных занятий в назначенное время. На прогулке заключенные должны держать руки вытянутыми и размахивать ими вперед и назад.

Вот дом, Франц оторвал взор от мостовой и толкнул входную дверь; из груди его вырвалось печальное ворчливое ох-хо-хо. Он засунул руки в рукава, так, братец, так, здесь не замерзнешь. Раскрылась дверь со двора, и кто-то прошел мимо, волоча ноги, а затем остановился за ним. Франц закричал, ему нравилось кричать. Первое время в одиночке он

---

<sup>24</sup> ...только бы крыши не соскользнули... – Образ «соскальзывающих крыш» неоднократно появляется в романе: он связан со страхом героя перед окружающей его действительностью и непониманием ФБ своего места в мире. Не случайно в финале романа, после «метаморфозы» героя, говорится: «Дома стоят неподвижно, крыши лежат на них прочно <...>» (с. 483 наст. изд.).

всегда так кряхтел и радовался, что слышит свой голос, значит есть еще что-то, значит не все еще кончено. Так поступали многие из сидевших в изоляторе, кто – в начале заключения, кто – потом, когда чувствовали себя одинокими. Вот они и покрывали, это было как-никак что-то человеческое и утешало их. Итак, наш герой стоял в вестибюле чужого дома и не слышал ужасного шума улицы, и не было перед ним обезумевших домов. Выпятив губы и стиснув кулаки, он хрюкал и подбадривал себя. Его плечи в желтом летнем пальто были приподняты, как бы для защиты.

Незнакомец остановился рядом с бывшим арестантом и стал его разглядывать. «С вами что-то случилось? Вам нездоровится? У вас что-нибудь болит?». Тот, заметив его, сразу же перестал кряхтеть. «Или вас мутит? Вы живете в этом доме?» Это был еврей с большой рыжей бородой<sup>25</sup>, ни-

---

<sup>25</sup> *Это был еврей с большой рыжей бородой...* – Согласно переписи населения 1925 г., в Берлине в то время жило 173 тыс. евреев, это составляло приблизительно 4,5 % от всего городского населения; четверть еврейского населения Берлина составляли эмигранты из Польши и России, перебравшиеся в Германию после революции 1917 г. (см.: *Juden in Berlin 1671–1945. Ein Lesebuch.* Berlin: Nicolaische Verlag, 1988. S. 178f.). С начала 1920-х гг. усиливается интерес Дёблина к иудаизму и сионистскому движению (в последние годы жизни, впрочем, замалчивавшийся писателем в связи с его переходом в католичество в 1941 г.). Интерес к «еврейским корням и религии предков», по всей видимости, был связан с любовным романом Дёблина и Шарлотты (Йоллы) Никлас (1900–1977), дочь крупного берлинского банкира и профессиональным фотографом (под ее влиянием Дёблин начал интересоваться фотографией). Роман Дёблина и Йоллы, которая была намного моложе его, продолжался долгие годы, вплоть до начала 1940-х годов; все это время Дёблин не рещался развестись со своей женой Эр-

зенького роста, в черной велюровой шляпе, с палкой в руке.

---

ной, боясь причинить своим детям психическую травму, подобную той, которую, как он считал, нанес ему в свое время отец. Никлас ввела писателя в берлинскую еврейскую общину. В августе 1921 г. Дёблин опубликовал эссе «Сион и Европа», в котором выступил с жесткой критикой как радикального сионизма, так и европейского антисемитизма; это эссе, как считают исследователи творчества писателя, может послужить и наглядной иллюстрацией тех личных проблем, с которыми столкнулся писатель в поисках культурной самоидентификации (см.: Döblin 1985: 314f.). Еврейские погромы в германской столице в ноябре 1923 г. не только потрясли Дёблина своей жестокостью, но и пробудили в нем чувство национальной солидарности. В 1924–1925 гг. он пишет несколько сочувственных статей о еврейской культуре в Берлине. В марте 1924 г. на собрании «Сионистского клуба» Дёблин прочитал доклад «Сионизм и западная культура» (вместе с другими статьями и эссе Дёблина на эту тему, см.: Döblin 1995), из которого, однако, видно, что, несмотря на некоторые перемены в мировоззрении писателя после погромов 1923 г., его отношение к ортодоксальному иудаизму и сионизму по-прежнему оставалось прохладным. В сентябре 1924 г. по заказу своего издателя Самюэля Фишера Дёблин совершил поездку в Польшу, где должен был написать цикл репортажей о жизни восточноевропейских евреев. С конца октября 1924 г. эти репортажи регулярно печатались в газете Фишера «Фоззише цайтунг» и в ноябре следующего года вышли отдельной книгой под названием «Поездка в Польшу». За два месяца Дёблин посетил еврейские кварталы в Варшаве, Вильне, Любляне, Лемберге, Кракове и прочих городах Польши и Прибалтики. Дёблин был потрясен бедностью людей, живших в этих кварталах. Писателю казалось, что он «очутился в средневековье»; отчуждение, которое вызвал у него «край предков», усугублялось незнанием языков, на которых общалось местное еврейское население (идиша, русского, польского), и недостаточной осведомленностью в еврейских обычаях и ритуалах. Дёблин признавался в «Путешествии», что не смог понять тайный смысл религиозных обрядов, которые наблюдал во время своей поездки, и описывал их как «жуткие», «противоестественные», «атавистические». Писатель, однако, был поражен силой духа польских евреев, которые, несмотря на бедность, притеснения со стороны властей и католической церкви, не теряли жизнелюбия и оптимизма. Позже он писал о польских евреях так: «Во время своей польской поездки к так называемым „ев-

«Нет, я здесь не живу». Пришлось уйти, а ведь в вестибюле было недурно. И опять потянулась улица, замелькали фаса-

---

реям“, так ведь величают теперь остатки иудейского народа, я встретился и поговорил с самыми утонченными, остроумными и глубокомысленными людьми из всех, кого когда-либо знал» (Döblin 1986: 63). Поэтому не случайно, что именно евреи – первые, кого вышедший из тюрьмы Биберкопф встречает в Берлине, и первые, кто пытается помочь бывшему заключенному, дать ему совет. В то же время в Польше Дёблин испытывает первое глубокое потрясение, связанное с христианской религией: он поражен видом алтарей в католических церквях в Вильне и Варшаве, но особенно в краковской церкви Св. Девы Марии, алтарь которой был выполнен скульптором Фейтом Штоссом (1450–1533). После поездки в Польшу в мировоззрении Дёблина происходят существенные изменения. Писатель, как считается, отходит от своего прежнего, проникнутого пессимизмом представления о сути человеческого существования и от взгляда на человечество как на «пассивный, коллективный природный организм» (Natursein), он начинает мыслить человека как активное, духовное (Geistiges), действующее «я», способное влиять на окружающий его мир (эссе «Дух натуралистической эпохи» (см.: Döblin 1989: 170f.)). Кроме того, многие приемы характерного для БА дёблиновского письма (например, коллажи из газетных статей и рекламных лозунгов) впервые встречаются именно в тексте «Поездки в Польшу» (исследователи часто называют «Поездку» «ключевой» в развитии дёблиновского стиля конца 1920-х – начала 1930-х гг.). Польская книга была с негодованием встречена берлинской еврейской общиной: писателя обвинили в субъективизме, полном незнании истории и религии еврейского народа. Дёблин не остался в долгу, в своих воспоминаниях он так отзывался о берлинской еврейской общине: Эта так называемая [берлинская] еврейская община (...) у которой я время от времени находил поддержку, но ни в коем случае не радикальную, и которая не демонстрирует никакой духовной решительности (скорее напротив – шум, инертность, бюргерскую затхлость), – эта община не была моей (...) я познакомился лишь с неприглядной стороной еврейского характера: стремлением унижить, подозрительностью, злобной ненавистью к инакомыслящим – все это я принял во внимание (Döblin 1986: 63). Впрочем, в 1930-х гг. Дёблин неоднократно обращался к «еврейскому вопросу», выступая за создание отдельного еврейского государства.

ды домов, витрины, спешащие человеческие фигуры в брюках или светлых чулках, да такие все быстрые, юркие, ежесекундно новые, другие. А так как наш Франц на что-то решился, он зашел в проезд одного дома, где, однако, как раз стали отпирать ворота, чтоб пропустить автомобиль. Ну, тогда скорее в соседний дом, в тесный вестибюль рядом с лестницей. Здесь-то уж никакой автомобиль не помешает. Он крепко ухватился за столбик перил. И, держась за него, знал, что намерен уклониться от наказания (ах, Франц, что ты хочешь сделать? ведь ты же не сможешь!) и непременно это сделает, теперь он знает, где искать спасения. И тихонько снова завел свою музыку, свое хрюканье и урчанье, и не пойду я больше на улицу. А рыжий еврей тоже зашел в дом, но сначала было не заметил человека возле перил. Потом услышал его жужжанье. «Ну что вы тут делаете? Вам нехорошо?» Тогда Франц пошел прочь, во двор. А когда взялся за ручку двери, то увидел, что это опять еврей из того дома. «Отстаньте вы от меня! Что вам нужно?» – «Ну-ну, ничего. Вы так кричите и стонете, неужели нельзя спросить, что с вами?» А вон там, на улице, уж опять маячат дома, снующая взад и вперед толпа, сползающие крыши. Франц распахнул дверь во двор. Еврей – за ним: «Ну-ну, в чем дело? Не так уж все плохо. Ничего, не пропадете. Берлин огромен. Где тысячи живут, проживет и еще один».

Двор темный и окружен высокими стенами. Франц остановился возле мусорной ямы. И вдруг во всю глотку запел,

прямо в стену. Снял шляпу, как шарманщик. Звуки отражались от стен. Это было хорошо. Его голос звенел у него в ушах. Он пел таким громким голосом, каким ему ни за что не позволили бы петь в тюрьме. А что он пел так, что стены гудели? «Несется клич, как грома гул»<sup>26</sup>. По-военному четко, ритмично. А затем припев: «Ювиваллераллера»<sup>27</sup>, из другой песни. Никто не обращал на него внимания. У выхода его подцепил еврей: «Вы хорошо пели. Вы в самом деле очень хорошо пели. С таким голосом, как у вас, вы могли бы зарабатывать большие деньги». Еврей пошел за ним по улице, взял под руку и, без умолку болтая, потащил вперед,

---

<sup>26</sup> «Несется клич, как грома гул». – Начальные строки популярнейшей патристической песни композитора Карла Вильгельма (1815–1873) «Стража на Рейне» («Die Wacht am Rein», 1854) на слова швабского купца Макса Шнекенбургера (1819–1849). Стихи Шнекенбургера были поэтическим откликом на так называемый рейнский кризис 1840 г., когда французские власти предложили провести границу между Францией и германскими княжествами по Рейну. Предложение французов вызвало волну негодования во всех германских землях, во многом способствовав подъему национального самосознания у немцев. В кайзеровской Германии «Стража на Рейне» считалась неофициальным гимном. Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. была любимейшей песней немецких солдат, ее называли даже «лирическим походным снаряжением», а Бисмарк как-то отозвался о «Страже на Рейне» в том духе, что одна эта песня стоит сотни армий. Песня была популярна и среди солдат во время Первой мировой войны. Строки из этой шовинистской песни лейтмотивом проходят в романе (см., например, с. 13, 94, 136, 240 наст. изд.).

<sup>27</sup> А затем припев: «Ювиваллераллера»... – «Ювиваллераллера» (Juvivallerallera) – слово из припева популярной немецкой студенческой песни «Темно-коричневое пиво».

пока они не свернули на Горманнштрассе<sup>28</sup>, еврей и ширококостый, рослый парень в летнем пальто и со стиснутыми губами, словно его вот-вот вырвет желчью.

---

<sup>28</sup> *Горманнштрассе* – улица к северу от Александрплац, на которой располагались большая гимназия и военное кладбище.

## Он все еще не пришел в себя

Еврей привел его в комнату, где топилась железная печка, усадил на диван: «Ну, вот мы и пришли. Присаживайтесь. Шляпу можете оставить на голове или снять, как вам угодно. А я сейчас кого-то позову, кто вам понравится. Дело в том, что сам я здесь не живу. Я здесь только гость, как и вы. Ну и как это бывает, один гость приводит другого, если только комната теплая».

Тот, кого недавно выпустили на свободу, остался сидеть один. Несется клич, как грома гул, как звон мечей и волн приборой. Да, ведь он ехал на трамвае, глядел в окно, и красные стены тюрьмы были видны за деревьями, осыпался желтый лист. Стены все еще мелькали у него перед глазами, он разглядывал их, сидя на диване, разглядывал не отрываясь. Большое счастье – жить в этих стенах, по крайней мере знаешь, как день начинается и как проходит. (Франц, не собираешься же ты прятаться, ведь ты уже четыре года прятался, приободрился, погляди вокруг себя, когда-нибудь должна же эта игра в прятки кончиться!) Петь, свистеть и шуметь запрещается. Заключение должны по сигналу к подъему немедленно встать, убрать койки, умыться, причесаться, вычистить платье и одеться. Мыло должно отпускаться в достаточном количестве. Бум – колокол – вставать, в пять тридцать, бум – в шесть отпирают камеру, бум, бум – стано-

вись на поверку, получай утреннюю порцию, работа, перерыв; бум, бум, бум – обед, эй ты, не строй рожи, у нас не на убой кормят, кто умеет петь, выходи вперед, явиться на спевку в пять сорок, я, дозволейте доложить, не могу петь – охрип, в шесть камеры запираются, спокойной ночи, день прошел. Да, большое счастье жить в этих стенах, мне-то здорово припаяли, почти как за предумышленное убийство, а ведь было только убийство неумышленное, телесное повреждение со смертельным исходом, вовсе не так ужасно, а все-таки я стал большим подлецом, негодяем, чуть-чуть не хватило до законченного мерзавца.

Старый, высокого роста, длинноволосый еврей, черная ермолка на затылке, давно уже сидел напротив него. В городе Сузе жил некогда муж по имени Мардохей, и воспитал он у себя в доме Эсфирь, дочь своего дяди, и была эта девушка прекрасна лицом и станом<sup>29</sup>. Старик-еврей отвел гла-

---

<sup>29</sup> *В городе Сузе жил некогда муж по имени Мардохей, и воспитал он у себя в доме Эсфирь... и была эта девушка прекрасна лицом и станом.* – Парафраза ветхозаветной Книги Есфири, ср.: «Был в Сузах, в городе престольном один Иудеянин, имя его Мардохей. Сын Иаира, сын Семеня, сын Киса из колена Вениаминова. Он был переселен из Иерусалима вместе с пленниками, выведенными с Иехониею, царем Иудейским, которых переселил Навуходоносор, царь Вавилонский. И был он воспитателем Гадассы – она же Эсфирь, – дочери дяди его, так как не было у нее ни отца, ни матери. Девушка эта была красива станом и пригожа лицом. И по смерти отца ее и матери, Мардохей взял ее к себе вместо дочери» (Есф. 2: 5–7). Эсфирь (Есфирь) – в иудаистской мифологии прекрасная, отважная героиня, спасающая свой народ от истребления в эпоху правления персидского царя Артаксеркса, главный персонаж ветхозаветной Книги Есфири. После того как гордая царица Астинь отказалась явиться на званый царский пир

за от Франца и повернул голову в сторону рыжего: «Откуда вы его выкопали?» – «Да он бегал из дома в дом. А на одном дворе остановился и стал петь». – «Петь?» – «Да, солдатские песни». – «Он, верно, озяб». – «Пожалуй». Старик принялся его разглядывать. В первый день Пасхи лишь неверные могут хоронить покойника, на второй день могут хоронить и сыны Израиля, то же верно и для первых двух дней Нового года<sup>30</sup>. А кто автор следующих слов учения Раббанан<sup>31</sup>: кто вкусит от павшей птицы чистой, тот не осквернится, но кто

---

и показать там свою красоту, Артаксеркс удалил ее от двора и приказал собрать самых красивых девушек со всего персидского царства; его выбор пал на еврейку Эсфирь, и он сделал ее своей женой. Через Эсфирь ее дядя Мардохей предупредил царя о готовящемся против него заговоре и спас ему жизнь. Мардохей, однако, отказался поклониться царскому визирю Аману, пользовавшемуся властью с крайним высокомерием и деспотизмом, и к тому же кровному врагу Мардохея. Уязвленный этим, Аман решил погубить и самого Мардохея, и весь его народ и уговорил Артаксеркса издать приказ о поголовном истреблении иудеев. Мардохей потребовал от Эсфири, чтобы та заступилась за свой народ. Эсфирь, нарушив строгий придворный этикет, незваной явилась к царю и пригласила его на пир, во время которого молила царя о защите своего народа от козней Амана. Амана казнили, а царь издал указ, разрешающий евреям «собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними» (Есф. 8: 11). Мардохей занял место Амана при царском дворе. Упоминание о добродетельной Эсфири, по-видимому, предвещает в романе образ Мици.

<sup>30</sup> *В первый день Пасхи лишь неверные могут хоронить покойника ~ то же верно и для первых двух дней Нового года.* – Дёблин цитирует предписания вавилонского Талмуда.

<sup>31</sup> *Раббанан* («Заповеди мудрецов, числом семь») – одно из основных учений в иудаизме.

вкусит от ее кишок или зоба, тот осквернится?»<sup>32</sup> Длинной желтой рукой он дотронулся до руки Франца, лежавшей поверх пальто. «Послушайте, не хотите ли снять пальто? Ведь здесь жарко. Мы люди старые, зябнем круглый год, а для вас тут слишком жарко».

Франц сидел на диване и искоса поглядывал на свою руку; он ходил по улицам из двора во двор, надо же было посмотреть, что делается на свете. И ему захотелось встать и уйти, глаза его искали дверь в темной комнате. Тогда старик силой усадил его обратно на диван. «Да оставайтесь же. Куда вам, собственно, спешить?» Но ему хотелось прочь. А старик держал его за кисть руки и сжимал ее, сжимал: «Посмотрим, однако, кто сильнее, вы или я. Оставайтесь, раз я вам говорю, – и, переходя на крик, – а вы все-таки останетесь. И выслушаете, что я скажу, молодой человек. Ну-ка, держитесь, непоседа». Затем обратился к рыжему, который схватил Франца за плечи: «А вы, вы не вмешивайтесь. Разве я вас просил? Я с ним и один справлюсь».

Что этим людям нужно от него? Он хотел уйти, он пытался подняться, но старик вдавил его в диван. Тогда он крикнул: «Что вы со мной делаете?» – «Ругайтесь, ругайтесь, потом будете еще больше ругаться». – «Пустите меня. Я хочу прочь отсюда». – «Что, опять на улицу, опять по дворам?»

Тут старик встал со стула, шумно прошелся взад-вперед

---

<sup>32</sup> ...кто вкусит от ее кишок или зоба, тот осквернится? – Дёблин приводит иудейские кошерные правила по ветхозаветной Книге Левита (см.: Лев. 11; 17).

по комнате и сказал: «Пускай кричит, сколько ему угодно. Пускай делает что хочет. Но только не у меня. Открой ему дверь». – «В чем дело? Как будто у вас никогда не бывает крика?» – «Не приводите в мой дом людей, которые шумят. У дочери дети больны, лежат вон там в комнате, так у меня шума довольно». – «Ну-ну, вот горе-то, а я и не знал, вы меня уж простите». Рыжий взял Франца под руку: «Идем. У ребе<sup>33</sup> забот полон рот. Внуки у него заболели. Идем дальше». Но теперь тот раздумал вставать. «Да идемте же». Францу пришлось встать. «Не тащите меня, – сказал он шепотом. – Оставьте меня здесь». – «Но вы же слышали, что у него в доме больные». – «Позвольте мне еще чуточку остаться».

Со сверкающими глазами глядел старик на незнакомого человека, который так просил. Говорил Иеремия: Исцелим Вавилон, но тот не дал себя исцелить. Покиньте его, и каждый из нас отправится в свою страну. И меч да падет на халдеев, на жителей Вавилона<sup>34</sup>. «Что ж, если он будет вести себя тихо, пускай остается вместе с вами. Но если будет шуметь, то пусть уходит». – «Хорошо, хорошо, мы не будем шуметь. Я посижу с ним, вы можете на меня положиться». Старик молча удалился.

---

<sup>33</sup> *Ребе* – уважительное обращение к раввину.

<sup>34</sup> *Говорил Иеремия ~ жителей Вавилона.* – Отрывок представляет собой монтаж цитат из библейской Книги пророка Иеремии (см.: Иер. 51: 9; 50: 8; 50: 35). С Вавилоном в то время отождествлялись все большие города, в том числе и Берлин.

## Поучение на примере Цанновича<sup>35</sup>

Итак, только что выпущенный из тюрьмы человек в желтом летнем пальто снова сидел на диване. Вздыхая и в недоумении покачивая головой, рыжий ходил взад и вперед по комнате: «Ну, не сердитесь, что старик погорячился. Вы, верно, приезжий?» – «Да, я... был...» Красные стены тюрьмы, красивые, крепкие стены, камеры, – о, как приходится тосковать по вам! Вот он прилип спиной к красной ограде, умный человек ее строил, он не уходил. И вдруг он соскользнул, точно кукла, с дивана на ковер, сдвинув при падении стол. «В чем дело?» – крикнул рыжий. Франц извивался на ковре, шляпа покатила из рук, головой он бился о пол и стонал: «В землю уйти бы, туда, где темнее, уйти...» Рыжий

---

<sup>35</sup> *Поучение на примере Цанновича.* – Название главы напрямую отсылает к средневековому жанру *exempla* (лат. – пример), то есть назидательному аллегорическому рассказу, а также указывает на один из важных принципов построения романа, типичный для писателя (см.: Гамлет: 502–552): все истории, рассказываемые параллельно центральному сюжету, являются непрямым комментарием к основному действию и должны проиллюстрировать главный назидательный смысл произведения. Постоянные параллельные рассказы, мифологические, исторические, естественно-научные и прочие аллюзии и аналогии, сопровождающие историю героя, вписывают его судьбу в широкий – почти бесконечный – контекст: его индивидуальная судьба, таким образом, теряет сугубо временные ориентиры, растворяется, становится одной из многих подобных историй. История Цанновича содержит многочисленные аллюзии на судьбу Франца и одного из ключевых персонажей Рейнхольда, появляющегося позже.

дергал его во все стороны: «Ради бога! Вы же у чужих людей. Того и гляди придет старик. Да встаньте же». Но тот не давал себя поднять, цеплялся за ковер и продолжал стонать. «Да успокойтесь, ради бога. Услышит старик, тогда... Мы с вами уж как-нибудь столкнемся». – «Меня отсюда никто не заставит уйти...» И – как крот.

А рыжий, убедившись, что не может его поднять, покрутил пейсы, запер дверь и решительно уселся рядом с этим человеком на пол. Обхватив руками колени и поглядывая на торчавшие перед ним ножки стола, сказал: «Ну ладно. Оставайтесь себе тут. Давайте-ка и я подсяду. Хоть оно и неудобно, но почему бы и не посидеть? Не хотите сказать, что с вами, так я сам вам что-нибудь расскажу». Выпущенный из тюрьмы человек кряхтел, припав головой к коврику. (Но почему же он стонет и кряхтит? Да потому, что надо решиться, надо избрать тот или иной путь, а ты никакого не знаешь, Франц. Вернуться к старому тебе бы не хотелось, в тюремной камере ты тоже только стонал и прятался и не думал, не думал, Франц.) Рыжий сердито продолжал: «Не надо так много воображать о себе. Надо слушать других. С чего вы взяли, что вам так уж плохо? Господь ведь никого из Своих рук не отпускает. Есть ведь еще и другие люди. Разве вы не читали, что взял Ной в свой ковчег, когда случился Всемирный потоп? От каждой твари по паре<sup>36</sup>. Бог никого не забыл.

---

<sup>36</sup> ...взял Ной в свой ковчег ~ От каждой твари по паре. – Ср.: «И сказал Господь Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным

Даже головных вшей – и тех не забыл. Все Ему были одинаково любы и дороги». А тот только жалобно пищал. (Что ж, за писк денег не берут. Пищать может и больная мышь.)

Рыжий дал ему напишаться вволю и почесал себе щеки. «Много чего есть на свете, и много о чем можно порассказать, когда бываешь молод и когда состаришься. Ну так вот, я вам расскажу про Цанновича<sup>37</sup>, Стефана Цанновича. Вы эту

---

предо Мною в роде сем; и всякого скота чистого возьми по семи, мужского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужского пола и женского» (Быт. 7: 1–2). Писатель также постоянно подчеркивает «апокалиптический» характер погоды в Берлине: в Берлине Дёблина почти всегда либо холодно, либо идет дождь (см. примеч. 58). Ср.: «Чрез семь дней воды потопа пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились: и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей» (Быт. 7: 10).

<sup>37</sup> ...я вам расскажу про Цанновича... – Дёблин считал, что рассказывание историй имеет исцеляющую силу и помогает лечить душевные расстройства. Источник истории о Цанновиче неизвестен. Скорее всего, Дёблин услышал или записал ее во время своей поездки в Польшу в 1924 г. Важно, что первая «поучительная история» в романе – это история жизни афериста. Феномен аферизма играл значительную роль в культурном сознании Веймарской республики. Обман и ожидание приобрели здесь характер эпидемии (...). постоянно существовал риск, что за абсолютно respectable и надежным видом скрывается нечто, не имеющее основы, хаотическое (...). В таком лишенном надежности и всяческих гарантий мире аферист становится главенствующим типом эпохи *par excellence*. Дело не только в том, что резко возрастает количество случаев обмана, мошенничества, брачных афер, шарлатанства и т. п.; аферист – как в том убеждает себя, основываясь на опыте, общественное сознание – становится неперменной и неизбежно присутствующей фигурой, созданной эпохой, и мифическим шаблоном. Во взгляде на афериста лучше всего реализуется потребность в наглядном воплощении этой двусмысленной жизни, в которой все то и дело выходит не так, как «задумывалось», «подразумевалось», «хотелось» и «имелось в виду».

историю, наверно, еще не слышали. А когда вам полегчает, то съдьте чуточку прямее. Ведь так у вас кровь приливает к голове, а это вредно. Мой покойный отец нам много чего рассказывал; он немало постранствовал по белу свету, как вообще наши соплеменники, дожил до семидесяти лет, пережил покойницу-мать и знал массу вещей и был умным человеком. Нас было семь голодных ртов, и, когда нечего бы-

---

Наблюдая за тем, как устраивает свой маскарад обманщик, укрепляются в убеждении, что и вся действительность устроена точно так же, и в ней сплошь и рядом все орудуя под масками (Слотердаик 2001: 519–520). В конце 1910–1920-х гг. в немецких газетах неоднократно публиковались сенсационные материалы с разоблачениями аферистов и мошенников, появлялись многочисленные литературные произведения об обманщиках и самозванцах, выходили мемуары аферистов и мошенников. Одним из самых известных аферистов Веймарской республики был Гари Домела (1905–1978?), выдававший себя за наследника княжеской фамилии Гогенцоллернов. В 1927 г. вышли его воспоминания (которые и по сей день популярны у читателей), а несколько лет спустя – снятый на основе этих воспоминаний фильм, имевший сенсационный успех. См. также мотив маски в романе, смены героями имен и т. п. История о Цанновиче – единственная в романе, обращенная напрямую к ФБ; герой слышит ее от двух человек (в чем преломляется один из важных принципов поэтики БА: целое непременно должно дробиться на части, такова действительность, которую пытается воссоздать писатель), а выводы, которые делает каждый из двух рассказчиков, становятся затем лейтмотивами романа. В следующих главах эта связь экономики и секса подчеркивается тем, что женщины начинают функционировать в жизни Биберкопфа как «составные части системы имущественного обмена, связанного с увеличением товарной стоимости посредством вовлечения женщины в проституцию. Стоимость женщины зависит (...) от посторонней оценки. Биберкопф показывает Мици Рейнхольду, и (...) ждет его приговора, который является необходимым условием оценки его собственности» (Widdig 1992: 166–167). Стоит обратить внимание и на следующую деталь: каждая новая женщина приносит Францу «подарок» от Рейнхольда, который можно истолковать как символическую прибыль.

ло есть, он рассказывал нам разные истории». Ими сыт не будешь, но об этом забываешь. Глухой стон на полу не затихал. (Что ж, стонать может и больной верблюд.) «Ну-ну, мы знаем, что на свете не только все золото, красота и радости. Итак, кем же был этот Цаннович, кем был его отец, кем были его родители? Нищими, как большинство из нас, торгашами, мелкими лавочниками, комиссионерами. Старик Цаннович был родом из Албании и переселился в Венецию. Уж он знал, чего ради переселился в Венецию! Одни переселяются из города в деревню, другие – из деревни в город. В деревне спокойнее, люди ощупывают каждую вещь со всех сторон, и вы можете уговаривать их целыми часами, а если повезет, то заработаете пару пфеннигов. В городе, конечно, тоже трудно, но люди идут гуще, и ни у кого нет времени. Не один, так другой. Ездят они не на волах, а в колясках, на резвых лошадках. Тут проигрываешь и выигрываешь. Это старик Цаннович прекрасно понял. Сперва он продал все, что имел, а потом взялся за карты и стал играть. Человек он был не очень честный. Пользовался тем, что у людей в городе нет времени и что они хотят, чтоб их занимали. Ну он их и занимал. Это стоило им немало денег. Плутым, шулером был старик Цаннович, но голова у него была – ой-ой! С крестьянами-то ему это не особенно удавалось, но здесь дела его шли недурно. Даже, можно сказать, дела у него шли отлично. Пока вдруг кому-то не показалось, что его обирают. Ну а старик Цаннович об этом как раз и не подумал. Произошла свал-

ка, позвали полицию, и в конце концов старику Цанновичу пришлось со своими детьми удирать во все лопатки. Венецианские власти хотели было преследовать его судом, но какие, думал старик, могут быть разговоры с судом, ведь все равно суд никогда его не поймет! Так его и не смогли разыскать, а у него были лошади и деньги, и он вновь обосновался в Албании, купил себе там имение, целую деревню, дал детям хорошее образование. И когда совсем состарился, то мирно скончался, окруженный общим почетом. Такова была жизнь старика Цанновича. Крестьяне оплакивали его, но он терпеть их не мог, потому что все вспоминал то время, когда стоял перед ними со своими безделушками, колечками, браслетами, коралловыми ожерельями, а они перебирали и вертели в руках все эти вещи и в конце концов уходили, ничего не купив.

И знаете, когда отец – былинка, он хочет, чтоб его сын был большим деревом. А когда отец – камень, то чтоб сын был горой. Вот старик Цаннович своим сыновьям и сказал: «Пока я торговал здесь, в Албании, двадцать лет, я был ничто. А почему? Потому что я не нес свою голову туда, где ей настоящее место. Я пошлю вас в высшую школу, в Падую, – возьмите себе лошадей и повозку, а когда кончите ученье, вспомните меня, который болел душою за вас вместе с вашей матерью и ночевал с вами в лесу, словно дикий вепрь: я сам был виноват в этом. Крестьяне меня иссушили, точно неурожайный год, и я погиб бы, если б не ушел к людям, и

там я не погиб».

Рыжий посмеивался про себя, потряхивал головой, раскачивался всем туловищем. Они сидели на полу на ковре. «Если бы теперь кто-нибудь зашел сюда, то принял бы нас обоих за сумасшедших, тут есть диван, а мы уселись перед ним на полу. Ну да впрочем – что кому нравится, почему бы и нет, если человеку хочется? Так вот, молодой Цаннович, Стефан, еще юношей лет двадцати был большим краснобаем. Он умел повернуться и так и сяк, умел понравиться, умел быть ласковым с женщинами и задавать тон с мужчинами. В Падуе дворяне учились у профессоров, а Стефан учился у дворян. И все относились к нему хорошо. А когда он приехал на побывку домой в Албанию – отец тогда еще был жив, – тот тоже очень полюбил его, гордился им и говорил: „Вот, смотрите на него, это – человек, который нужен миру. Он не станет двадцать лет торговать с крестьянами, он опередил своего отца на двадцать лет“. А юноша, поглаживая свои шелковые рукава, откинул назад со лба мягкие кудри и поцеловал старого счастливого отца со словами: „Да ведь это же вы, отец, избавили меня от двадцати плохих лет“. – „Да будут они лучшими в твоей жизни!“ – молвил отец, лаская и милуя свое детище.

И в самом деле, у молодого Цанновича все пошло, словно в волшебной сказке, но только это была не сказка. Люди к нему так и льнули. Ко всем сердцам он находил ключ. Однажды он совершил поездку в Черногорию, как настоящий ка-

валер, – были у него и кареты, и кони, и слуги. У отца сердце радовалось на сына при виде такого великолепия (что ж, отец – былинка, а сын – большое дерево!), а в Черногории его приняли за графа или князя, ему даже не поверили бы, если б он сказал: моего отца зовут Цаннович, а живем мы в деревне Пастровице<sup>38</sup>, чем мой отец немало гордится! Ему просто-напросто не поверили бы, настолько он умел держаться как дворянин из Падуи, да и похож он был на дворянина и знал их всех. Тогда Стефан, смеясь, сказал: пусть будет по-вашему! И стал выдавать себя перед людьми за богатого поляка, за которого они и сами его принимали, за некоего барона Варту<sup>39</sup>. Ну и те были довольны, и он был доволен».

Человек, только что вышедший из тюрьмы, вдруг резким движением приподнялся и сел. Он сидел на корточках и сверху вниз испытующе глядел на рассказчика. А затем холодно уронил: «Обезьяна!» – «Обезьяна так обезьяна, – пренебрежительно отозвался рыжий. – Тогда, значит, обезьяна знает больше, чем иной человек». Какая-то сила снова повергла его собеседника на пол. (Ты должен раскаяться; осознать, что случилось; осознать, что тебе надо сделать!)

«Итак, я могу продолжать. Можно еще многому научиться у других людей. Молодой Цаннович вступил на этот путь, и так оно и пошло дальше. Я-то его уже не застал, да и мой

---

<sup>38</sup> *Пастровица* – деревня недалеко от города Котора в Черногории.

<sup>39</sup> ...стал выдавать себя... за... барона Варту. – Вымышленное имя персонажа соответствует названию реки в Польше; Варта – правый приток Одера.

отец его не застал, но представить его себе вовсе не трудно. Если я, например, спрошу вас, хотя вы только что обозвали меня обезьяной, – между прочим, не следует презирать ни одно животное на свете, потому что они оказывают нам много благодеяний; вспомните хотя бы лошадь, собаку, певчих птиц, ну а обезьян я знаю только по ярмарке: им приходится, сидя на цепи, потешать публику, а это тяжелая участь, и ни у одного человека нет такой тяжелой участи...<sup>40</sup> так вот я вас (не могу назвать вас по имени, потому что вы мне его не сообщили), я вас и спрашиваю: благодаря чему Цанновичи – как старик, так и молодой – сделали такую карьеру? Вы думаете, что у них мозг был иначе устроен, что они были большие умницы? Так умницами бывали и другие, да все-таки восьмидесяти лет не достигали того, что Стефан – двадцати. Нет, главное в человеке – это глаза и ноги! Надо уметь видеть людей и подходить к ним.

А вот послушайте, что сделал Стефан Цаннович, который умел видеть людей и знал, что их нечего бояться. Обратите внимание, как они идут нам навстречу, как они чуть ли не сами выводят слепого на дорогу. Что они хотели от Сте-

---

<sup>40</sup> ...обезьяна знает больше, чем иной человек ~ ни у одного человека нет такой тяжелой участи... – Образ обезьяны неоднократно встречается в романе (ср. с. 296 наст. изд.). Это животное обычно символизирует низшие силы, тьму. В Средние века считалось, что обезьяна – символ издевательств дьявола над божьим твореньем, существовало мнение, что она проявляет особую склонность к меланхолии, предаваясь грусти при убывании луны. Обезьяне уподобляется, в частности, ФБ. См. ниже по тексту: «Лицо у него было печальное, сморщенное (...)» (с. 20 наст. изд.); «он ползал на четвереньках (...)» (с. 26 наст. изд.).

фана? Ты – барон Варта. – Хорошо, сказал он, пусть я буду барон Варта. Потом ему, или же им, стало и этого мало. Если уж он барон, так почему бы и не еще повыше? В Албании был один человек, знаменитый, который уж давно умер, но которого там почитают, как вообще народ почитает своих героев, и звали того человека Скандербег<sup>41</sup>. Если бы Цаннович только мог, он бы сказал, что он и есть тот самый Скандербег. Но так как Скандербег давно умер, то он сказал, что он – потомок Скандербега, принял важный вид, назвал себя принцем Кастриотом Албанским и заявил, что снова сделает Албанию великой и что его приверженцы только ждут знака. Ему дали денег, чтобы он мог жить, как подобает потомку Скандербега. Он доставил людям истинное удовольствие. Ведь ходят же они в театр и слушают всякие выдуманные вещи, которые им приятны. И платят за это. Так почему бы им не платить, когда такого рода приятные вещи случаются с ними днем или утром, тем более когда люди сами могут принять участие в игре?»

И снова человек в желтом летнем пальто приподнялся с пола. Лицо у него было печальное, сморщенное, он поглядел сверху вниз на рыжего, кашлянул и изменившимся голосом сказал:

«Скажите-ка, человек божий, вы не с луны свалились, а?»

---

<sup>41</sup> *Скандербег* Георг Кастриоти (1405–1468) – национальный герой Албании, возглавивший освободительную борьбу албанцев против османских завоевателей.

Вы, верно, с ума спятили?» – «С луны свалился? Что ж, пожалуй. То я – обезьяна, то – с ума спятил». – «Нет, вы мне скажите, чего вы, собственно, тут сидите и городите такую чушь?» – «А кто сидит на полу и не желает встать? Я, что ли? А между тем рядом диван. Ну ладно! Если вам не нравится, я больше не буду рассказывать».

Тогда тот человек, оглянувшись кругом, вытянул ноги и прислонился спиной к дивану, а руками уперся в ковер. «Что, так будет удобнее?» – «Да. И вы можете, пожалуй, прекратить теперь вашу болтовню». – «Как вам угодно. Я эту историю уже часто рассказывал, так что я ничего не потеряю. А вы – как хотите». Но после небольшой паузы тот снова обернулся к рассказчику и попросил: «Так и быть, доскажите вашу историю до конца». – «Ну вот видите. Когда что-нибудь рассказывают или разговариваешь, время проходит как-то быстрее. Ведь я хотел только открыть вам глаза. Итак, Стефан Цаннович, о котором сейчас была речь, получил столько денег, что мог поехать с ними в Германию. В Черногории его так и не раскусили. И поучиться следует у Цанновича Стефана тому, как он знал себя и людей. Тут он был невинен, как щebetунья-птичка. И обратите внимание, он совершенно не боялся людей; самые великие, самые могущественные, самые грозные были его друзьями: курфюрст саксонский<sup>42</sup>, а

---

<sup>42</sup> *Курфюрст саксонский*. – Скорее всего, имеется в виду Август Второй Сильный (1670–1733), курфюрст Саксонии и король Польский (1697–1796, 1709–1733). В 1700–1721 гг. участвовал в Северной войне на стороне России.

также кронпринц прусский, который впоследствии прославился как великий полководец<sup>43</sup> и перед которым эта австриячка, императрица Терезия<sup>44</sup>, трепетала на своем троне. Но даже и перед ним Цаннович не трепетал. А когда Стефану случилось побывать в Вене и столкнуться там с людьми, которые подкапывались под него, сама императрица вступилась за него и сказала: Не обижайте этого юношу!»

---

<sup>43</sup> ...кронпринц прусский, который впоследствии прославился как великий полководец... – Очевидно, это Фридрих II Великий (1712–1786), выдающийся политик и военачальник. За время правления Фридриха II (1740–1786 гг.), в результате его политики, территория Пруссии удвоилась. Во время Семилетней войны (1756–1763 гг.) он отвоевал у Австрии и присоединил к Пруссии Силезию.

<sup>44</sup> ...австриячка, императрица Терезия, трепетала на своем троне. – Мария Терезия (1717–1780) – австрийская эрцгерцогиня с 1740 г., из династии Габсбургов. Утвердила свои права на владения Габсбургов в войне за австрийское наследство, но потеряла при этом Силезию.

## **Неожиданный финал этого рассказа, который восстановил душевное равновесие человека, выпущенного из тюрьмы**

Слушатель расхохотался, заржал у дивана: «Ну и номер! Вы могли бы выступать клоуном в цирке». Рыжий смеялся за компанию: «Вот видите? Только, пожалуйста, потише, не забывайте о больных внуках старика. А что, не сесть ли нам все-таки на диван? Что вы на это скажете?» Тот рассмеялся, забрался на диван и сел в уголок; рыжий занял другой угол: «Так-то будет помягче, и пальто не помнется». Человек в летнем пальто в упор глядел из своего угла на рыжего. «Такого чудака я давно уж не встречал», – сказал он. «Вы, может быть, просто не обращали внимания, – равнодушно отозвался рыжий, – потому что их еще довольно много на свете. А вот вы запачкали себе пальто, тут ведь никто не вытирает ног». У человека из тюрьмы, ему было лет 30 с небольшим, повеселели глаза, да и лицо стало как будто свежее. «Скажите, – спросил он рыжего, – чем вы, собственно говоря, торгуете? Вы, вероятно, живете на луне?» – «Пусть будет так. Что ж, давайте говорить о луне».

Тем временем в дверях уже минут пять стоял какой-то мужчина с каштановой курчавой бородой. Теперь он подо-

шел к столу и сел на стул. Это был молодой еще человек, в такой же велюровой шляпе, как у рыжего. Он описал рукою круг в воздухе и пронзительным голосом крикнул: «Это кто такой? Что у тебя с ним за дела?» – «А ты что тут делаешь? Я его не знаю, он не назвал своего имени». – «И ты рассказывал ему всякие небылицы?» – «А хоть бы и так? Тебе-то что за печаль?» – «Значит, он рассказывал вам небылицы?» – обратился шатен к человеку из тюрьмы. «Да он не говорит. Он только бродит по улицам и поет по дворам». – «Ну и пусть себе бродит! Что ты его держишь?» – «Не твое дело, что я делаю!» – «Да я же слышал в дверях, что у вас тут было. Ты ему рассказывал про Цанновича. Другого ты ничего и не умеешь, как только рассказывать да рассказывать». Тогда незнакомец из тюрьмы, который все время не сводил глаз с шатена, ворчливо спросил: «Кто вы, собственно, такой? Откуда вас принесло? Чего вы вмешиваетесь в его дела?» – «Рассказывал он вам про Цанновича или нет? Рассказывал. Мой шурин Нахум все ходит да ходит да рассказывает всякие сказки и только самому себе никак не может помочь». – «Я тебя вовсе не просил мне помочь. Но разве ты не видишь, что ему нехорошо, скверный ты человек». – «А если даже ему и нехорошо, то что ты за посланец Божий выискался? Как же, Бог только того и ждал, чтобы ты явился! Одному б Ему ни за что не справиться». – «Нехороший ты человек». – «Советую вам держаться от него подальше, слышите? Наверно, он вам тут наплел, как повезло в жизни

Цанновичу и невесть еще кому». – «Уберешься ли ты, наконец?» – «Нет, вы послушайте, что за мошенник этот благодетель-то! И он еще разговаривает! Да разве это его квартира? Ну, что ты опять такое наболтал о Цанновиче и о том, чему у него можно поучиться. Эх, следовало бы тебе сделаться раввином. Мы б тебя уж как-нибудь прокормили». – «Не надо мне вашей благотворительности!» – «А нам не надо паразитов, которые висят на чужой шее! Рассказал ли он вам, что случилось в конце концов с Цанновичем?» – «Дрянь, скверный ты человек!» – «Рассказал, а?» Человек из тюрьмы устало поморгал глазами, взглянул на рыжего, который, грозя кулаком, направился к двери, и буркнул ему вслед: «Постойте, постойте, не уходите. Чего вам волноваться? Пускай себе болтает».

Тогда шатен горячо заговорил, обращаясь то к незнакомцу, то к рыжему, взволнованно жестикулируя, ерзая на стуле, прищелкивая языком, подергивая головой и поминутно меняя выражение лица: «Он людей только сбивает с толку. Пусть-ка он доскажет, чем кончилось дело с Цанновичем Стефаном. Так нет, этого он не рассказывает, а почему не рассказывает, почему, я вас спрашиваю?» – «Потому что ты нехороший человек, Элизер!» – «Получше тебя. А вот почему (шатен с отвращением воздел руки и страшно выпучил глаза): Цанновича выгнали из Флоренции, как вора. Почему? Потому что его разоблачили!» Рыжий угрожающе встал

перед ним, но шатен только отмахнулся. «Теперь говорю я, – продолжал он. – Оказалось, он писал письма разным владельческим князьям, что ж, такой князь получает много писем, а по почерку не видать, что за человек писал. Ну, нашего Стефана и раздуло тщеславием, назвался он принцем Албанским, поехал в Брюссель и занялся высокой политикой. Это, видно, Стефана попутал его злой ангел. Явился он там высшим властям – нет, вы себе представьте Цанновича Стефана, этого мальчишку, – и предлагает для войны, не помню с кем, не то сто, не то двести тысяч – это не важно – вооруженных людей. Ему пишут бумагу за правительственной печатью: покорнейше благодарим, в сомнительные сделки не пускаемся. И опять злой ангел попутал нашего Стефана: возьми, говорит, эту бумагу и попробуй получить под нее деньги! А была она прислана ему от министра с таким адресом: Его высокоблагородию сиятельному принцу Албанскому. Дали ему под эту бумажку денег, а потом-то оно и вышло наружу, какой он аферист. А сколько лет ему было в то время? Тридцать, больше ему и не пришлось пожить в наказание за свои проделки. Вернуть деньги он не мог, на него подали в суд в Брюсселе, тут все и обнаружилось. Вот каков был твой герой, Нахум. А ты рассказал про его печальный конец в тюрьме, где он сам вскрыл себе вены? А когда он был уже мертв, – хорошенькая жизнь, хорошенький конец, нечего сказать! – пришел палач, живодер с тележкой для дохлых собак, кошек и лошадей, взвалил на нее Стефана Цаннови-

ча, вывез за город, туда, где стоят виселицы, бросил, как падаль, и засыпал мусором».

Человек в летнем пальто даже рот разинул: «Это правда?» (Что ж, стонать может и больная мышь.) Рыжий считал каждое слово, которое выкрикивал его зять. Подняв указательный палец перед самым лицом шатена, он как будто ждал определенной реплики, теперь он ткнул его пальцем в грудь, сплюнул перед ним на пол – тьфу, тьфу! «На` тебе! Вот ты что за человек! И это – мой зять!» Шатен неровной походкой отошел к окну, бросив рыжему: «Так! А теперь говори ты и скажи, что это не правда».

Стен больше не было. Осталась только освещенная всячей лампой маленькая комната, и по ней бегали два еврея, шатен и рыжий, в черных велюровых шляпах, и ссорились между собою. Человек из тюрьмы обратился к своему другу, к рыжему: «Послушайте-ка, это правда, что тот рассказывал про того человека, что он засыпался и что потом его убили?» – «Убили? Разве я говорил „убили“? – крикнул шатен. – Он сам покончил с собой». – «Ну, пусть он сам покончил с собой», – согласился рыжий. «А что же сделали те, другие?» – поинтересовался человек из тюрьмы. «Кто это те?» – «Ну, были ведь там еще и другие, кроме самого Стефана? Не все же были министрами, да живодерами, да банкирами?» Рыжий и шатен переглянулись. Рыжий сказал: «А что им было делать? Они смотрели».

Человек в желтом летнем пальто, недавно выпущенный из

тюрьмы, этот здоровенный детина, встал с дивана, поднял шляпу, смахнул с нее пыль и положил на стол, все так же не говоря ни слова, распахнул пальто, расстегнул жилетку и только тогда сказал: «Вот, извольте взглянуть на мои брюки. Вот я какой был толстый, а теперь они, видите, как отстают – целых два кулака пролезают, все от голодухи этой проклятой. Все ушло. Все брюхо к черту. Вот так тебя и мурыжат за то, что не всегда бываешь таким, каким бы следовало. Но только я не думаю, чтоб другие были намного лучше. Нет, не думаю. Только голову человеку морочат».

«Ну что, видишь?» – шепнул рыжему шатен. «Что видеть-то?» – «Да то, что это каторжник». – «А хоть бы и так?» – «Потом тебе говорят: ты свободен, можешь идти обратно в грязь, – продолжал человек, выпущенный из тюрьмы, застегивая жилетку. – А грязь-то все та же, что и раньше. И смеяться тут нечему. Это видно и на том, что сделали те, другие. Приезжает за мертвым телом в тюрьму какая-то сволочь, какой-то, будь он проклят, мерзавец с собачьей тележкой, бросает на нее труп человека, который сам покончил с собой, и – дело с концом; и как это его, подлеца, не растерзали на месте за то, что он так согрешил перед человеком, кем бы тот ни был?» – «Ну что вам на это сказать?» – сокрушенно промолвил рыжий. «Что ж, разве мы больше уж и не люди, если мы совершили что-нибудь такое? Все могут опять встать на ноги, все, которые сидели в тюрьме, что бы они ни наделали». (О чем жалеть-то? Надо развязать себе

руки! Рубить с плеча! Тогда все останется позади, тогда все пройдет – и страх и все такое!) «Мне только хотелось доказать, что вам не следует прислушиваться ко всему, что рассказывает мой шурин. Иной раз не все можно, что хочется, а надо устроиться как-то по-другому». – «Какая ж это справедливость – бросить человека на свалку, как собаку, да еще засыпать мусором, разве это справедливо по отношению к покойнику? Тьфу ты, черт! Ну а теперь я с вами распрощаюсь. Дайте мне вашу лапу. Вижу, вы желаете мне добра, и вы тоже (он пожал руку рыжему). Меня зовут Биберкопф, Франц. Очень мило с вашей стороны, что меня приютили. А то я уж совсем был готов свихнуться. Ну да ладно, пройдет». Оба еврея с улыбкой пожали ему руку. Рыжий, сияя, долго тискал его ладонь в своей. «Вот теперь вам в самом деле стало лучше, – повторял он. – Если будет время – заходите. Буду очень рад». – «Благодарю вас, непременно, время-то найдется, вот только денег не найти. И поклонитесь от меня тому старому господину, который был тут с вами. Ну и силища у него в руках, скажите, не был ли он в прежнее время резником? Давайте-ка я еще живенько приведу в порядок ковер, он у вас совсем сбился. Да вы не беспокойтесь, я могу один. А теперь стол, та-ак!» Он ползал на четвереньках, весело посмеиваясь за спиной рыжего: «Вот тут на полу мы с вами сидели и беседовали. Замечательное, простите, место для сидения».

Его проводили до дверей. Рыжий озабоченно спросил: «А

вы сможете идти один?» Шатен подтолкнул его в бок: «Что ты его смущаешь?» Человек из тюрьмы выпрямился, потрянул головой и, разгребая перед собой руками воздух (по-больше воздуху, воздуху, больше воздуху – только и всего!), сказал: «Не беспокойтесь. Меня вы теперь можете с легким сердцем отпустить. Вы же рассказали о ногах и глазах. У меня они еще есть. Их у меня никто не отнял. До свиданья, господа».

И пока он шел по тесному, загроможденному двору, оба глядели с лестницы ему вслед. Шляпу он надвинул на глаза и, перешагнув через лужу бензина, пробормотал: «Ух, гадость какая! Рюмку коньяку бы. Кто подвернется, получит в морду. Ну-ка, где здесь можно достать коньяку?»

# Настроение бездеятельное, к концу дня значительное падение курсов, с Гамбургом вяло, Лондон слабее <sup>45</sup>

Шел дождь. Слева, на Мюнцштрассе<sup>46</sup>, сверкали названия кинотеатров. На углу было не пройти, люди толпились у забора, за которым начиналась глубокая выемка, – трамвайные рельсы как бы повисли в воздухе; медленно, осторожно полз по ним вагон. Ишь ты, строят подземную дорогу<sup>47</sup>, – значит, работу найти в Берлине еще можно. А вон и кино<sup>48</sup>. Детям

---

<sup>45</sup> *Настроение бездеятельное, к концу дня значительное падение курсов, с Гамбургом вяло, Лондон слабее.* – Нетрудно заметить, что название главы иронично перекликается с сексуальной неудачей Франца. Так Дёблин вводит в роман важный аспект жизни того времени: в контексте «новой деловитости» экономика была тесно связана с сексуальностью: «в период инфляции 1921–1923 годов ⟨...⟩ понятия „Берлин“, „проституция“ и „спекуляция“ прочно увязались в единое целое» (Слотердайт 2001: 230). Название главы сопрягает неуспех ФБ на любовном фронте с экономической ситуацией того времени, с ее нестабильной финансовой системой, инфляцией и кризисами.

<sup>46</sup> *Мюнцштрассе* – улица, которая ведет на Александрплац.

<sup>47</sup> *Ишь ты, строят подземную дорогу...* – Строительство берлинского метрополитена, начавшееся в 1902 г., вызывало живой интерес писателя. Дёблин любил наблюдать за строительными работами на берлинской подземке. Сохранились фотографии Дёблина на фоне строительных площадок берлинского метро.

<sup>48</sup> *А вон и кино.* – Известен интерес Дёблина к кино: писатель был страстным любителем кинематографа; в одном из автобиографических эссе он вспоминал: «Были годы, когда я ходил в кино по меньшей мере раз в неделю. У меня не было никаких особенных пожеланий к создателям фильмов. Мне было хорошо уже то-

моложе семнадцати лет вход воспрещен. На огромном пла-

---

гда, когда они отказывались от высокодуховных окольных путей и просто предлагали зрителю веселое и захватывающее приключение» (Döblin 1972: 65). Дёблин интересовался техническими возможностями кино, которые позволяли по-новому отображать действительность, его специфическая эстетика и особенные выразительные возможности кинематографического языка. По его мнению, опыт кинематографа должен был расширить и обогатить возможности литературы. Уже в 1913 г., в программном обращении «К писателям и критикам», опубликованном в журнале Г. Вальдена «Штурм» («Der Sturm»), Дёблин употребляет термин «киностил» (Kinostil), предлагая современным авторам использовать его в своем письме. «Киностил», по мнению Дёблина, может сделать писательскую технику созвучной духу времени. «Киностил» Дёблин определяет как «симультанность плюс монтаж – и все в бешеном темпе» («Simultalität + Montage und das ganze in einem möglichst rasanten Tempo»). С «киностилем» связано дёблиновское понятие «деперсонизации» (Depersonation). Как и понятие «киностил», термин «деперсонализация» принадлежит самому Дёблину; писатель намеренно отличает его от психиатрического термина «деперсонализация» (Depersonalisation), уже введенного в то время в научный обиход. При этом «деперсонализация» у Дёблина, по сути, означает то же самое, что и «деперсонализация», то есть максимальное отчуждение субъекта (в случае Дёблина – пишущего субъекта) от собственного «я» (а также и от описываемых событий). По Дёблину, в современном мире эпическое произведение мыслится лишь как отражение «бездушной действительности» («entseelte Realität»), как (почти) механическая запись происходящих событий (gestalteter, gewordener Ablauf), исключая любое присутствие в этом описании рефлектирующего авторского сознания. «Гегемония автора должна быть нарушена (...) я – это не я, а улицы, фонари, такое-то и такое-то событие, не более того» (Döblin 1963: 17). Таким образом, позиция автора в эпическом произведении, по Дёблину, сравнима с объективом кинокамеры, который не видим зрителю, но всегда подразумевается и который, с одной стороны, беспристрастно запечатлевает обыденные вещи и события, а с другой – при помощи смены планов, замедленной и ускоренной съемки, акцентирования деталей и т. п. открывает иные стороны этих вещей, иные закономерности жизни, недоступные обычному взгляду. Наиболее удачным воплощением «киностиля» в творчестве Дёблина исследователи считают как раз БА. Уже первым ре-

кате был изображен ярко-красный джентльмен на ступень-

---

цензентам романа бросилось в глаза сходство романа с кинофильмом. Один из критиков писал (после премьеры фильма «Берлин Александрплац», в 1931 г.): «В романе Дёблина уже угадывалась киноформа. Это был, так сказать, написанный кинофильм» (Кракauer 1931: 859–860). Немецкий литературовед Ф. Мартини в своем анализе БА более подробно обозначил сходство между языком кино и поэтикой дёблиновского романа: Композиция романа ориентируется на ассоциативную образную и повествовательную технику фильма, основанную на безостановочном нанизывании эпизодов. Сходство романа с фильмом определяется тем, что и тут, и там мы имеем дело с гипнотическим потоком образов и сцен, головокружительным движением, постоянно сменяющимися планами внутренних и внешних событий, которые наслаиваются друг на друга в плотном единстве (Martini 1954: 360). Связь достижений кино того времени с поэтикой БА является одной из главных тем дёблиноведения. Один из постоянно возникающих в этой связи вопросов: в какой мере на концепцию романа повлиял вышедший на экраны в 1927 г. фильм Вальтера Рутtmана (1887–1941) «Берлин. Симфония большого города»? В 1973 г. немецким исследователем Э. Кеммерлингом по отношению к роману Дёблина был применен термин «кинематографическое письмо» («filmische Schreibweise»). В своей работе Кеммерлинг обстоятельно сравнивает приемы Дёблина с такими техническими приемами кинематографа, как рапид, ускоренная съемка, наезд, крупный план, общий план, резкий монтаж, символический монтаж, перекрестный монтаж и т. д. (см.: *Kaemmerling E. Die filmische Schreibweise // Prangel 1975: 185–198; критика концепции Кеммерлинга см.: Hage V. Collagen in der deutschen Literatur. Zur Praxis und Theorie eines Schreibverfahrens. Ein Modell zur vergleichenden Analyse von literarischen Texten und filmischen Adaptionen. Frankfurt am Main; Bern: Lang, 1984. S. 95–108; Hurst M. Erzahlsituation in Literatur und Film. Ein Modell zur vergleichenden Analyse von literarischen Texten und filmischen Adaptionen. Tübingen: Niemeyer, 1996. S. 245–283*). В конце 1930 – начале 1931 г., через год после выхода книги, началась работа над экранизацией БА. Сценарий фильма был написан при участии самого Дёблина. На главную роль пригласили популярного в те годы актера Генриха Георге (1893–1946); он же озвучивал роль Биберкопфа в радиопостановке. Режиссером киноленты был Фил Ютци (1896–1946), автор многочисленных фильмов о жизни рабочих. Съемки фильма и его выход на экран сопровождалась широкой реклам-

ках лестницы, какая-то гуляющая девица обнимала его ноги;

---

ной кампанией в прессе. Фильм пользовался успехом у зрителей, но не оправдал чаяний критиков. В экранизации практически полностью отсутствовали намеки на политические реалии Веймарской республики, так как продюсеры не хотели скандала, подобного разгоревшемуся в 1930 г. вокруг голливудской экранизации романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и приведшего к запрету этого фильма. Большинство критиков с разочарованием отметило, что фильм не передает уникального духа Берлина, так хорошо ощущавшегося в книге. Рецензенты недоумевали по поводу того, что сюжетная линия фильма сосредоточена лишь вокруг любовного треугольника Биберкопфа, Рейнхольда и Мици. В фильме отсутствовали и символические сцены, которые годом раньше – в сценарии радиопостановки – писатель вывел на первый план. Оптимистический конец фильма разительно отличался от вызывавшего споры финала романа. Способности Дёблина-сценариста также были восприняты без энтузиазма: самым большим курьезом, связанным с экранизацией фильма, критики посчитали именно тот факт, что «автором совершенно недёблиновского (döblinfremde) сценария является сам Дёблин». В один голос критики объявили экранизацию неудачной. Известный германист и культуролог Л. Кройцер объяснил тот факт, что первый фильм по роману Дёблина был признан неудачным, так: «Это простая экранизация некоторых эпизодов из жизни Франца Биберкопфа. Его (фильма «Берлин Александрплац». – А. М.) место в киноэстетике того времени таково: с помощью самых новейших технических средств кинематографа и звукового кино из романа было аккуратно вычленено то, что связывало его с эстетикой XIX в.; если в случае с книгой речь идет о таком эстетическом методе, который позволил Дёблину опередить свое время, то в случае с фильмом дело обстоит совершенно наоборот – новейшие технические достижения соединились с эстетикой вчерашнего дня, превратив «словесный фильм» («Wortfilm») Дёблина в воспитательный роман в картинках (Buck, Kreutzer, Peters 1977: 93). Недавно было установлено, что сценарий Дёблина и его соавтора Ганса Вильгельма (1904–1980) был изначально намного сложнее и в значительной степени приближался к книге (см. послесловие Э. Клейншмидта в: Döblin 1983), однако большинство сценарных идей не было реализовано во многом из-за того, что фильм по популярному роману изначально задумывался хозяевами крупной киностудии как коммерческое предприятие, рассчитанное на непритязательную массовую публику.

она лежала на лестнице, а он строил презрительную физиономию. Ниже было написано: Без родителей, судьба одной сироты в 6 действиях<sup>49</sup>. Что ж, давай посмотрим эту картину. Оркестрион<sup>50</sup> заливался вовсю. Вход 60 пфеннигов.

К кассирше обращается какой-то субъект: «Фрейлейн, не будет ли скидки для старого ландштурмиста<sup>51</sup> без живота?» – «Нет, скидка только для детей до пяти месяцев, если они с соской». – «Заметано. Нам в аккурат столько и выходит. Самые что ни на есть новорожденные – в рассрочку». – «Ну ладно, пятьдесят с вас. Проходите». За ним пробирается юнец, худенький, с шарфом на шее: «Фрейлейн, мне хотелось бы на сеанс, но только чтобы бесплатно». – «Это еще что такое? Позови свою маму, пусть она посадит тебя на горшочек». – «Так как же – можно мне пройти?» – «Куда?» – «В кино». – «Здесь не кино». – «Как так – не кино?» Кассирша, высунувшись в окошечко, стоящему у входной двери швейцару: «Макс, поди-ка сюда. Вот тут желают знать, кино здесь или не кино. Денег у них нет. Объясни-ка им, что здесь

---

<sup>49</sup> ...*Без родителей, судьба сироты в 6 действиях*. – «Без родителей, судьба сироты в 6 действиях» – фильм режиссера Франца Хофера (1882–1945), премьера которого состоялась в 1927 г. Содержание фильма Дёблин не без иронии пересказывает в следующих нескольких абзацах.

<sup>50</sup> *Оркестрион* – музыкальный инструмент, механическое пианино, внешним видом напоминающее небольшой орган.

<sup>51</sup> *Ландштурмист* – в Германии до 1945 г. немолодой военнообязанный (запаса 3-й очереди) или служащий войскового формирования вспомогательного назначения.

такое». – «Вам желательно знать, что здесь такое, молодой человек? Вы это еще не заметили? Здесь касса по выдаче пособий нуждающимся, отделение Мюнштрассе». И, оттирая юнца от кассы, швейцар показал ему кулак, приговаривая: «Если хочешь, могу сейчас выплатить».

Франц втиснулся в кино вместе с другими. Только что начался антракт. Длинное фойе было битком набито, 90 процентов – мужчины в кепках, которых они не снимают. На потолке – три завешенные красным лампочки. На первом плане – желтый рояль; на нем груды нот. Оркестрион гремит не переставая. Затем становится темно, и начинают показывать картину. Девчонке, которая до сих пор только пасла гусей, хотят дать образование, чего ради – пока что непонятно. Она сморкается в руку, при всех на лестнице чешет себе зад, и зрители смеются. Франца охватило совсем особое, необычайное чувство, когда вокруг него все стали смеяться. Ну да, ведь это же всё свободные люди, которые веселятся и которым никто не может ничего сказать или запретить, чудесно, и я среди них! Картина шла своим чередом. У элегантного барона была любовница, которая ложилась в гамак и при этом задирала ноги кверху. Ну и панталончики же у нее! Ай да ну! И чего это публика интересуется грязной девчонкой-гусятницей и тем, что она вылизывает тарелки? Снова замелькала на экране та, другая, со стройными ногами. Барон оставил ее одну, и вот она вывалилась из гамака и полетела в траву, где и растянулась во всю длину. Франц

пялил глаза на экран, картина давно уже сменилась, а он все еще видел, как женщина вывалилась и растянулась. Во рту у него пересохло, черт возьми, что это с ним делается? А когда какой-то парень, возлюбленный гусятницы, обнял эту шикарную дамочку, у Франца мурашки забегали по спине, как будто он сам обнимал женщину. Это передалось ему и расслабило его.

Баба! Уже не раздражение и страх, а что-то большее. К чему вся эта чепуха? Воздуха, людей, бабу! Как он об этом раньше не подумал! Стоишь, бывало, в камере у окна и глядишь сквозь прутья решетки на двор. Иной раз пройдут женщины, например, которые идут на свидание или убирать квартиру начальника. И как тогда все арестанты льнут к окнам, как они смотрят, как пожирают глазами каждую женщину. А к одному начальнику отделения приезжала как-то на 14 дней погостить жена из Эберсвальде<sup>52</sup>, прежде он навещал ее каждые 14 дней, а теперь она времени даром не теряла, так что он на службе клевал носом от усталости и еле-еле ходил.

И вот Франц уже на улице, под дождем. Ну, что мы предпримем? Я теперь человек свободный. Мне нужна женщина. Нужна во что бы то ни стало. Какой воздух-то хороший, и жизнь на воле вовсе не так уж плоха. Только бы встать по-

---

<sup>52</sup> *Эберсвальде* – курортное местечко к северу от Берлина, известное своими целебными источниками и водопадом.

тверже и не свалиться. В ногах у него так и пружинит, он не чувствовал земли под собой. А на углу Кайзер-Вильгельмштрассе<sup>53</sup>, за рыночными тележками, сразу нашлась женщина, все равно какая, которую он тотчас же и подцепил. Черт возьми, с чего это у него ноги как ледяшки? Он отправился с ней, от нетерпения до крови кусая нижнюю губу, если ты живешь далеко, я не пойду. Но пришлось только пересечь Бюловплац<sup>54</sup>, миновать какие-то заборы, а потом – во двор и шесть ступенек вниз. Женщина обернулась к нему. Сказала со смехом: «Миленький, не будь же таким торопыгой. Ты мне чуть на голову не свалился».

Не успела она запереть за собою, как он облапил ее. «Послушай, дай мне хоть зонтик убрать». Но он тискал, мял, щипал ее, терся о ее пальто, даже не сняв шляпы. Женщина с досадой бросила зонтик: «Да ну, отстань, миленький!» – «В чем дело?» – спросил он, кротя и криво улыбаясь. «Того и гляди платье мне разорвешь. Нового ведь не купишь. То-то и оно. А нам тоже ничего даром не дают. Да ты же меня совсем задушил, дурной! – крикнула она, когда он все еще не отпускал ее. – Рехнулся, что ли?» Она была толстая, маленькая, неповоротливая. Ему пришлось сперва отдать ей три мар-

---

<sup>53</sup> *Кайзер-Вильгельмштрассе* – в те годы одна из центральных улиц Берлина. Названа в честь Вильгельма I (1797–1888), прусского короля (с 1861) и германского кайзера (с 1871), при котором началось объединение Германии и была провозглашена Германская империя.

<sup>54</sup> *Бюловплац* – площадь в центре Берлина, названная в честь прусского военного теоретика А.-Г.-Д. фон Бюлова (1757–1807).

ки, которые она тщательно заперла в комод, ключ сунула в карман. Он не сводил с нее глаз. «Это потому, что я пару годков отбарабанил, толстуха. Там, в Тегеле. Понимаешь?» – «Где?» – «В Тегеле. Так что можешь себе представить».

Рыхлая женщина расхохоталась во все горло. Стала расстегивать кофточку. Я знал двух детей королевских, они полюбили друг друга<sup>55</sup>. Если пес с колбасой по канавам – прыг!<sup>56</sup> Женщина обхватила Франца, прижала к себе. Цып-цып-цып, моя курочка, цып-цып-цып, петушок<sup>57</sup>.

Капли пота выступили у него на лбу, и он громко застонал. «Ну, чего ты стонешь?» – «А кто это рядом бегают взад и вперед?» – «Моя хозяйка». – «А что она делает?» – «Да что ей делать? Там у нее кухня». – «Так, так. Только пусть она перестанет бегать. Чего ей теперь бегать? Я этого не выношу». – «Ах ты, боже мой! Хорошо, пойду скажу ей». Ну и потный же мужчина попался, скорей бы от него отделаться, ишь, старый хрыч, поскорей бы его сплавить. Она постучала в соседнюю дверь: «Фрау Призе, да угомонитесь вы на

---

<sup>55</sup> Я знал двух детей королевских, они полюбили друг друга. – Первые строки популярной народной песни «Королевские дети» (XII в.), включенной романтиками А. фон Арнимом (1781–1831) и К. Brentано (1778–1842) в сборник народных песен «Волшебный рог мальчика» (1808). Ср. в переводе Л. Гинзбурга: «Я знал двух детей королевских, | Печаль их была велика: | Они полюбили друг друга, | Но их различала река».

<sup>56</sup> Если пес с колбасой по канавам – прыг! – Берлинская детская присказка.

<sup>57</sup> Цып-цып-цып, моя курочка, цып-цып-цып, петушок. – Слова припева детской песни «Крошка Фриц сказал отцу».

минуточку. Мне тут надо с одним господином переговорить по важному делу». Ну вот, все в порядке. Отчизна, сохрани покой<sup>58</sup>, приляг на грудь мою, но скоро я тебя выставлю.

Уронив голову на подушку, она думала: на желтые полуботинки можно еще поставить новые подметки, Киттин новый жених возьмет за работу две марки, если Китти позволит, я ведь не буду его у нее отбивать, он может, кстати, и выкрасить их в коричневый цвет под тон блузки, хотя она уж старенькая, годится только на заплатки, но можно разгладить ленты, надо сейчас же сказать фрау Призе, у нее, наверно, еще есть огонь, а что она, собственно, на сегодня готовит? Женщина потянула носом. Жареную селедку с луком.

В его голове кружились обрывки каких-то стишков – ничего не понять: суп готовишь, фрейлейн Штейн, дай мне ложку, фрейлейн Штейн. Клецки варишь, фрейлейн Штейн, дай мне клецок, фрейлейн Штейн<sup>59</sup>. Он громко застонал и спросил: «Я тебе, наверно, противен?» – «Нет, почему же? Ну-ка, даешь любовь на пять грошей». Он отвалился от нее в постель, хрюкал, стонал. Женщина потерла себе шею. «Нет, я, кажется, лопну со смеху. Ну, лежи, лежи. Ты мне не мешаешь, – со смехом воскликнула она, всплеснув жирными руками, и спустила с кровати обтянутые чулками ноги. – Я

---

<sup>58</sup> *Отчизна, сохрани покой...* – Первая строка припева песни «Стража на Рейне». См. примеч. 24.

<sup>59</sup> *В его голове кружились обрывки каких-то стишков ~ дай мне клецок, фрейлейн Штейн.* – Имеются в виду слова из детской песенки того времени.

тут, ей-богу, ни при чем!»

Вон, на улицу! Воздух! Дождь все еще идет<sup>60</sup>. В чем дело? Что случилось? Надо взять другую. Но сначала хорошенько выспаться. Франц, что это с тобой такое сделалось?

Половая потенция возникает в результате взаимодействия 1) внутрисекреторной системы, 2) нервной системы и 3) полового аппарата. За потенцию отвечают следующие органы: гипофиз, щитовидная железа, надпочечная железа, предстательная железа, семенной пузырь и придатки яичек. Но главное всего в этой системе половая железа. Она вырабатывает секрет, которым управляется весь сексуальный аппарат от коры головного мозга до гениталий. Эротическое впечатление высвобождает эротическое напряжение в коре головного мозга в область промежуточного мозга, центр активации половой реакции. После этого возбуждение спускается по спинному мозгу. Не без помех, так как возбуждению, едва оно покидает область мозга, предстоит пройти через целый ряд препятствий, которые ставит на его пути психический

---

<sup>60</sup> *Дождь все еще идет.* – Многочисленные упоминания о погоде, в основном ненастной, несут в романе символическую нагрузку, они предвещают тревожные события в жизни героя (см. также прогнозы и описания ненастной погоды в книгах пятой, седьмой, восьмой). Большинство прогнозов – вырезки из газет зимы 1927/28 г., вклеенные Дёблином в текст романа. Нельзя не отметить, что (как это часто бывает в произведениях Дёблина) события в жизни героя соотносятся с природными ритмами, что навеивает мифологические ассоциации: например, ФБ выходит из тюрьмы весной, первый удар получает осенью, затем «затаивается»; знакомится с Мици в апреле, убийство Мици происходит в сентябре, финальная метаморфоза случается с Биберкопфом под Рождество и т. д.

аппарат, как то: моральные колебания, неуверенность в себе, страх перед неудачей в постели, страх полового акта, страх беременности и проч.<sup>61</sup>

А вечером айда на Эльзассерштрассе<sup>62</sup>. Нечего там долго канителиться, паренек, нечего стесняться. Просто: «Сколько будет стоить удовольствие, фрейлейн?» А брюнеточка эта хороша, и бедра у нее – честь честью. Пикантная штучка. Если у барышни есть кавалер, она его любит на свой манер<sup>63</sup>.

---

<sup>61</sup> *Половая потенция возникает в результате взаимодействия ~ и проч.* – Точный источник этого экскурса в физиологию человека не установлен. Скорее всего, Дёблин цитирует медицинский учебник или пособие по сексологии, к которому он обращался в своей врачебной практике.

<sup>62</sup> *Эльзассерштрассе* – в те годы улица в северной части Берлина, в районе Ораниенбург. Любопытно, что почти все близлежащие к Эльзассерштрассе улицы были названы в честь немецких писателей-романтиков.

<sup>63</sup> *Если у барышни есть кавалер, она его любит на свой манер.* – Строчка пародирует припев дуэта из оперетты популярного композитора Вальтера Колло (1878–1940) «Барон глупости» (1913; возобновлена в Берлине в 1923 г.). В 1920-х гг. Дёблин сотрудничал с различными газетами и журналами, писал рецензии на берлинские театральные постановки. Писатель регулярно посещал театральные премьеры, в том числе и спектакли «легкого жанра» – оперетты, музыкальные ревью, представления многочисленных берлинских варьете. Увлечение этими театральными жанрами отражается в БА: Дёблин постоянно цитирует и пародирует строки из популярных музыкальных номеров, тексты шлягеров и т. п., которые он хорошо знал. В статье «Мораль шлягеров» (опубл. 12 февраля 1924 г. в: *Berliner Tagesblatt*. 1924. 53. Jg. №. 73) Дёблин писал о том, что популярные песни облегчают жизнь народа в тяжелые времена, объединяют людей. Нетрудно, однако, заметить, что в БА отрывки из шлягеров не только несут на себе символическую нагрузку, непрямо, зачастую иронично, комментируя основное действие романа, но и указывают на эмоциональную и мыслительную несамостоятельность героев: популярные песни заставляют мыслить шаблонами, «рассчиты-

«Что так весел, детка? Наследство получил?» – «А то как же? Могу уделить тебе из него талер». – «Идет!» Но все-таки его разбирает страх.

А потом, у нее в комнате, комнатка ничего себе, чистенькая, опрятная, с цветами за занавеской, у девицы есть даже граммофон, и она ему что-то спела, без блузки, в чулках из искусственного шелка от Бемберга, и глаза у нее черные как смоль<sup>64</sup>: «Знаешь, я певица, кабаретистка. А знаешь – где? Где вздумается. В данную минуту я, знаешь, как раз без ангажемента. Вот и хожу по разным пивным, которые получше, и предлагаю свои услуги. И потом, у меня есть боевой номер. Настоящий шлягер. Ай, щекотно». – «Ну дай хоть немножко». – «Нет. Убери руки, это портит мне все дело. Мой шлягер – ну, милый, не надо! – состоит в том, что я устраиваю аукцион, а не тарелочный сбор: у кого есть деньги, может меня поцеловать. Чудесно, а? Тут же, при всех. Не дешевле

---

вают на людей несамостоятельных (<...> на таких, которые не способны выразить свои эмоции и переживания, потому ли, что эта способность у них отсутствует, или потому, что она атрофировалась под гнетом табу цивилизации. Они поставляют суррогаты чувств людям (<...> снабжают их именно теми чувствами, о которых новейшее издание идеала личности говорит, что их нужно иметь» (Адорно 1999: 31). Ту же функцию выполняют в романе солдатские и патриотические песни. Цитаты из шлягеров в основном сопровождают женские персонажи; как контрапункт к ним возникают строки солдатских и патриотических песен, связанные с образом Биберкопфа.

<sup>64</sup> ...в чулках из искусственного шелка от Бемберга, и глаза у нее черные как смоль... – Имеются в виду чулки, изготовленные на берлинской текстильной фабрике «Бемберг». Фраза «глаза у нее черные как смоль» пародирует популярный слоган того времени из рекламы этих чулок.

чем за пятьдесят пфеннигов. Ну и платят. А ты думал что? Вот сюда, в плечо. Можешь тоже разок попробовать». Она надевает цилиндр, подбоченясь, трясет бедрами и кукарекает гостю прямо в лицо: «Теодор, что ты подумал, мальчуган, улыбнувшись мне вчера перед сном? Теодор, какой же у тебя был план, когда ты звал меня на ужин с вином?»<sup>65</sup>

А когда села к нему на колени и закурила папироску, которую ловко вытащила у него из жилетного кармана, то заглядывает ему в глаза, ласково трется ухом о его ухо и нежно воркует: «А ты знаешь, что значит тоска по родине?»<sup>66</sup> Как она терзает сердце? Все кругом тогда так пусто и холодно». Она напевает, ложится, потягиваясь, на кушетку. Курит, гладит его волосы, напевает, смеется.

Ах, этот пот на лбу! И опять этот страх! И вдруг все смешалось в голове. Бум – колокол, подъем, в 5 часов 30, в 6 часов отпирают камеру, бум, бум – скорее почистить куртку, если поверку делает сам начальник, сегодня не его дежурство. Все равно, скоро выпустят. Тсс, ты, послушай – сегодня ночью один бежал, веревка еще и сейчас перекинута через наружную ограду, там ходят с ищейками. Франц испускает стон, голова его подымается, он видит женщину, ее подбо-

---

<sup>65</sup> «Теодор, что ты подумал ~ когда ты звал меня на ужин с вином?» – Слова припева песни «Вчера на прогулке» из музыкального ревю «Грехи мира».

<sup>66</sup> А ты знаешь, что значит тоска по родине? – Этими словами начинается в немецком переводе известная песня знаменитого американского композитора, автора произведения, считающегося неофициальным гимном Америки («Боже, храни Америку») Ирвинга Берлина (1888–1989) «Навсегда».

родок, шею. Эх, поскорее бы выбраться из тюрьмы. Нет, не освобождают. Я все еще не вышел. Женщина пускает в него сбоку голубые колечки дыма, хихикает, говорит: «Какой ты славный, давай я налью тебе рюмочку Мампе<sup>67</sup> – на тридцать пфеннигов». Но он остается лежать, растянувшись во всю длину: «На что мне ликер? Загубили они меня. Вот сидел я в Тегеле, а за что? Сперва у пруссаков в окопах гнил<sup>68</sup>, а потом в Тегеле. Теперь я уж больше не человек». – «Брось! Не станешь же ты у меня плакать. Ну отклой лотик, большой дядя хочет пить. У нас весело, скучать не полагается, смеются до ночи с вечера, когда делать нечего». – «И за все это – вот такая гадость! Уж тогда лучше бы сразу башку долой, сволочи. Могли бы и меня стащить на свалку». – «Ну, большой дядя, выпей есё люмоцьку Мампе. Пей Мампе, пока пьется, все позабудь!»<sup>69</sup>

«Ведь только подумать, что девчонки бегали за мной, как овцы, а мне-то на них даже и плевать не хотелось, а теперь вот лежишь колода колодой». Женщина подымает одну из папирос, которые вывалились у него из кармана на пол, говорит: «Что ж, тогда тебе надо пойти к шуцману<sup>70</sup> и пожало-

---

<sup>67</sup> ...налью тебе рюмочку Мампе... – «Мампе» – горький ликер, настоящий на травах, выпускавшийся фирмой с таким же названием.

<sup>68</sup> Сперва у пруссаков в окопах гнил... – ФБ воевал на фронтах Первой мировой войны. См. также примеч. 18.

<sup>69</sup> «Пей Мампе, пока пьется, все позабудь!» – Дёблин обыгрывает один из рекламных слоганов «Мампе». См. также примеч. 65.

<sup>70</sup> Шуцман – общеупотребимое название полицейских в Германии до 1945 г.

ваться ему». – «Ладно уж, ухожу, ухожу». Ищет подтяжки. И больше – ни слова, и на женщину даже не глядит, а та, слюнявая, курит себе, посмеивается, смотрит на него и украдкой ногой еще папиросы под диван загоняет. А он хватает шляпу и айда вниз по лестнице да на 68-м номере на Александр-плац и мрачно размышляет в пивной над бокалом светлого.

Тестифортан, патентованный препарат, товарный знак зарегистрирован за № 365695, средство от полового бессилия доктора Магнуса Гиршфельда и доктора Бернгарда Шапиро, Институт сексуальных наук, Берлин. Главными причинами полового бессилия являются: А) недостаточность функций желез внутренней секреции; Б) слишком сильное сопротивление задерживающих психических факторов, истощение эрекциионного центра. Момент, когда страдающий половым бессилием будет в состоянии предпринять новую попытку, может быть определен только индивидуально в каждом отдельном случае. Некоторый перерыв нередко является весьма полезным<sup>71</sup>.

---

<sup>71</sup> *Тестифортан, патентованный препарат... от полового бессилия доктора Магнуса Гиршфельда и доктора Бернгарда Шапиро ~ является нередко весьма полезным.* – Писатель цитирует рекламную листовку лекарства от импотенции «Тестифортан». Лекарство было разработано сексопатологами М. Гиршфельдом и Б. Шапиро в Институте сексуальных наук, который они основали и возглавляли. Гомеопатическое средство, выписывавшееся в дополнение к психотерапевтическому лечению, выпускалось немецкой фармацевтической фирмой «Promonta» вплоть до середины 1980-х годов. Наследники Гиршфельда и Шапиро получали высокие проценты с доходов от продажи этого лекарства. Магнус Гиршфельд (1868–1935) – берлинский сексопатолог, известный правозащит-

Он наедается досыта и как следует высыпается, а на следующий день на улице думает: вот эту бы мне хотелось, да вон ту бы мне хотелось, но ни к одной не подступает. Или вон та, которая перед витриной, этакая ядреная кубышка, тоже бы нам подошла; да нет – не сто`ит! И снова он сиднем сидит в пивной, ни на одну женщину не глядит, а только ест до отвала и пьет. Теперь, говорит, целыми днями только и буду жрать, да пить, да спать, а жизнь для меня кончилась. Кончилась, кончилась.

---

ник, основатель Берлинского института сексуальных наук, просуществовавшего с 1919 по 1933 г. С 1897 г. Гиршфельд возглавил основанный им «Научный гуманитарный комитет» – организацию по борьбе за права гомосексуалистов, которых он считал людьми «третьего пола». Автор монументального труда «Сексология» в пяти томах (1925–1930). После прихода Гитлера к власти в 1933 г. институт Гиршфельда был разгромлен, а обширная библиотека института в 10 000 томов – публично сожжена. Бернгард Шапиро (1885–1966) – дерматолог и уролог, соратник Гиршфельда. В Институте сексуальных наук Шапиро давал консультации по контрацепции, занимался изучением венерических заболеваний и их профилактикой. Главный интерес Шапиро был сосредоточен на проблемах, связанных с потенцией: он возглавлял отделение, занимавшееся вопросами лечения расстройств потенции и исследования гормонов.

# Победа по всему фронту! Франц Биберкопф покупает телятину

А когда наступила среда, пошел третий день, он надевает сюртук. Кто во всем виноват? Конечно Ида. А то кто же? Ей, стерве, он тогда все ребра переломал, потому его и засадили. Добилась своего: умерла, стерва, а он – вот, пожалуйста! И ревмя ревет про себя и бежит в холод по улицам. Куда? Туда, где она жила с ним, у своей сестры. По Инвалиденштрассе<sup>72</sup>, затем – за угол в Аккерштрассе<sup>73</sup>, напрямиком в ворота, во второй двор. Как будто и не было тюрьмы, не было разговора с евреями на Драгонерштрассе<sup>74</sup>. Это она во всем виновата, где она, эта шлюха? Ничего не видел Франц вокруг себя на улице, а ведь добрался куда надо. Чуть-чуть лицо подергивало, чуть-чуть в пальцах позуживало, вот сюда и пожалуйста, руммер ди буммер ди кикер ди нелль, руммер ди буммер ди кикер ди нелль, руммер ди буммер<sup>75</sup>.

Дзинь-дзинь. «Кто там?» – «Я». – «Кто?» – «Да открывай же». – «Боже мой, это ты, Франц?» Руммер ди буммер ди

---

<sup>72</sup> *Инвалиденштрассе* – большая улица на севере – северо-западе Берлина.

<sup>73</sup> *Аккерштрассе* – большая улица на севере Берлина.

<sup>74</sup> *Драгонерштрассе* (букв.: улица драгунов) – улица в центре Берлина, недалеко от Александрплац.

<sup>75</sup> ...*руммер ди буммер ди кикер ди нелль, руммер ди буммер*. – Берлинская считалочка.

кикер ди нелль. Руммер. Какая-то нитка на языке – надо выплюнуть. Он стоит в коридоре, она запирает за ним входную дверь. «Чего тебе у нас нужно? А ну как тебя кто-нибудь видел на лестнице?» – «Не беда. Пускай. Ну, здравствуй!» И идет себе налево в комнату. Руммер ди буммер. Проклятая нитка, так и не сходит с языка. Он ковыряет пальцем. Но никакой нитки нет, просто такое дурацкое ощущение на самом кончике. Ну вот мы и в комнате, диван с высокой спинкой, а на стене старый кайзер, и француз в красных шароварах вручает ему свою шпагу<sup>76</sup> – я сдался, сдался<sup>77</sup>. «Чего тебе тут нужно, Франц? С ума сошел, что ли?» – «Ну-ка, я присяду». Сдался, сдался, кайзер возвращает шпагу, кайзер должен вернуть ему шпагу, таков порядок вещей. «Послушай, если ты сейчас же не уйдешь, я позову людей, вызову полицию». – «С какой стати?» Руммер ди буммер. Зачем же Франц так издалека бежал? Нет, раз уж он тут, он тут и останется. «Разве тебя уже выпустили?» – «Да, срок кончился».

И тарачит на нее глаза, и встает: «Выпустили меня, вот я

---

<sup>76</sup> ...на стене старый кайзер, и француз в красных шароварах вручает ему свою шпагу... – Картина изображает финальный эпизод Франко-прусской войны 1870–1871 гг. 2 сентября 1870 г. французский император Наполеон III (1808–1873), сдавшись под Седаном в плен Вильгельму I (см. примеч. 51) вместе со своей армией в сто тысяч человек, вручил прусскому королю свою шпагу. Дёблин описывает эту же картину и в другом своем произведении – романе «Прощения не будет» (1935).

<sup>77</sup> ...я сдался, сдался. – Начало патриотической песни, написанной в 1820 г. на слова мюнхенского ученого и поэта Ганса Фердинанда Массманна (1797–1874), автора многочисленных солдатских песен.

и тут. Выпустить-то выпустили, но в каком виде?» Он хочет объяснить, в каком же это виде, но давится своей ниткой во рту; звуки трубы оборвались<sup>78</sup>, все пропало куда-то, и он весь дрожит и не может даже взвыть, а только смотрит на ее руки. «Чего тебе нужно, Франц? Что-то случилось?»

Вот, например, стояли горы, стояли они многие тысячи лет, и по ним проходили целые армии со своими пушками; или, например, острова, а на них людей видимо-невидимо, в расцвете сил, и всякие там солидные торговые предприятия, банки, заводы, увеселения, балеты, импорт, экспорт, социальный вопрос и тому подобное. И вдруг в один прекрасный день – р-р-р-р-р-р, р-р-р-р-р-р, да не с дредноута! потому что он и сам летит к черту, а снизу! Земля делает отчаянный скачок, сладко пел душа-соловушка<sup>79</sup>, корабли – в поднебесье, а птицы – бац на землю. «Франц, я закричу! Слышишь? Пусты меня, пусты, Карл сейчас придет, с минуты на минуту может прийти. С Идой ты вот тоже так начал».

Во сколько ценится жена между друзьями? Лондонский бракоразводный суд вынес по иску капитана Бэйкона постановление о расторжении брака ввиду прелюбодеяния жены с

---

<sup>78</sup> ...звук трубы оборвались... – Звук трубы – один из центральных лейтмотивов романа. Более подробно см. примеч. 85.

<sup>79</sup> ...сладко пел душа-соловушка... – начало первой строфы стихотворения «Ответ соловья» (1844) немецкого поэта Генриха Гофмана фон Фаллерслебена (1798–1874). Незамысловатые стихи Фаллерслебена в XIX в. часто и охотно перелагали на музыку; песни на его стихи есть у Ф. Листа, И. Брамса, Р. Шумана, Р. Штрауса и др.

его товарищем, капитаном Фербером, и присудил ему в возмещение убытков сумму в 750 фунтов стерлингов. По-видимому, истец не слишком высоко ценил неверную супругу, которая в ближайшее время намерена выйти замуж за своего любовника<sup>80</sup>.

О, есть на свете горы, которые много тысяч лет стояли себе спокойно, и по ним проходили целые армии с пушками и боевыми слонами, но что же делать, если они вдруг проваливаются к черту, потому что внизу начинается: р-р-р-р-р-р-рум! Так что нечего и говорить, и пусть все идет своим чередом. Минна не может высвободить руку, и его глаза перед самыми ее глазами. Знаете, такое бывает у мужчины лицо, словно по нему пролегают рельсы, и вот по ним мчится теперь поезд, вон как он мчится, в дыму, курьерский Берлин – Гамбург – Альтона, отходит в 18 часов 5 минут, приходит в 21:35<sup>81</sup>, весь путь – 3 часа 35 минут, и ничего не поделаешь, такие у мужчины уж руки, словно железные, железные! Буду кричать. Ну и кричала, звала на помощь. Но уже лежала на ковре. Щетинистые щеки мужчины – вплотную к ее щекам, его губы жадно тянутся к ее губам, она старается увернуться, молит: «Франц, о боже, пощади, Франц». И – ей сразу ясно.

---

<sup>80</sup> *Во сколько ценится жена между друзьями? ~ выйти замуж за своего любовника.* – Данный абзац представляет собой текст газетной заметки, которая была вклеена в рукопись романа; точный источник не установлен.

<sup>81</sup> *...курьерский Берлин – Гамбург – Альтона, отходит в 18 часов 5 минут, приходит в 21:35...* — Дёблин дословно цитирует расписание немецких железных дорог на зимний сезон 1927/28 г. Альтона – район Гамбурга.

Теперь она знает, ведь она же сестра Иды, – так он иногда глядел на Иду. Это Ида в его объятиях, потому он и зажмурился и выглядит таким счастливым. И точно не было этой безобразной потасовки, этого отупения, не было тюрьмы. А был Трептов с кафе Парадиз<sup>82</sup> и блестящим фейерверком, когда он с ней познакомился и проводил домой, ее, скромную швею, в тот раз она еще выиграла в кости фарфоровую вазочку, а на лестнице он с ее ключом в руках впервые поцеловал ее, и она поднялась на цыпочки; она была в парусиновых туфельках, а ключ упал на пол, и Франц не мог уж больше от нее оторваться. Да, это прежний, славный Франц Биберкопф.

А теперь он снова вдыхает ее запах, там, около шеи, это та кожа, тот же запах, от него кружится голова, чем все это кончится. И у нее, у сестры, какое у нее странное чувство! Что-то такое исходит от его лица, оттого, как он молча прижимается к ней. Она должна уступить: она еще сопротивляется, но вот с ней происходит словно чудесное превращение, с лица сбегает напряженность, ее руки не в силах больше его отталкивать, губы становятся беспомощными. Мужчина ничего не говорит, и она оставляет, оставляет, оставляет ему свои губы, обмякает, как в ванне, делай со мной что хочешь,

---

<sup>82</sup> ... *Трептов с кафе Парадиз*... – Трептов – район на юго-востоке Берлина. Название кафе переключается с символика и мотивами, связанными с библейской историей о грехопадении (см. начало книги второй романа: «Жили некогда в раю...» (с. 45 наст. изд.). См. также примеч. 1 к книге второй.

растекается как вода<sup>83</sup>, хорошо, пускай, я все знаю, ты мне тоже мил.

Очарование, трепет. Блестят золотые рыбки в стеклянном сосуде. Сверкает вся комната, это уж не Аккерштрассе, не дом, и нет силы тяжести, нет центробежной силы<sup>84</sup>. Исчезло,

---

<sup>83</sup> ...растекается как вода... – В мифологической картине мира Дёблина вода играет важнейшую роль (ср.: Гамлет: 504). В 1930 г. Дёблин написал текст для оратории «Вода» немецкого композитора Эрнста Тоха. В БА Дёблин вполне в духе культурных представлений эпохи, актуализировавшихся после Первой мировой войны, связывает воду с женским – стихийным, эротическим началом (см.: Becker-Cantarino 1997: 373). Биберкопф же в этой сцене воплощает мужское начало – стихию огня (о стихии огня и связанных с ней образах у Дёблина см.: Гамлет: 503; ср. также описание сцены убийства Биберкопфом Иды и сцены убийства и изнасилования Мици Рейнхольдом, построенные по сходному принципу (см. с. 375–379 наст. изд.)). Встреча Минны и Франца, таким образом, переходит в символическое измерение, иллюстрируя дёблиновскую идею «вечной борьбы в природе воды и огня», являющуюся одной из центральных в естественно-научном трактате писателя «Я над природой», написанном и опубликованном в 1927 г. Вода пытается «убежать от огня, становясь газом, превращаясь в пар». «Область газов», однако, Дёблин характеризует как «разрушение всех физических связей», «распад». Идея борьбы воды и огня связана у писателя с представлениями о том, что все природные объекты и организмы находятся в постоянном «дисгармоничном непокое», который противостоит гармонии «изначального смысла мира» («Ur-Sinn der Welt») (см.: Döblin 1964: 65f.).

<sup>84</sup> ...нет центробежной силы. – Центробежная сила – сила, с которой движущаяся материальная точка действует на тела, стесняющие свободу ее движения и вынуждающие ее двигаться криволинейно. В конце 1920-х годов Дёблин начинает разрабатывать свою сложную естественно-научную картину мира (в работах «Наше бытие» и «Я над природой»). В духе психофизического монизма начала XX в. Дёблин рассматривает мир как одухотворенное единство всех вещей и живых существ, бытие каждого из которых наделено смыслом. Дёблин считал, что всюду в природе действуют одни и те же известные (химические, физические,

куда-то провалилось, потухло отклонение красных лучей в силовом поле солнца, нет больше кинетической теории газов<sup>85</sup>, теории превращения теплоты в работу, электрических колебаний, явлений индукции<sup>86</sup>, плотности металлов, жидкостей и неметаллических твердых тел.

Она лежала на полу, металась из стороны в сторону. Он засмеялся и, потянувшись, сказал: «Ну, задуши же меня, ес-

---

математические, экономические) и неизвестные законы, порядки, правила. Органическое и неорганическое связывается воедино с помощью *формы и резонанса* (Form, Formung durch Resonanz); форма придает «ирреальной пространственно-временной целостности мира вид структурированной системы, которая с математической строгостью» (посредством «монотонии числа») «располагает единичное в целом». Это одухотворенное целое, в котором пребывают все вещи в природе, Дёблин называет «пра-я» («Ur-Ich»); частицы «пра-я» содержатся, согласно теории писателя, во всех сформировавшихся существах (людях, животных, растениях и даже в кристаллах, которые и являют собой наиболее явное, прозрачное, воплощение этого «единого закона»). Они и есть *резонанс*, который звучит в каждом и вокруг каждого из нас: «⟨...⟩ поведение людей в видимом и невидимом мире определяется резонансом. За одним резонансом мы следуем, другой – ответный резонанс – исходит из нашего бытия и переживаний и достигает самых глубоких глубин. Мы об этом ничего не знаем, но факт существования резонанса – само собой разумеющийся ⟨...⟩ он [резонанс] слышится в нас, движет нами, но мы не знаем, что это такое» (Döblin 1933: 171; см. также: 172–182). Принцип резонанса является одним из важнейших для понимания построения и поэтики БА, где писателем выстраивается целая система мотивных и тематических переключек и взаимоотражений. Иногда этот «неясный» резонанс становится вдруг слышимым (см., например, с. 439–440 наст. изд.).

<sup>85</sup> *Кинетическая теория газов* – теория, которая объясняет неравновесные свойства газов (явления переноса энергии, массы, импульса) на основе законов движения и взаимодействия молекул.

<sup>86</sup> *Индукция* – возбуждение переменным магнитным полем электродвижущей силы в проводниках.

ли можешь. Я не пошевелил»». – «Да ты ничего другого и не заслужил». Он поднялся на ноги, смеясь и приплясывая от счастья, восторга и блаженства. Вот трубы затрубили, гусары, вперед, аллилуйя!<sup>87</sup> Франц Биберкопф опять появился! Франца выпустили! Франц Биберкопф на свободе! Подтягивая брюки, он переминался с ноги на ногу. Она села на стул, хотела было расплакаться. «Я скажу мужу, скажу Карлу, надо было бы тебе посидеть еще четыре года». – «Ну что ж, скажи ему, Минна, скажи, не стесняйся». – «И скажу, а сейчас пойду за полицией». – «Минна, Миннакен, ну не будь же такой, я так рад, так рад, значит я опять стал человеком, Миннакен». – «Я говорю, ты с ума спятил. Тебе и впрямь повредили мозги в Тегеле». – «Нет ли у тебя чего попить, кружечки кофе или чего другого?» – «А кто мне заплатит за передник, гляди – весь разодран». – «Да кто же, как не Франц? Он самый! Жив курилка! Франц снова здесь!» – «Возьми-ка лучше шляпу да проваливай! А то Карл тебя застанет, а у меня синяк под глазом. И больше не показывайся. Понял?» – «Адю, Минна».

А на следующее утро он опять тут как тут, с небольшим

---

<sup>87</sup> *Вот трубы затрубили, гусары, вперед, аллилуйя!* – Начальная строчка «Песни о фельдмаршале» (1813), написанной Э.-М. Арндтом (1768–1860), немецким поэтом, публицистом и историком, стихи и труды которого в значительной мере способствовали росту национального самосознания немцев. Проходящие в романе лейтмотивом упоминания о трубном звуке связаны с темой Апокалипсиса. Ср. с Откровением Иоанна Богослова: «И семь ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить» (Откр. 8: 6).

свертком. Она не хотела его впустить, но он защемил ногу в дверях. Минна шепотом сказала ему в щелку: «Ступай своей дорогой, Франц. Ведь я же тебе говорила». – «Да я, Минна, только из-за передников». – «Какие такие передники?» – «Вот тут, ты выбери». – «Можешь оставить свое краденое добро себе». – «Оно не краденое. Да ты открой». – «Уходи, а то соседи увидят». – «Открой, Минна».

Тогда она открыла; он бросил сверток в комнату, а когда Минна, с метлой в руках, не пожелала войти туда же, он стал один скакать по комнате. «Ух и рад же я, Минна. Весь день радуюсь. А ночью видел тебя во сне».

Он развернул на столе свой сверток; она подошла поближе и выбрала три передника, но осталась непреклонной, когда он схватил ее за руку. Он убрал остальные, а она стояла перед ним, не выпуская метлы, и торопила его: «Да скорее же. Выметайся». Он кивнул ей еще в дверях: «До свиданья, Миннакен». Она метлой захлопнула дверь.

Неделю спустя он снова стоял перед ее дверью. «Я только хотел узнать, как у тебя с глазом». – «Все в порядке, а тебе тут нечего делать». Он выглядел гораздо здоровее; на нем было синее зимнее пальто и коричневый котелок. «И еще, я хотел тебе показаться, как я вырядился, на кого я теперь похож». – «Мне-то какое дело?» – «Ну угости меня хоть чашкой кофе». В этот момент сверху стал кто-то спускаться по лестнице, по ступенькам скатился детский мячик, и Минна в испуге открыла дверь и втащила Франца в квартиру. «По-

стой-ка минуточку тут, это верхние жильцы, Лумке, ну а теперь можешь уходить». – «Хоть бы кофейку выпить. Неужели у тебя не найдется для меня чашечки?» – «Ведь не для этого же я тебе нужна? И вообще, у тебя, наверно, завелись уж какие-нибудь шашни, как я погляжу». – «Да нет же, только чашечку кофе». – «Ох, горе мне с тобой!»

А когда она остановилась в прихожей у вешалки и он умоляюще взглянул на нее, она покачала головой, закрыла лицо красивым новым передником и заплакала: «Ты меня мучаешь, Франц». – «Да в чем же дело?» – «Карл не поверил в то, что я рассказала ему про подбитый глаз. Как, говорит, можно было так ушибиться о шкаф? И чтоб я это перед ним проделала. А ведь так просто подбить себе глаз о шкаф, когда дверь открыта. Пусть сам попробует. Но вот, не знаю почему, он мне не верит». – «Этого я не понимаю, Минна». – «Может быть, потому, что у меня еще и здесь царапины, на шее. Их я сперва-то и не заметила, но что ж тут скажешь, когда тебе их показывают, и смотришься в зеркало и не знаешь, откуда они?» – «Га, может же человек поцарапаться – когда, например, чешется или что. И вообще, чего это Карл над тобой так измывается? Я бы его моментально сократил». – «А тут еще ты все приходишь. Эти Лумке тебя, наверно, уж видели». – «Ну, пусть-ка они не больно задаются». – «Нет, лучше уж ты уходи, Франц, и больше не возвращайся, ты на меня только беду накличешь». – «А что, он и про передники спрашивал?» – «Передники я себе давно собиралась купить». –

«Ну, в таком случае я пойду, Минна».

Он обнял ее за шею, и она не оттолкнула его. Спустя минутку, когда он все еще не отпускал ее, хотя и не прижимал к себе, она заметила, что он ее нежно поглаживает, и, удивленно вскинув на него глаза, промолвила: «Ну а теперь уходи, Франц». Он легонько потянул ее в комнату, она упиралась, но шаг за шагом подвигалась вперед. Спросила: «Франц, неужели опять все сначала?» – «Да почему же? Я только хочу немного посидеть с тобой в комнате».

Они мирно сидели рядышком на диване и говорили. А затем он ушел, сам, без напоминаний. Она проводила его до дверей. «Не приходи ты больше, Франц», – заплакала она и припала головой к его груди. «Черт знает, Минна, что ты можешь с человеком сделать! Почему бы мне больше не приходить? Ну а если не хочешь, то и не приду». Она держала его за руку. Он открыл дверь. Минна все еще держала его руку и крепко сжимала ее. Она держала его руку еще и тогда, когда он стоял уж на площадке. А затем отпустила ее и быстро и бесшумно заперла дверь. Он прислал ей с улицы два больших куса телятины.

# **А теперь Франц клянется всему миру и себе, что останется порядочным человеком в Берлине, с деньгами или без них**

Он стоял в Берлине уже совершенно твердо на ногах – он продал свою старую обстановку, кой-какие гроши сколотил в Тегеле, кой-что признал у хозяйки и у своего друга Мекка, – когда ему был неожиданно нанесен изрядный удар. Потом-то, правда, оказалось, что удар этот пустяковый. В одно вовсе не скверное утро у него на столе очутилась желтенькая бумажка, официальная, с казенным бланком, отстуканная на машинке:

Полицейпрезидиум, отделение 5, дата и исходящий номер. Просьба при ответе по настоящему делу ссылаться на вышеозначенный номер. Согласно представленным мне документам, Вы отбыли наказание за угрозы, оскорбление действием и нанесение телесных повреждений со смертельным исходом, а посему являетесь лицом, угрожающим общественной безопасности и нравственности. Ввиду сего и на основании прав, предоставленных мне § 2 закона от 31 декабря 1842 года и § 3 закона о свободе передвижения от 1 ноября 1867 года, а также законами от 12 июня 1889 года и 13 июня 1900 года, я постановил воспретить Вам со стороны го-

сударственной полиции проживание в Берлине, Шарлоттенбурге, Нойкельне, Берлин-Шенеберге, Вильмерсдорфе, Лихтенберге и Штралау, а также в районах Берлин-Фриденау, Шмаргендорф, Темпельгоф, Бриц, Трептов, Рейникендорф, Вейсензее, Панков и Берлин-Тегель, вследствие чего предлагаю Вам покинуть район, в коем проживание Вам воспрещено, в двухнедельный от сего числа срок с предупреждением, что в случае, если Вы по истечении означенного срока окажетесь проживающим в районе, в коем проживание Вам воспрещено, или же вернетесь в таковой, то Вы подлежите и будете подвергнуты на основании § 132 раздела II закона об общем государственном управлении от 30 июля 1883 года денежному штрафу в размере не свыше ста марок, с заменой в случае несостоятельности лишением свободы на срок не свыше десяти суток. Одновременно с сим обращаю Ваше внимание, что если бы Вы избрали своим местожительством один из нижепоименованных, расположенных в окрестностях Берлина, населенных пунктов: Потсдам, Шпандау, Фридрихсфельде, Карлсхорст, Фридрихсгаген, Обершеневейде и Вульхейде, Фихтенау, Рансдорф, Каров, Бух, Фронау, Кепеник, Ланквиц, Штеглиц, Целендорф, Тельтов, Далем, Ваннзее, Клейн-Глинеке, Новавес, Нейендорф, Эйхе, Борним и Борнштедт, – то должны ожидать последующей высылки из означенных населенных пунктов. Подпись. Печать. Форма № 968а<sup>88</sup>.

---

<sup>88</sup> *Полицейпрезидиум, отделение 5 ~ Форма № 968а. – В период работы над ро-*

Здорово его от этого в жар бросило. Но есть такой хороший дом на Грунерштрассе<sup>89</sup>, 1, недалеко от Алекса, патронат для бывших заключенных. Там на Франца посмотрели, посмотрели, спросили то, другое, да и выдали бумажку за подписями: господин Франц Биберкопф состоит под нашим надзором и покровительством, а о Вас мы наведем справки, работаете ли Вы, и Вы обязаны являться раз в месяц на регистрацию<sup>90</sup>. Кончено, точка. Все, все, как по маслу.

Забыт страх, забыты Тегель, и красная ограда, и стоны, и что там еще, – ну их к черту, мы начинаем новую жизнь, со всем старым покончено, Франц Биберкопф снова тут, и пруссаки веселятся, целый день кричат ура.

После этого случая он еще целый месяц набивал себе утробу мясом, картошкой и пивом и сходил к евреям на Драгонерштрассе, чтоб снова поблагодарить их. Нахум и Элизер как раз опять спорили. Они не узнали его, когда он вошел, одетый во все новое, потолстевший и пахнувший вод-

---

маном (1927–1928) писатель был дружен с тогдашним вице-полицейпрезидентом Берлина и часто бывал в полицейпрезидиуме, который располагался недалеко от Александрплац, рядом с медицинской практикой Дёблина. Именно там он, возможно, и позаимствовал формуляры цитируемых им полицейских документов.

<sup>89</sup> *Грунерштрассе* – улица в центре Берлина, на которой располагался полицейпрезидиум.

<sup>90</sup> ...а о Вас мы наведем справки... и Вы обязаны являться... на регистрацию. – Герой Дёблина, по всей видимости, вспоминает слова одного из работников патроната.

кой, и, почтительно прикрывая шляпой рот, шепотом спросил, всё ли еще больны внуки старого господина. В кабачке за углом, где он угощал неутомонных спорщиков, они спросили его, какими делами он занимается. «Я – да делами? Никакими я делами не занимаюсь. У нас все делается само собою». – «Откуда же у вас деньги?» – «С прежних времен, остатки. Кой-какие сбережения». Он толкнул Нахума в бок и, раздув ноздри и сделав хитрые, загадочные глаза, сказал: «А помните еще ваш рассказ о Цанновиче. Замечательный парень. Молодец. Потом-то его, правда, застукали. Чего вы только не знаете? Вот бы мне тоже выступить таким принцем и учиться в университете. Впрочем, нет, в университет мы не согласны. Может быть, мы женимся». – «Что ж, совет да любовь». – «Приходите на свадьбу. Будут и угощение и выпивка».

Рыжий, Нахум, принялся разглядывать его, почесывая подбородок: «Может быть, вы послушаете еще один рассказ? Ну так вот, у одного человека был мячик, знаете, такой детский мячик, но не резиновый, а из целлулоида, прозрачный, и в нем были свинцовые дробинки. Так что дети могут таким мячиком и греметь, как погремушкой, и бросать. Взял этот человек мячик, бросил его и подумал: ведь в нем свинцовые дробинки, так что можно его бросить, и он не покажется дальше, а останется на том самом месте, куда упал. Но когда человек бросил мяч, то мяч полетел не так, как человек рассчитывал, а подскочил и затем еще откатился чуть-

чуть в сторону, так – пальцев на десять». – «Ах, да оставь ты его, Нахум, в покое с твоими рассказами. Очень они ему нужны». А толстый, Франц-то: «Ну и что же случилось дальше с мячиком? И почему вы опять ссоритесь? Нет, вы взгляните на эту парочку, хозяин, спорят и ссорятся с тех пор, как я их знаю». – «Пускай себе люди остаются такими, какие они есть. Ссориться – пользительно для печенки». Рыжий: «Вот что я вам скажу, я видел вас на улице, видел на дворе и слышал, как вы пели. Поете вы очень хорошо. И вы хороший человек. Но только не будьте таким бешеным. Будьте поспокойнее. Будьте терпеливее на этом свете. Разве я знаю, что происходит у вас в душе и к чему готовит вас судьба? Только, видите ли, мячик летит не так, как вы его бросаете и как вам хочется, он летит приблизительно так, и немного дальше, а может быть, и гораздо дальше – почем знать? – или куда-нибудь в сторону».

Толстый откинул назад голову и, широко взмахнув руками, со смехом обнял рыжего. «Ну и мастер же вы рассказывать, ох, мастер! Но у Франца есть кой-какой опыт. Франц знает жизнь, Франц знает, кто он такой». – «Я только хотел сказать, что вы не так давно пели что-то очень невесело». – «Что ж, что не так давно? Что было, то прошло. А теперь мы опять при своих. Мой мячик летит хорошо, понимаете? Знай наших. Ну, адыю, да смотрите, приходите на мою свадьбу!»

Таким образом бывший цементщик, а потом перевозчик

мебели Франц Биберкопф, грубый, неотесанный парень с отталкивающей наружностью, парень, к которому привязалась красивая девушка из семьи слесаря и который эту девушку сделал проституткой и в конце концов смертельно ранил в драке, снова попал в Берлин и на улицу. Он поклялся всему миру и себе, что останется порядочным человеком. И действительно, пока у него были деньги, он оставался порядочным. А затем у него все деньги вышли, и этого момента он как будто только и ждал, чтобы показать всем, что такое есть человек.

## Книга вторая

Итак, мы благополучно вернули нашего героя в Берлин. Он принес клятву, и возникает вопрос, не закончить ли нам на этом свое повествование. Финал кажется приятным и незамысловатым, конец напрашивается сам собою, и все в целом отличалось бы великим достоинством – краткостью.

Но это не какой-нибудь первый встречный, это Франц Биберкопф. Я вызвал его к бытию не для забавы, а для того, чтобы пережить его тяжкое, подлинное и просветляющее существование.

Франц Биберкопф перенес суровое испытание, но теперь он, широко расставив ноги, прочно утвердился на берлинской почве, и если он говорит, что хочет быть порядочным человеком, то мы можем ему поверить, – он им и будет.

Вы увидите, как он несколько недель оставался порядочным. Но это до некоторой степени лишь простая отсрочка.

Жили некогда в раю два человека, Адам и Ева. Поместил их туда Господь, создавший животных и растения и небо и землю. А раем был чудный сад Эдем. Произрастали в нем цветы и деревья, резвились звери, никто не мучил других. Солнце всходило и заходило, то же делала и луна, весь день в раю царила одна лишь радость<sup>91</sup>.

---

<sup>91</sup> *Жили некогда в раю два человека, Адам и Ева ~ царила одна лишь радость.* – Вольный пересказ начала Ветхого Завета (см.: Быт. 1: 29; 2). Мотив грехопадения

Начнемте же веселей. Давайте петь и играть: ручками мы хлоп, хлоп, хлоп, ножками мы топ, топ, топ<sup>92</sup>, раз сюда, раз туда, раз кругом, в том нет труда.

### ФРАНЦ БИБЕРКОПФ ВСТУПАЕТ В БЕРЛИН<sup>93</sup>

---

является одним из центральных в романе и связывается с темой знания/неведения героя. В тексте БА неоднократно возникают библейские цитаты из книги Бытия и многочисленные аллюзии на историю соблазнения Евы змеем и изгнания первых людей из рая. Исследователи романа сходятся во мнении, что змею-искусителю Дёблин уподобляет или Людерса (история с вдовой в книге третьей), или Рейнхольда (история с ограблением фруктовой лавки – кражей яблок (!); предательство Рейнхольда, которое приводит к тому, что ФБ теряет правую руку; убийство Рейнхольдом Мици). В этом случае напрашивается параллель между ФБ и Адамом. Однако можно заметить, что и сам ФБ не раз сравнивается со змеем (например, в истории с Идой: он знакомится с ней в кафе «Райские сады», а затем вовлекает ее в проституцию).

<sup>92</sup> *Ручками мы хлоп, хлоп, хлоп, ножками мы топ, топ, топ...* – Слова песенки из первого действия сказочной оперы Энгельберта Хампердинка (1854–1921) «Гензель и Гретель» (1891). Ее герои – глупые дети, брат и сестра, отправляются на поиски своего отца в лес и попадают к злой ведьме, которая собирается их съесть. Опера Хампердинка, ученика Рихарда Вагнера, имела неслыханный успех, а номера из нее популярны и по сей день. В немецких театрах эту оперу обычно показывают на Рождество. В книгах второй и третьей БА Дёблин также несколько раз цитирует слова песен из этой оперы (см., например, с. 99, 123 наст. изд.).

<sup>93</sup> *Франц Биберкопф вступает в Берлин.* – Помещенные ниже пиктограммы представляют собой герб Берлина и десять эмблем, символизирующих различные отрасли городского хозяйства. Рисунки Дёблин вырезал из бюллетеня, выпущенного берлинским городским магистратом в 1928 г.



ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ



ОЧИСТКА ГОРОДА И ГУЖЕВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ



ЗДРАВООХРАНЕНИЕ



ПОДЗЕМНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО



ИСКУССТВО И ОБРАЗОВАНИЕ



ТРАНСПОРТ



СБЕРКАССЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК



ГАЗОВОЕ ХОЗЯЙСТВО



О публикации плана земельного участка<sup>94</sup> Ан-дер-Шпандауэр-Брюкке<sup>95</sup>, 10.

Настоящим сообщается, что план расположенного на Ан-дер-Шпандауэр-Брюкке в городской общине Берлин-Центр участка № 10, право собственности на который подлежит долгосрочному ограничению на предмет устройства стенной розетки на фасаде выстроенного на означенном участке дома, выставлен со всеми к нему приложениями для всеобщего с ним ознакомления. В течение предусмотренного законом срока всем заинтересованным лицам предоставляется заявить в объеме своих интересов соответствующие возражения против означенного плана. Равным образом правом представить свои возражения пользуется и председатель вышеупомянутой общины. Возражения в письменной форме подаются в управление Центрального района в Берлине, Центр 2, Клостерштрассе<sup>96</sup>, 68, комната 76; устные заявления заносятся там же в протокол.

– Вследствие договоренности с господином полицейпрезидентом, я предоставил арендатору охоты, господину Боттиху, впредь до отмены сего, право ружейной охоты на диких

---

<sup>94</sup> *О публикации плана земельного участка.* – Следующие три абзаца – цитаты из сообщений, опубликованных в третьем и четвертом номерах «Официального бюллетеня города Берлина» за 1928 г. (от 15 и 22 января); Дёблин, однако, изменил названия улиц и имена.

<sup>95</sup> *Ан-дер-Шпандауэр-Брюкке* – улица и железнодорожная станция к северо-западу от Александрплац.

<sup>96</sup> *Клостерштрассе* – большая улица недалеко от Александрплац.

кроликов и прочих хищников на участке под наименованием Парк Гнилого Озера в следующие дни 1928 года: охота должна заканчиваться в летнее время, с 1 апреля по 30 сентября, к 7 часам, а в зимнее время, с 1 октября по 31 марта, к 8 часам. О чем и доводится до всеобщего сведения, с предупреждением не ходить на означенный участок в вышеуказанные часы. Обербюргеймейстер, он же заведующий отделом охоты.

– Мастер скорняжного цеха<sup>97</sup> Альберт Пангель после тридцатилетней деятельности в почетных должностях сложил с себя все почетные обязанности ввиду преклонного возраста и переезда в другой округ. В течение этого долгого времени он непрерывно состоял председателем комиссии по благоустройству, а также и куратором. Районное управление отметило заслуги господина Пангеля в поднесенном ему благодарственном адресе.

Розенталерплац развлекается.

Переменная, скорее ясная погода, один градус ниже нуля. Над Германией распространяется низкое давление, которое положило конец стоявшей до сих пор хорошей погоде. Продолжающиеся незначительные изменения давления указывают на медленное распространение низкого давления к югу; таким образом, погода и дальше будет оставаться под

---

<sup>97</sup> *Мастер скорняжного цеха...* – Ср. с образом скотобойни в книге четвертой (с. 141 и след. наст. изд.).

его влиянием. Дневная температура, вероятно, понизится<sup>98</sup>. Бюллетень погоды для Берлина и прилегающих районов.

Маршрут трамвая № 68<sup>99</sup>: Розенталерплац, Виттенау, Северный вокзал, больница, Веддингплац, Штеттинский вокзал, Розенталерплац, Александрплац, Штраусбергерплац, вокзал Франкфуртераллее, Лихтенберг, дом умалишенных Герцберге. Три берлинских транспортных предприятия – трамвай, воздушно-подземная дорога и автобус – ввели единый тариф. Проезд стоит для взрослых двадцать пфеннигов, для учащихся – десять. Льготным проездом пользуются дети до 14 лет, ремесленные ученики и учащиеся, студенты, инвалиды войны и лица, неспособные к передвижению пешком, по удостоверениям участковых попечителей. Ознакомьтесь с сетью маршрутов. В зимние месяцы воспрещается пользоваться передней дверью для входа и выхода, 39 сидячих мест, 5918, кто намерен выйти, должен предупредить заблаговременно, вагоновожатому воспрещается разговаривать с пассажирами, вход и выход во время движения сопряжены с

---

<sup>98</sup> *Переменная, скорее ясная погода ~ Дневная температура, вероятно, понизится.* – См. примеч. 58 к книге первой.

<sup>99</sup> *Маршрут трамвая № 68...* – Если первый трамвай (№ 41, см. примеч. 3 к книге первой), на котором ехал Биберкопф, отправлялся от Тегеля, то конечная остановка второго трамвайного маршрута, упоминающегося в тексте романа, – психиатрическая лечебница. Таким образом, эти два трамвайных маршрута указывают на начальный (тюрьма) и конечный (психиатрическая лечебница) пункты движения главного героя романа в Берлине.

опасностью для жизни<sup>100</sup>.

На самой середине Розенталерплац какой-то человек с двумя желтыми свертками соскакивает на полном ходу с 41-го трамвая, порожнее такси проносится на волосок от прыгуна, вслед ему строго глядит шупо, откуда-то появляется трамвайный контролер, шупо и контролер здороваются за руку: ну и повезло же тому с его желтенькими свертками.

Разные фруктовые наливки по оптовым ценам, д-р Бергель, присяжный поверенный и нотариус, Лукутат<sup>101</sup>, индийское средство, секрет долголетия слонов, презервативы Фромма<sup>102</sup>, лучшая в мире резиновая губка, на что это нужно столько резиновых губок.

---

<sup>100</sup> *Проезд стоит ~ вход и выход во время движения сопряжены с опасностью для жизни.* – Дёблин цитирует правила проезда в городском транспорте, висевшие в те годы на трамвайных остановках, а также сведения, вывешенные в трамвайных вагонах.

<sup>101</sup> *Лукутат* – гомеопатический медицинский препарат, широко рекламировавшийся в 1927 г. Лукутат якобы изготавливался из плодов одноименного кустарника, произрастающего в индийских джунглях, и способствовал «омоложению организма»: «омолаживал кровь и половые железы, чистил печень и укреплял сердце», благодаря лукутату, сообщала реклама, слоны и индийские йоги доживали до ста лет. Впоследствии выяснилось, что за лукутат выдавали перебродившее сливовое пюре.

<sup>102</sup> *...презервативы Фромма...* – «Фромм» – торговая марка берлинской резиновой мануфактуры. В представлениях социологов того времени, жизнь в большом городе характеризовалась полным отсутствием интереса к биологическому продолжению рода (в отличие от жизни в деревне), поэтому примечательно, что герой Дёблина акцентирует внимание на этой вывеске.

От площади ведет к северу длинная Брунненштрассе<sup>103</sup>, по левой стороне ее, не доходя Гумбольдхайна<sup>104</sup>, находится AEG. AEG – колоссальное предприятие, охватывающее, согласно телефонной книге на 1928 год<sup>105</sup>: электрическую станцию, центральное правление, NW40, на набережной Фридриха Карла<sup>106</sup>, 2–4, местное отделение, иногороднее отделение, заводууправление, проходную контору, Электропромышленный банк, отделение осветительных приборов, отделение связей с Россией, металлургический завод Обершпрее<sup>107</sup>, фабрику электроприборов в Трептове, завод на Брунненштрассе, заводы в Геннингсдорфе<sup>108</sup>, завод изоляционных материалов, завод на Рейнштрассе<sup>109</sup>, кабельный завод в Обершпрее, трансформаторные заводы на Вильгельминенгофштрассе<sup>110</sup> и на Руммельсбургершоссе<sup>111</sup> и, наконец,

---

<sup>103</sup> *Брунненштрассе* – большая улица, которая вела из центра на северную окраину Берлина; в Брунненштрассе переходила Розенталерштрассе.

<sup>104</sup> *Гумбольдхайн* – парк на севере Берлина.

<sup>105</sup> *AEG... согласно телефонной книге на 1928 год...* – Как указывает сам Дёблин, сведения о фирме AEG – одном из самых крупных промышленных предприятий в Берлине того времени – он почерпнул из берлинской телефонной книги за 1928 г.

<sup>106</sup> *Набережная Фридриха Карла*. – Находилась на северо-западе Берлина, в промышленном районе, недалеко от транспортного вокзала и порта.

<sup>107</sup> *Обершпрее* – район и железнодорожная станция на юго-востоке Берлина.

<sup>108</sup> *Геннингсдорф* – город в Бранденбурге к северо-западу от Берлина.

<sup>109</sup> *Рейнштрассе* – улица находится на юго-западной окраине города.

<sup>110</sup> *Вильгельминенгофштрассе* – большая улица на юго-восточной окраине Берлина.

турбинный завод NW на Гуттенштрассе, 12–16<sup>112</sup>.

Инвалиденштрассе<sup>113</sup> отходит влево. Она ведет к Штеттинскому вокзалу<sup>114</sup>, куда прибывают поезда с Балтийского моря: Ах, вы весь в копоти – здесь, конечно, пыльно. – Здравствуйте, до свиданья! – Не прикажете ли отнести багаж, пятьдесят пфеннигов. – Но вы прекрасно поправились! – Ну, загар быстро сойдет. – Откуда у людей столько денег на разъезды? – Вот вчера рано утром в маленькой гостинице на одной из темных улиц застрелилась парочка влюбленных, кельнер из Дрездена и замужняя женщина, которая, однако, записалась под чужой фамилией<sup>115</sup>.

С юга на площадь выходит Розенталерштрассе. На углу ресторан Ашингера, Ашингер кормит людей и отпускает им пиво, концерты, и кондитерская. Рыба – продукт весьма питательный, иной бывает рад, когда у него есть хоть рыба, а другие не могут есть ее, ешьте рыбу, и вы сохраните хоро-

---

<sup>111</sup> *Руммельсбургершоссе* – шоссе на востоке Берлина.

<sup>112</sup> ...*турбинный завод NW на Гуттенштрассе, 12–16*. — Дёблин часто бывал на этом заводе фирмы AEG, расположенном на северо-западе Берлина, когда работал над своим «берлинским» романом «Борьба Вадцека с паровой турбиной» (1914; опубл. 1918).

<sup>113</sup> *Инвалиденштрассе* – большая улица, которая ведет с северо-запада на север города.

<sup>114</sup> *Штеттинский вокзал* – вокзал на северо-западе Берлина, крупный транспортный узел.

<sup>115</sup> *Вот вчера рано утром ~ записалась под чужой фамилией*. – Источник этой новости, вклеенной в рукопись, неизвестен.

шую фигуру, здоровье и бодрость<sup>116</sup>. Дамские чулки из настоящего искусственного шелка, только здесь вы получите первоклассное золотое вечное перо.

На Эльзассерштрассе<sup>117</sup> загордили всю мостовую, оставив только узенький проезд. За забором пытит локомотив. Беккер и Фибих, строительная контора, Берлин В35<sup>118</sup>. Шум и грохот; вагонетки ходят до угла, где частный коммерческий банк – депозиты, хранение процентных бумаг, текущие счета. Перед банком пятеро рабочих, стоя на коленях, забирают в грунт булыжник.

На остановке у Лотрингерштрассе в трамвай № 4 село четверо<sup>119</sup>, две пожилые женщины, простолюдин с озабоченным видом и мальчик в теплой шапке и наушниках. Обе женщины едут вместе, это фрау Плюк и фрау Гоппе. Они ездили покупать для старшей, фрау Гоппе, бандаж, потому что у нее предрасположение к грыже. Они заходили к бандажисту, на Брунненштрассе, а теперь едут встречать своих мужей, возвращающихся к обеду. Простолюдин – кучер Газебрук, за-

---

<sup>116</sup> Рыба – продукт весьма питательный ~ здоровье и бодрость. – Текст рекламного объявления в газете «Берлинер тагесблатт» за 13 марта 1928 г.

<sup>117</sup> Эльзассерштрассе – большая улица на севере Берлина.

<sup>118</sup> Беккер и Фибих, строительная контора, Берлин В35. — Строительная контора «Беккер и Фибих» существовала в действительности; Дёблин дает адрес по берлинской адресной книге за 1928 г.

<sup>119</sup> ...у Лотрингерштрассе в трамвай № 4 село четверо... – Трамвай № 4 не останавливался у Лотрингерштрассе. В рукописи БА был указан правильный номер маршрута, остановка которого находилась в этом месте, – № 1. Лотрингерштрассе – улица на севере Берлина, в которую переходит Эльзассерштрассе.

мучившийся с электрическим утюгом, который он задешево купил для своего хозяина как подержанный. Ему подсунули плохой; хозяин поработал им несколько дней, а затем утюг перегорел, и вот теперь Газебруку велели обменять его на другой, а продавцы не хотят, и он уже третий раз ездит к ним: придется, видно, доплатить из своего кармана. Мальчик Макс Рюст станет со временем жестянщиком, отцом еще семи Рюстов, вступит компаньоном в фирму Халлис и К°, установки и кровельные работы в Грюнау<sup>120</sup>, на пятьдесят третьем году жизни выиграет на свою четверть билета часть главного выигрыша Прусской лотереи, удалится после этого на покой и скончается пятидесяти пяти лет во время процесса с фирмой Халлис и К° в связи с выходом его из этого дела. Извещение о его смерти будет гласить: 25 сентября, на пятьдесят пятом году жизни внезапно скончался от разрыва сердца мой горячо любимый муж, наш дорогой отец, сын, брат, шурин и дядя Макс Рюст, о чем с глубоким прискорбием извещает от имени осиротелой семьи Мария Рюст<sup>121</sup>. А изъявление благодарности после похорон будет выглядеть так: Ввиду невозможности – каждого в отдельности – за внимание и т. д. настоящим выражаем всем родным, друзьям, а также жильцам дома № 4 по Клейстштрассе и знакомым

---

<sup>120</sup> Грюнау – зеленый район в пригороде Берлина, на берегу реки Даме.

<sup>121</sup> Извещение о его смерти будет гласить: 25 сентября ~ Мария Рюст. – Текст некролога, вырезанный из газеты; Дёблин лишь заменил упоминавшиеся в нем фамилии.

нашу искреннюю благодарность. В особенности благодарим господина Дейнена за его прочувствованное слово...<sup>122</sup> Но сейчас этому Максусу всего четырнадцать лет; он только что окончил приходскую школу и едет в консультацию для страдающих недостатками речи, тугоухих, близоруких, отсталых и трудновоспитуемых, где уже часто бывал, так как заикается, хотя и не так сильно, как раньше.

Кабачок на Розенталерплац.

В передней комнате играют на бильярде, в глубине, в уголке, двое мужчин пьют чай и курят. У одного из них дряблые щеки и седые волосы; он в плаще.

– Ну, валяйте. Но только сидите смирно, не дрыгайтесь так.

– Нет, сегодня вы меня не затащите к бильярду. У меня сегодня рука неверная.

Седой жует сухую булку, не притрагиваясь к чаю.

– Вовсе не требуется. Нам и тут хорошо.

– Знаю, знаю, старая история. Ну, теперь вопрос решен.

– Кто решил-то?

Его собеседник – молодой, светлый блондин, с энергичным лицом, мускулистый.

– Конечно, и я тоже. А вы думали – только они? Нет, теперь все выяснено.

---

<sup>122</sup> ...Ввиду невозможности ~ слово... – Также вырезка из газеты, вклеенная в текст рукописи, Дёблин заменил адрес и имена.

– Другими словами: вас выставили вон.

– Я откровенно поговорил с шефом, он на меня накричал.

А в конце дня мне принесли уведомление, что с первого числа я уволен.

– Вот видите, никогда не надо, в известных условиях, говорить откровенно. Если бы вы поговорили с вашим шефом обиняками, он бы вас не понял и вы продолжали бы служить.

– Да я еще не ушел, что вы вообразили? Теперь-то я и покажу себя. Думаете, им сладко от меня придется? Ежедневно в два часа я буду являться и отравлять им жизнь, будьте покойны.

– Молодой человек, молодой человек. А я-то полагал, вы женаты.

Тот поднял голову.

– В том-то и подлость, что я ей еще ничего не сказал, не могу и не могу.

– Может быть, дело еще и наладится...

– Кроме того, она в положении.

– Второй уже?

– Да.

Человек в плаще закутывается в него плотнее, насмешливо улыбается своему собеседнику, а затем, кивнув головой, говорит:

– Что ж, отлично. Дети придают смелости. Вам она теперь могла бы пригодиться.

– Она мне совершенно не нужна, – выпаливает тот. – К

чему? Я по уши в долгах. Эти вечные платежи. Нет, не могу ей сказать. А тут еще меня просто выперли. Я привык к порядку, а у нас черт знает что делается. Конечно, у моего шефа есть своя мебельная фабрика, и приношу ли я ему заказы для обувного отдела, ему глубоко наплевать. В том-то и вся штука. Чувствуешь себя какой-то пятой спицей в колеснице. Стоишь себе в конторе и спрашиваешь без конца: посланы ли наконец предложения? Предложения? Какие предложения? Да ведь я же вам уже шесть раз говорил! На кой черт я тогда бегаю по клиентам? Люди в глаза смеются. Либо ликвидируй этот отдел, либо делай дело.

– Выпейте-ка чаю. Пока что ликвидировали вас.

От бильярда подходит какой-то господин без пиджака, кладет руку молодому человеку на плечо и спрашивает:

– Как вы насчет небольшой партии со мною?

За молодого отвечает старший:

– Он получил кроше<sup>123</sup> в подбородок.

– Бильярд очень помогает против кроше. – С этими словами он уходит. Человек в плаще глотает горячий чай. Приятно попить горячий чай с сахаром и ромом и слушать, как скулят другие. Так уютно в этом кабачке.

– Вы сегодня не собираетесь домой, Георг?

– Не хватает духу, честное слово, не хватает духу. Что я ей скажу? Я не могу взглянуть ей в глаза.

– Идите, идите и смело взгляните ей в глаза.

---

<sup>123</sup> *Кроше* – в боксе: сокрушительный удар сбоку.

– Что вы в этом понимаете?

Старший наваливается грудью на столик и мнет в руках концы плаща.

– Пейте, Георг, или скушайте чего-нибудь и молчите. Кое-что я в этом понимаю. Да. Я эти штучки прекрасно знаю. Когда вы еще под стол пешком гулять ходили, я все это сам испытал.

– Нет, пусть-ка кто-нибудь станет на мое место. Была хорошая служба, а потом взяли да все и изгадили.

– Так вот, послушайте-ка. Я был старшим преподавателем. До войны. Когда началась война, я был уже таким, как сейчас. И кабачок этот был таким же, как сейчас. На военную службу меня не призвали. Таких, как я, им не нужно – людей, которые впрыскивают себе морфий. Вернее говоря: меня все же призвали, я думал, со мной случится удар. Шприц, конечно, у меня отобрали, и морфий тоже. Ну и попал же я в переплет. Двое суток я еще кое-как выдержал, пока у меня был запас, капли, а затем – до свиданья, Пруссия, я в психиатрической больнице. В конце концов отпустили меня на все четыре стороны. Да что тут долго говорить – потом меня и из гимназии уволили, потому что, знаете, морфий – это такая штука, что иной раз бываешь как в чаду, в особенности вначале, теперь-то это, к сожалению, больше не случается. Ну а жена? А ребенок? Прости-прощай, родная сторона<sup>124</sup>.

---

<sup>124</sup> *Прости-прощай, родная сторона.* – Начальные слова народной песни (1857) на стихи пастора Августа Дюссельхофа (1829–1903).

Милый мой Георг, я мог бы рассказать вам романтические истории.

Седой пьет, греет руки о стакан, пьет медленно, с чувством, разглядывает чай на свет: «М-да, жена, ребенок: выходит, как будто это и есть весь мир. Я не раскаиваюсь и вины за собой не признаю, с фактами, а также и с самим собою, необходимо считаться. Не следует кичиться своей судьбой. Я – противник учения о роке. Я не эллин, я берлинец<sup>125</sup>. Но почему же вы даете остыть чаю? Подлейте-ка рому». Правда, молодой человек закрывает стакан ладонью, но седой отводит ее и подливает ему изрядно из небольшой фляги, которую достал из кармана: «Мне пора уходить. Спасибо, спасибо. Я должен набегаться до усталости и забыть свои огорчения». – «Бросьте, оставайтесь-ка спокойненько здесь, Георг, выпейте малость, а потом поиграете на бильярде. Только не заводите вы беспорядка. Это – начало конца. Дома я не застал ни жены, ни ребенка, а нашел только письмо, что она возвращается к матери в Западную Пруссию и так далее, исковерканная жизнь с таким мужем, позор и так далее, тогда я причинил себе эту царапинку, вот здесь, на левой руке, что уже пахнет покушением на самоубийство<sup>126</sup>. Но вот, никогда не следует упускать случай пополнить свое образо-

---

<sup>125</sup> *Я не эллин, я берлинец.* – Ср. с названием последней главы книги второй: «Вот он какой, наш Франц Биберкопф! Под стать античным героям!» – и с монтажом цитат из «Орестей» Эсхила в той же главе (см. с. 100–104 наст. изд.).

<sup>126</sup> *...пахивает покушением на самоубийство.* – В те годы покушение на самоубийство считалось преступлением и уголовно преследовалось.

вание, Георг; я, например, знал даже провансальский язык, а анатомию, извините! Вот и принял сухожилие за артерию. Я и сейчас не более осведомлен по этой части, но как будто не возникает надобности. Короче говоря: скорбь, раскаяние – все это чушь, ерунда, я остался в живых, жена тоже осталась в живых, ребенок – тоже. У нее появились даже еще дети, там, в Западной Пруссии, целых две штуки, я, очевидно, действовал на расстоянии, и все мы живем себе да живем. Розенталерплац меня радует, шупо на углу меня радует, бильярд меня радует. Ну-ка пусть теперь кто-нибудь скажет, что его жизнь лучше и что я ничего не понимаю в женщинах!»

Блондин смотрит на него с отвращением: «Ведь вы же настоящая развалина, Краузе, вы это и сами знаете. Какой же вы после этого пример? Вы просто рисуетесь передо мной своим несчастьем, Краузе. Вы же мне сами рассказывали, как вам приходится голодать с вашими частными уроками. Мне бы не хотелось лечь таким в могилу». Седой допивает стакан, откидывается на спинку железного стула, с минуту смотрит на молодого враждебно поблескивающими глазами, а затем прыскает со смеху и судорожно хихикает: «Разумеется, не пример, вы совершенно правы. Но я и не претендовал на это. Для вас я не пример. Извольте: муха и точки зрения. Муха садится под микроскоп и кажется себе лошадью. Пусть-ка такая муха попадется мне под мой телескоп. Да кто вы такой, господин, как вас, господин Георг? А ну-ка, пред-

ставьтесь мне: городской представитель такой-то фирмы по отделу обуви. Бросьте, пожалуйста, ваши шуточки. Рассказывать мне, мне, о своем горе, „горе“ передаю по буквам: *g* – Георг, *o* – осел, *p* – рохля, сугубая рохля, да, *e* – ерунда. И вообще вы не туда попали, милостивый государь, совершенно не туда попали, совсем, совсем не туда попали!»

Из трамвая маршрута 99<sup>127</sup> Мариендорф, Лихтенрадершоссе, Темпельгоф, Галлеские ворота, церковь Св. Гедвиги, Розенталерплац, Бадштрассе, Зеештрассе на углу Тогоштрассе, в ночь с субботы на воскресенье непрерывное сообщение между Уферштрассе и Темпельгофом через Фридрих-Карлштрассе каждые 15 минут, выходит молоденькая девушка. 8 часов вечера, под мышкой у нее папка с нотами, каракулевый воротник поднят до самых бровей, на углу Брунненштрассе и Вейнбергсвег<sup>128</sup> она шагает взад и вперед. Какой-то господин в шубе пытается с ней заговорить, она вздрагивает и стремительно переходит на другую сторону. Останавливается под высоким фонарем и всматривается в противоположный угол. Там появляется небольшого роста пожилой господин в роговых очках, она моментально оказывается возле него. Идет, хихикая, рядом. Они направляются вверх по Брунненштрассе.

---

<sup>127</sup> *Из трамвая маршрута 99...* — Маршрут проходил практически через весь Берлин и связывал юго-восточную и северную части города.

<sup>128</sup> *Вейнбергсвег* – улица на севере Берлина.

«Мне никак нельзя сегодня так поздно вернуться домой, право, никак нельзя. Собственно говоря, мне совсем не следовало бы приходить. Но ведь мне нельзя даже позвонить к вам». – «Только в самых исключительных случаях, если уж непременно нужно. У нас на службе подслушивают. Это же в твоих интересах, дитя мое». – «Ах, я так боюсь, но ведь это же не узнается, вы же никому не расскажете?» – «Никому». – «Если узнает папа или узнает мама – о боже!» Пожилой господин с довольным видом поддерживает ее под руку. «Да с чего б они узнали? Я никому не скажу ни слова. А ты хорошо занималась на уроке?» – «Я играла Шопена. Ноктюрны. Вы любите музыку?» – «Пожалуй. Если на то пошло». – «Мне хотелось бы вам что-нибудь сыграть, когда я как следует разучу. Но я вас так боюсь». – «Однако!» – «Да, я всегда боюсь вас, немножко, не очень. Нет, не очень. Но ведь мне нечего бояться вас, не правда ли?» – «Нисколько. С какой стати? Ты ведь знаешь меня уже три месяца». – «Собственно, я боюсь только папы. Что, если он вдруг узнает?» – «Послушай, детка, ведь можешь же ты, наконец, выйти куда-нибудь из дому вечером одна. Ты же больше не ребенок». – «Это я маме давно уже говорю. И выхожу». – «Вот мы и идем, Тунтхен<sup>129</sup>, куда нам вздумается». – «Ах, не называйте меня, пожалуйста, Тунтхен. Это я сказала вам только для того, чтобы... ну, просто так, между прочим. А куда же мы идем се-

---

<sup>129</sup> *Тунтхен* (уменьшительно-ласкательное от нем. Tunte) – на сленге тех лет – женоподобный гомосексуалист; но здесь – ласковое обращение к женщине.

годня? Помните, я должна быть в девять часов дома». – «Да вот мы уже пришли. Сюда, наверх. Здесь живет один из моих приятелей. Мы можем без стеснения посидеть в его квартире». – «Ах, я так боюсь. Нас никто не увидит? Идите вы вперед. Я приду одна вслед за вами».

Там, наверху, они улыбаются друг другу. Она стоит в уголке. Он снял пальто и шляпу и берет у нее из рук папку с нотами и шапочку. Затем девушка подбегает к двери и выключает свет: «Но только сегодня не долго, у меня так мало времени, мне надо скорее домой, я не буду раздеваться, а вы мне не сделаете больно?»

# **Франц Биберкопф отправляется на поиски, надо зарабатывать деньги, без денег человек не может жить. Кое-что о горшечном торге во Франкфурте**

Франц Биберкопф сел со своим приятелем Мекком за стол, за которым сидело уже несколько громко переговаривавшихся мужчин, и стал ждать открытия собрания. Мекк заявил: «Ты не ходишь отмечаться на бирже труда и не работаешь на заводе, а для земляных работ слишком холодно. Самое лучшее – торговать. В Берлине или в провинции. По выбору. Это человека прокормит». – «Осторожно. Как бы вас не задеть!» – крикнул кельнер. Приятели заказали пива. В ту же минуту наверху, над ними, раздались шаги, это господин Вюншель, управляющий с первого этажа, побежал в скорую помощь – с его женой обморок. Тогда Мекк снова заявил: «Пускай я не я буду, но ты только взгляни на этих людей. Какой у них вид, а? Разве похоже, что они голодают? И разве это не порядочные люди?» – «Готлиб, ты знаешь, что, когда дело касается порядочности, я не терплю шуток. Скажи мне, положи руку на сердце: приличное ли это занятие или нет?» – «Да ты погляди на этих людей. Что мне еще

говорить? Первый сорт, ты только погляди». – «Мне главное – дело, чтоб это было что-нибудь солидное, – понимаешь? – солидное». – «Чего уж солиднее! Подтяжки, чулки, носки, передники, в крайнем случае – головные платки. Прибыль зависит от умения дешево закупить».

На трибуне какой-то горбатый человечек говорит о франкфуртской ярмарке. Следует самым решительным образом отсоветовать иногородним принимать в ней участие. Ярмарка расположена в очень неудачном месте. В особенности плохо приходится горшечному торгу. «Милостивые государыни и милостивые государи и дорогие коллеги! Кто побывал на горшечном торге во Франкфурте в прошлое воскресенье, может вместе со мною высказаться за то, что таких вещей требовать от публики нельзя». Готлиб подтолкнул Франца: «Это он про франкфуртскую ярмарку. Ты ведь туда все равно не поедешь». – «Ничего, он хороший человек, знает, чего хочет». – «Если кто знает Магазинную площадь во Франкфурте, то во второй раз туда не поедет. Это как пить дать. Это ж дрянь, настоящее болото. Затем мне хотелось бы высказаться, что франкфуртский магистрат тянул дело чуть ли не до самого срока открытия. А затем заявил в таком роде, что, значит, для нас – Магазинная площадь, а не Рыночная, как всегда. Почему? Потому, говорит, что на Рыночной площади бывает базар, а если и вы еще туда нагрянете, то получится затор движению. Это неслыханно со стороны франкфуртского магистрата, это просто оплеуха! Та-

кие приводить мотивы! Четыре раза в неделю базар, а потому нам туда нельзя! Да почему именно нам? Почему не зеленщику или молочнице? Почему во Франкфурте не строят крытых рядов? С торговцами зеленью, фруктами и другими продуктами питания магистрат обращается не лучше, чем с нами. Нам всем приходится страдать от головоупияства магистрата. Но теперь довольно! Будет! Обороты на Магазинной площади были незначительны, овчинка выделки не стоила. Какому покупателю охота тащиться туда в дождь и слякоть? Наши товарищи, которые поехали, не выручили даже хотя бы на обратную дорогу. Железнодорожный билет, плата за место, плата за простой, подвоз, то да се. Кроме того, я особенно хотел бы высказаться и представить всему собранию, во Франкфурте уборные такие, что нет сил описать! Кому пришлось там побывать, тот может кой-что порассказать об этом. Подобного рода гигиенические условия недостойны большого города, и общественность должна это заклеить где только возможно. Такие условия не могут привлекать посетителей во Франкфурт и приносят ущерб торговцам. А затем еще эти тесные помещения для торгоа: сидишь друг на дружке, как селедки в бочке».

После прений, в которых досталось и правлению за его бездеятельность, была единогласно принята следующая резолюция:

«Ярмарочные торговцы считают перенесение ярмарки на Магазинную площадь прямым для них оскорблением.

Торговые обороты оказались значительно ниже таковых на прежних ярмарках. Магази́нная площадь совершенно не подходит для устройства на ней ярмарки, так как она не в состоянии вместить все количество посетителей, а в санитарном отношении является позором для города Франкфурта-на-Одере, помимо того, что в случае пожара торговцы погибнут вместе со своим имуществом. Собравшиеся ожидают от городского магистрата перенесения ярмарки обратно на Рыночную площадь, так как только таким путем создается гарантия ее дальнейшего существования. Вместе с тем собравшиеся настаивают на снижении арендной платы за торговое место, так как при данных условиях они не смогут хотя бы приблизительно выполнить свои обязательства и вынуждены будут искать помощи общественной благотворительности»<sup>130</sup>.

Биберкопфа неудержимо влекло к оратору. «Вот это, Мекк, человек, как будто созданный для сего мира». – «А ты попробуй поприжать его; может быть, что-нибудь тебе и перепадет». – «Этого ты не можешь знать, Готлиб. Помнишь, как меня евреи-то из беды вытащили? Ведь я уже и по дворам ходил, и Стражу на Рейне<sup>131</sup> пел – вот до чего у меня тогда в голове помутилось. А евреи меня выудили и рассказа-

---

<sup>130</sup> «Ярмарочные торговцы считают ~ благотворительности». – Дёблин дословно цитирует открытое письмо, опубликованное в одной из берлинских газет, по всей видимости, в ноябре 1927 г. Газетная вырезка прилагалась к рукописи романа.

<sup>131</sup> *Стража на Рейне*. – См. примеч. 24 к книге первой.

ли мне разные истории. Слова, сказанные хорошим человеком, тоже хорошая штука, Готлиб». – «Ну да, история с этим поляком, Стефаном-то. Эх, Франц, у тебя в голове и сейчас еще винтика не хватает». Тот пожал плечами. «Дались тебе мои винтики, Готлиб. Нет, а ты стань на мое место, да потом уж и говори. Вон тот человечек, с горбом который, – хорош, я тебе говорю, первейшего сорта». – «Пусть будет по-твоему. Но только тебе бы лучше позаботиться о деле, Франц». – «Позабочусь, забочусь, всё своим чередом. Я ведь от дела не отказываюсь».

Он встал, пробрался сквозь толпу к горбуну и почтительно обратился к нему за справкой. «Что вам угодно?» – «Да вот, хочу вас кое-что спросить». – «Прений больше не будет. Прения окончены. Будет с нас, сыты по горло. – Горбун был, видимо, раздражен. – Что вам, собственно говоря, нужно?» – «Я. Вот тут много говорилось о франкфуртской ярмарке, и вы прекрасно провели свое дело, за первый сорт. Это я и хотел вам сказать лично от себя. Я совершенно с вами согласен». – «Очень рад, коллега. С кем имею удовольствие?» – «Франц Биберкопф. Мне было очень приятно видеть, как вы справились со своей задачей и всыпали франкфуртцам». – «То есть магистрату». – «За первый сорт. Разделали их под орех. Они теперь и не пикнут. В эту дырку они во второй раз уж не полезут». Горбатый человек собрал бумаги и спустился с трибуны в прокуренный зал. «Очень приятно, коллега, очень, оч-чень приятно», – сказал он. Франц, сияя, расшар-

кался. «Так о чем же вы хотели справиться? Вы член нашего союза?» – «К сожалению, нет». – «Ну это мы сейчас устроим. Идемте за наш стол». И вот Франц сидит за столом президиума среди раскрасневшихся, разгоряченных голов, пьет, раскланивается, получил в конце концов на руки бумажку. Взнос он обещал уплатить первого числа. Попрощались за руку.

Еще издали помахивая бумажкой, Франц заявил Мекку: «Теперь я – член берлинского отделения союза. Понимаешь? Вот, читай, что тут написано, Берлинское отделение имперского союза германских торговцев вразнос. Хорошее дело, а?» – «Значит, ты теперь торговец текстильными товарами? Тут написано: текстильные товары. С каких же это пор, Франц? И что у тебя за текстильные товары?» – «Да я вообще не говорил о текстильных товарах. Я говорил о чулках и передниках. А они настояли на своем: текстильные товары. Ну и пускай. Платить я буду только первого числа». – «Чудак-человек! А если ты, во-первых, пойдешь с фарфоровыми тарелками или кухонными ведрами. Или, может быть, будешь торговать скотом, вот как эти господа? Ну скажите, господа, разве не глупо, что человек берет членский билет по текстильной части, а торговать пойдет, скажем, скотом?» – «Если скотом, то крупным я не советую. С крупным скотом тихо<sup>132</sup>. Пусть лучше займется мелким». – «Да

---

<sup>132</sup> *С крупным скотом тихо.* – Ср. далее с мотивом скотобойни (см. с. 141 и след. наст. изд.).

он вообще еще ничем не занялся. Факт. Знаете, господа, он только еще собирается. Вы даже можете сказать ему, – да, да, Франц, – чтоб он торговал мышеловками или гипсовыми головками». – «Ну и что ж? Если на то пошло, Готлиб, только бы прокормиться. Конечно, не надо непременно мышеловками, потому что тут слишком большая конкуренция со стороны аптекарских магазинов, которые торгуют разными ядами; а про гипсовые головки – почему бы не попробовать распространять гипсовые головки в маленьких городах?» – «Вот извольте: человек берет свидетельство на передники, а уже собирается идти с гипсовыми головками!»

«Да нет же, Готлиб, вы совершенно правы, господа, ты, Готлиб, напрасно хочешь обернуть дело таким манером. Всякое дело надо правильно осветить и надо правильно к нему подойти, как горбатый человек подошел к делу с франкфуртской ярмаркой, которое ты даже и не слушал». – «Да оно меня нисколько не касается, и этих господ тоже». – «Хорошо, Готлиб, хорошо, господа, я вовсе и не хочу ставить вам в упрек, но только вот я, что касается моей личности, слушал внимательно и нахожу, что было очень интересно, как он все это осветил, спокойно, но ярко, несмотря на слабый голос, – вероятно, у него с легкими неладно, – и как все шло в полном порядке, а потом эта резолюция, где все на своем месте, каждый пунктик, тютелька в тютельку, вплоть до уборных, которые им не понравились. У меня же было это дело с евреями, помнишь? Мне, господа, когда я, когда мне

приходилось очень скверно, помогли как-то два еврея тем, что рассказали одну историю. Они поговорили со мной, люди очень приличные, которые со мной до тех пор совсем не были знакомы, и рассказали мне историю про одного поляка или что-то в этом роде, и это была просто история, и все же очень полезная, поучительная для меня в том положении, в котором я тогда находился. Я было подумал: рюмка коньяку дала бы тот же результат. Но почему знать? После этого я опять встал на ноги». Один из скотопромышленников пустил облако дыма и, осклабясь, сказал: «Вероятно, вам до этого здоровенный кирпич упал на голову». – «Пожалуйста, без шуток, господа. Между прочим, вы совершенно правы. Здоровеннейший был кирпичина! И с вами может случиться, что вам на голову свалится этакая штука, и у вас душа в пятки уйдет. С кем греха не бывает? Ну а что вы будете делать, когда у вас душа в пятках? Вот тогда вы и забегаете по улицам – Брунненштрассе, Розентальские ворота, Алекс. Может случиться и так, что вы бегае по улицам и даже названия их прочесть не в состоянии. Тут-то мне и помогли умные люди, поговорили со мной и рассказали кое-что, люди, как говорится, с головой, а потому, знаете ли, не надо ждать спасения только от коньяка или от этих несчастных грошовых членских взносов. Главное дело, чтоб была голова на плечах и чтобы ею пользоваться и чтобы человек знал, что творится вокруг, не то тебя сразу сковырнет. Ну а с головой-то это еще только полбеда. Вот оно как, господа. Вот

как я это понимаю!»

«В таком случае, господин, стало быть, коллега, выпьемте за процветание нашего союза». – «За союз, ваше здоровье, господа. Твое здоровье, Готлиб». Готлиб покатился со смеху: «Чудак-человек, да откуда ты, спрашивается, возьмешь к первому числу деньги на членский взнос?» – «А затем, молодой коллега, раз у вас есть теперь членский билет и вы стали членом нашего союза, постарайтесь, чтобы союз помог вам заработать хороший куш». Скотопромышленники смеялись не меньше самого Готлиба. «Поезжайте-ка с вашей бумажкой в Мейнинген<sup>133</sup>, – сказал один из скотопромышленников, – на будущей неделе там ярмарка. Я стану с правой стороны, а вы – напротив, с левой, и посмотрим, как у вас пойдет дело. Ты себе представь, Альберт, у него есть бумажка, он член союза и стоит у себя в ларьке. Тут возле меня кричат: Сосиски венские, настоящие мейнингенские пряники<sup>134</sup>, и он себе там орет: Пожалуйста, пожалуйста, небывалый случай, член союза, величайшая сенсация ярмарки в Мейнингене! Вот когда люди к нему побегут толпой. Эх, и какой же ты, братец, дурак!» Они хлопали по столу; Биберкопф тоже. Затем он осторожно засунул бумажку в боковой карман и сказал: «Если кто хочет бегать, то покупает, конечно, пару сапог. Я вовсе не говорил, что собираюсь делать большие дела. Но голова у меня на плечах есть». Вся компания встала

---

<sup>133</sup> *Мейнинген* – городок на юго-востоке Германии в Южной Тюрингии.

<sup>134</sup> *Мейнингенские пряники* – по всей видимости, выдумка автора.

и вышла.

На улице Мекк затеял с обоими скотопромышленниками горячий спор. Торговцы отстаивали свою точку зрения в судебном деле, которое вел один из них. Он торговал скотом в Марке, хотя патент у него был взят только для Берлина. Один из конкурентов встретил его в какой-то деревне и донес на него жандарму. Но тут оба скотопромышленника, ведшие дело сообща, придумали тонкий ход: обвиняемый должен заявить в суде, что лишь сопровождал товарища и делал все по его поручению.

«Платить мы не будем, – горячились оба скотопромышленника. – Мы согласны принять присягу. В суде мы покажем под присягой. Он заявит, что только сопровождал меня, а так бывало уже не раз, и на этом мы примем присягу, и дело с концом».

Тогда Мекк вышел из себя, схватил обоих скотопромышленников за грудки и крикнул: «А что я говорил? Вы же сумасшедшие, вам место в желтом доме. Вы еще будете присягать в таком идиотском деле, на радость тому негодяю, чтоб он окончательно угробил вас? Об этом надо бы написать в газетах, что суд допускает такие вещи, это непорядок, господа в моноклях. Но теперь судить будем мы».

А второй скотопромышленник стоит на своем: «Я же при му присягу, не так ли? Ну так в чем же дело? Неужели же нам платить, да за три инстанции, а он, мерзавец, будет тор-

жествовать? Этакая скотина завистливая. Нет, брат, у меня он вылетит в трубу!»

Мекк хлопнул себя кулаком по лбу: «Немецкий Михель<sup>135</sup>, тебе место в той самой грязи, в которой ты лежишь».

Они расстались со скотопромышленниками, Франц взял Мекка под руку, и они медленно пошли одни по Брунненштрассе. Мекк грозился вслед скотопромышленникам: «Эдакие бандиты! Такие-то и губят нас. Весь народ, всех нас они губят». – «Ну что ты говоришь, Готлиб?» – «Сопляки они, вместо того чтобы показать суду кулак, вот сопляки – весь народ, торговцы, рабочие, все без исключения».

Внезапно Мекк остановился и загородил Францу дорогу: «Послушай, Франц, нам надо с тобой поговорить. Иначе я не могу допустить, чтоб ты меня провожал. Ни в коем случае». – «Что ж, валяй». – «Франц, мне необходимо знать, кто ты такой. Взгляни мне в лицо. Скажи мне вот тут, на этом месте, честно и прямо, ведь ты же испытал все это там, в Тегеле, и ты знаешь, что такое право и справедливость. В таком случае право должно остаться правом». – «Это верно, Готлиб». – «Тогда, Франц, скажи, положи руку на сердце: что с

---

<sup>135</sup> *Немецкий Михель* – появившееся в немецком словообращении еще в XVI в., после выхода сборника пословиц и поговорок Себастиана Франка (1499–1542), обозначение простого, необразованного человека. В XIX в. – излюбленный персонаж сатирических рисунков: простодушный, глуповатый бюргер, которого обычно изображали в панталонах и домашнем халате. Синоним ограниченно-немецкого провинциального обывателя; в политическом отношении – символ реакционности и шовинизма.

тобой там сделали?» – «Можешь успокоиться. Можешь мне поверить: если человек бодлив, то рога ему живо пообломают. Ну а у нас читали книги, учились стенографии, играли в шахматы, я тоже». – «Значит, в шахматы ты тоже научился?» – «В скат<sup>136</sup> мы с тобой еще поиграем, Готлиб. Так вот, сидишь это, сидишь, умишка-то для размышлений не хватает, потому что у нас, перевозчиков мебели, больше насчет мускулов да широкой кости, а все-таки в один прекрасный день возьмешь да и скажешь себе: черт подери, не якшайся ты с этими людьми, иди ты своим путем. Подальше от таких людей! Знал я одного коммуниста, так он толще, чем я, был, в девятнадцатом, дрался вместе с нами на баррикадах в Берлине<sup>137</sup>. Тогда его не заловили, так он после этого ума набрался, познакомился с одной вдовой и стал работать у нее в магазине. Пронырливый парнишка, понимаешь». – «А как же он к вам попал-то?» – «Да пытался повернуть какие-то

---

<sup>136</sup> *Скат* – карточная игра, распространенная в Германии.

<sup>137</sup> *Знал я одного коммуниста... в девятнадцатом, дрался вместе с нами на баррикадах в Берлине.* – Имеются в виду события начала 1919 г., так называемое Берлинское восстание (восстание «Союза Спартака»), когда после отречения Вильгельма II от престола рабочие и коммунисты под руководством Карла Либкнехта (1871–1919) и Вильгельма Пика (1876–1960) вступили в вооруженную борьбу с только что созданным германским правительством. Восстание было жестоко подавлено правительственными войсками, а Коммунистическая партия Германии попала под запрет. Дёблин был свидетелем этих революционных событий; во время уличных боев погибла его старшая сестра Мета. События Ноябрьской революции в Германии, начавшейся 19 ноября 1918 г. с Кильского восстания, легли в основу тетралогии Дёблина «Ноябрь 1918. Немецкая революция» (1937–1943).

свои делишки. Ну скажи сам, Готлиб, какое нашему брату дело до судов, до полиции, до политики? Мы там всегда стояли друг за дружку, и если кто пытался кляузничать, то его накрывали втемную. Но все-таки лучше не иметь дела с друзьями. Это – самоубийство. Пусть они себе как хотят. А ты оставайся порядочным и сам по себе. Вот мое правило».

«Вот как? – сказал Мекк, холодно взглянув на него. – Значит, по-твоему, остальные пусть убираются к черту? Ну и тряпка ты, ведь от этого мы все погибнем». – «Пусть убирается к черту кто хочет. Это не наше дело». – «Франц, ты старая, мокрая тряпка, и меня не переубедишь. И тебе еще придется поплатиться за это, Франц».

Франц Биберкопф гуляет по Инвалиденштрассе, с ним его новая подруга, полька Лина. На углу Шоссештрассе, в воротах, продаются газеты. Там стоят люди, болтают между собой.

«Внимание, здесь останавливаться не разрешается». – «Неужели нельзя уж и картинки посмотреть?» – «Если вам нужно, то купите. А проход зря не загораживайте». – «Болван!»

Из железнодорожного проспекта. Когда у нас на нашем холодном севере наступает неприятная погода, какая обычно бывает в период между сверкающими снегом зимними днями и первой весенней травкой, нас неудержимо влечет – этому влечению более тысячи лет! – на солнечный юг, по ту

сторону Альп, в Италию. Кто настолько счастлив, что может последовать этому влечению<sup>138</sup>. «Да вы напрасно расстраиваетесь. Вы только обратите внимание, как люди одичали: вот, например, какой-то субъект напал на одну барышню в вагоне городской железной дороги и избил ее до полусмерти из-за паршивых пятидесяти марок». – «За пятьдесят марок и я это сделал бы». – «Что?» – «А вы знаете, что такое пятьдесят марок? Нет, вы не знаете, что такое пятьдесят марок. Это – уйма денег для нашего брата, целая уйма, понимаете? То-то же! Вот когда вы будете знать, что такое пятьдесят марок, я буду с вами дальше разговаривать».

Фаталистская речь рейхсканцлера Маркса<sup>139</sup>: То, что должно свершиться, находится, согласно моим воззрениям, в руках Господа Бога, предначертавшего каждому народу его судьбу. Поэтому все дела людей остаются незавершенными. Мы можем лишь посильно и неустанно работать согласно на-

---

<sup>138</sup> *Когда у нас... наступает неприятная погода... нас... влечет... в Италию. Кто настолько счастлив, что может последовать этому влечению.* – Источник, откуда Дёблин вырезал этот рекламный текст, неизвестен. С середины XVIII в. Италия в немецкой культуре воспринималась как идиллический край, своего рода рай на земле. См. далее пародию на известную песнь Миньоны из романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» «Ты знаешь край лимонных рощ в цвету» (с. 168 наст. изд.).

<sup>139</sup> *Фаталистская речь рейхсканцлера Маркса...* – Далее Дёблин цитирует статью из нацистской газеты «Фёлькишер беобахтер», опубликованную 19 ноября 1927 г. и называвшуюся «„Папаша“ Маркс – канцлер немецкого Рейха „провидением божьим“», снабжая ее ироническим комментарием. Вильгельм Маркс (1863–1946) – немецкий политик центристского толка, четырежды избирался рейхсканцлером Германии (в 1923–1925 и 1927–1928 гг.).

шим убеждениям, и потому я буду верой и правдой служить своему делу на том посту, который ныне занимаю. Позвольте, господа, закончить мою речь наилучшими пожеланиями успеха в вашей трудной и требующей больших жертв работе на благо нашей прекрасной Баварии. Желаю вам счастья в ваших дальнейших стремлениях. Живи так, как ты бы того хотел, умирая, приятного аппетита<sup>140</sup>.

«Ну что, все прочитали, господин хороший?» – «В чем дело?» – «Может быть, придвинуть вам газетку поближе? У меня был тут как-то один господин, так я ему подал стул, чтоб было удобнее читать». – «А вы выставляете свои картинки только для того, чтобы они...» – «Это мое дело, для чего я выставляю свои картинки. Ведь не вы мое место оплачиваете. А таких любителей дармовщинки, которые норовят прочитать газету, не заплатив денег, мне тут совершенно не нужно; они только настоящих клиентов отпугивают».

Любитель дармовщинки отчаливает, пусть-ка он лучше сапоги себе почистит, спит, вероятно, в ночлежке на Фребельштрассе<sup>141</sup>, садится в трамвай. Не иначе как ездит по

---

<sup>140</sup> *Живи так, как ты бы того хотел, умирая, приятного аппетита.* – Берлинская поговорка, представляющая собой пародийное переложение второй строфы стихотворения немецкого писателя Кристиана Фюрхтерготта Геллерта (1715–1769) «О смерти», ставшего чрезвычайно популярным у немецких протестантов еще при жизни автора; ср. в дословном переводе: «Живи так, как ты бы того хотел, умирая».

<sup>141</sup> *...спит... в ночлежке на Фребельштрассе...* – По адресу: улица Фребельштрассе, 15, на северо-восточной окраине Берлина, располагался один из самых известных городских приютов для бездомных (см. также с. 423 наст. изд.). При-

поддельному или по использованному билету: такой-то все перепробует. А если его накроют, будет уверять, что потерял настоящий. Ох уж эта мне шантрапа, вот извольте – опять двое. Придется, видно, сделать решетку. Ну, пора завтракать.

Франц Биберкопф подошел, в котелке, под руку с пухленькой полькой Линой. «Лина, глаза направо, прямо в ворота. Погода не для безработных. Давай посмотрим картинки. Эх, хороши картинки, но только уж больно сквозит в воротах-то. Скажи-ка, коллега, как у тебя дела? Здесь можно на смерть замерзнуть». – «Да ведь здесь и не место греться». – «А тебе, Лина, хотелось бы стоять за такой штукой?» – «Пойдем, пойдем, этот тип так погано ухмыляется». – «Фрейлейн, я только хотел бы заметить, что многим бы понравилось, если б вы вот так стояли в воротах и торговали газетами, так сказать, из нежных дамских ручек».

Порыв ветра, газеты треплются под зажимами. «Ты бы, коллега, приделал хоть зонтик снаружи-то». – «Это чтобы никто ничего не видел?» – «Ну, тогда вставь стекло в раме». – «Да пойдем же, Франц». – «Подожди минуточку. Вот человек стоит тут часами, да не валится от ветра. Нельзя быть такой неженкой, Лина». – «Я не из-за того, а потому, что он так паршиво ухмыляется». – «Это у меня такое уж лицо, фрейлейн. Ничего не поделаешь». – «Слышишь, Лина,

---

ют был частью целого комплекса учреждений для бедных, в который входили также инфекционная больница и госпиталь.

он всегда ухмыляется, бедняга».

Франц сдвинул котелок на затылок, взглянул газетчику в лицо и расхохотался, не выпуская Лининой руки из своей. «Он тут ничего не может поделывать, Лина. Это у него от рождения. Знаешь, коллега, какое лицо ты делаешь, когда ухмыляешься? Нет, не так, как сейчас, а как давеча. Знаешь, Лина? Такое, как если бы он сосал материнскую грудь, а молоко-то вдруг возьми да скисни». – «Ко мне это не подходит. Меня вскормили на рожке». – «Все-то вы врете». – «Нет, ты скажи мне, коллега, сколько можно заработать на таком деле?» – «Вам „Роте фане“<sup>142</sup>? Благодарю вас. Дай пройти человеку, коллега. Посторонись, зашибут». – «А тут у тебя народу целая толпа, коллега».

Лина потащила его за собой. Они не спеша отправились по Шоссеитрассе<sup>143</sup> к Ораниенбургским воротам<sup>144</sup>. «Знаешь, это было бы дело для меня, – сказал Франц. – Я не так-то легко простужаюсь. Только вот это несчастное выжидание в воротах».

Два дня спустя потеплело; Франц продал свое пальто и носит теперь теплое нательное белье, которое каким-то об-

---

<sup>142</sup> «Роте фане» («Красное знамя») – официальный печатный орган Коммунистической партии Германии.

<sup>143</sup> Шоссеитрассе – большая улица в северной части Берлина, там располагались военные части.

<sup>144</sup> Ораниенбургские ворота. – Этими воротами заканчивается Шоссеитрассе.

разом завалилось у Лины, стоит на Розенталерплац перед Фабиш и К<sup>о</sup><sup>145</sup>, лучшее мужское платье, готовое и на заказ, аккуратная работа и умеренные цены – отличительные качества нашей продукции. Франц во весь голос нахваливает держатели для галстуков:

– Почему франты из шикарных кварталов носят галстуки-бабочки, а пролетарий не носит? Пожалуйте ближе, господа, еще ближе. Вы, барышня, тоже, вместе с вашим супругом; подросткам вход не возбраняется, плата с них не выше, чем со взрослых. Так почему же пролетарий не носит галстуков-бабочек? Да потому, что он не умеет их завязывать. Ему приходится покупать к ним держатель, а когда он его купил, держатель оказывается негодным, да и бабочку не завязать. Это – мошенничество, оно ожесточает народ и погружает Германию в еще большую нужду, чем та, в которой она уже находится. Почему, например, не носят широких держателей для галстуков? Потому что никому не охота прицеплять себе на шею мусорные лопаты. Этого не захочет ни мужчина, ни женщина, ни даже грудной ребенок, если б он умел ответить. И вовсе не надо над этим смеяться, господа, не смейтесь, потому что мы не знаем, что происходит в этом милом маленьком детском мозгу. Ах, боже мой, эта милая головка, такая маленькая головка с волоси-

---

<sup>145</sup> *Фабиш и К<sup>о</sup>*. – «Фабиш и К<sup>о</sup>», большой и известный в то время магазин мужской одежды, находился по адресу Розенталерштрассе, 1. См. также с. 304 наст. изд.

ками, не правда ли, прелесть, но платить алименты. И опять же нечего смеяться, алименты хоть кого изведут. Так вот, купите себе такой галстук у Тица или Вертгейма, или если не хотите покупать у евреев, то в каком-нибудь другом месте. Вот я, например, ариец, – он приподымает котелок, – русые волосы, красные оттопыренные уши, веселые бычьи глаза<sup>146</sup>. Большие универмаги не нуждаются, чтоб я рекламировал их, они и без меня проживут. А вы купите себе такой галстук, как вот тут у меня, а потом мы с вами сообразим, как вы его будете по утрам завязывать.

Господа, у кого в настоящий момент есть время завязывать себе по утрам галстук и кто не захочет лучше поспать еще лишнюю минуточку? Всем нам нужно побольше сна, потому что мы должны много работать и мало зарабатывать. Такой вот держатель для галстука способствует вашему сну. Он успешно конкурирует с аптеками, потому что кто купит такой держатель для галстука, как у меня в руке, тому не нужно ни сонных порошков, ни выпивки на ночь, и ничего подобного. Он спит без убаюкивания, как младенец у материнской груди, потому что знает: завтра не надо торопиться, все, что ему требуется, лежит в готовом виде на комодке, и остается только сунуть его в воротничок. Вот вы тратите деньги на всякую дрянь. Например, в прошлом году вы

---

<sup>146</sup> ...веселые бычьи глаза. – Дёблин впервые проводит параллель между ФБ и скотом, забой которого будет описан в книге четвертой.

видели этих жуликов в Крокодиле<sup>147</sup>, впереди можно было получить горячие сосиски, а сзади лежал в стеклянном гробу Жолли<sup>148</sup>, небритый, как будто вокруг рта у него выросла кислая капуста. Это каждый из вас видел, – подойдите поближе, чтоб мне так не напрягать голос, он у меня ведь не застрахован, я не внес еще первого взноса! – так вот, как Жолли лежал в стеклянном гробу, это вы все, небось, видели. А как ему потихоньку совали туда шоколад – это вы не видели. Здесь у меня вы получите добротный товар, это не целлулоид, а вальцованная резина, штука – двадцать пфеннигов, три штуки – пятьдесят.

Сойдите с мостовой, молодой человек, а то еще раздавит автомобиль, и кому ж тогда после вас мокренькое подтирать. Я вам сейчас объясню, как завязывать галстук. Ведь не придется же вбивать вам это в голову кувалдой<sup>149</sup>. Вы сами сразу

---

<sup>147</sup> *Крокодил* – кафе в Берлине, название которого, как и в ряде других случаев, Дёблин дает без кавычек.

<sup>148</sup> ...сзади лежал в стеклянном гробу Жолли... – Жолли – известный в то время голодарь, то есть циркач, подолгу голодавший на публике. Представление Жолли – он голодал в течение 44 дней, лежа в стеклянном гробу, – вызвало в 1928 г. сенсацию в Берлине. За полтора месяца на него пришло посмотреть 350 тыс. человек, а на продаже билетов Жолли заработал 130 тыс. марок. После окончания голодания артист был уличен в мошенничестве, его обвинили в обмане зрителей. В «Берлинер цайтунг» за 15 октября 1928 г. была опубликована заметка под названием «Жолли предстал перед судом».

<sup>149</sup> *Ведь не придется же вбивать вам это в голову кувалдой.* – Ср. с мотивом молота, обрушивающегося на голову жертвы в книге четвертой и далее (см. с. 147, 229, 323 наст. изд.).

поймете. Ну вот: с одной стороны вы забираете от тридцати до тридцати пяти сантиметров, а потом складываете галстук, но только не таким манером. Это выглядело бы, будто к стене прилип раздавленный клоп, вроде как обойный клещ, элегантный человек таких галстуков не носит. Затем вы берете мой аппарат. Надо экономить время. Время – деньги. Романтика сошла на нет и никогда не вернется, с этим мы все должны теперь считаться. Не можете же вы каждый день медленно обматывать вокруг шеи эдакую кишку, вам нужна готовая элегантная вещь. Взгляните сюда, это ваш подарок себе на Рождество, это в вашем вкусе, это для вашего же блага. И если по плану Дауэса<sup>150</sup> вам еще что-нибудь оставлено, то это – ваша голова под котелком, и она должна сказать вам, что эта вещь для вас подходяща, что вы ее покупаете и несете домой и что она утешит вас в ваших горестях.

Господа, мы нуждаемся в утешении, все, сколько нас тут есть, и если мы глупы, то ищем его в кабаке. Но кто благоразумен, тот таких глупостей не делает, хотя бы уже ради собственного кармана, потому что трактирщики отпускают нынче такую скверную водку, что чертям тошно, а хо-

---

<sup>150</sup> ...по плану Дауэса... – Чарльз Гейтс Дауэс (Доус) (1865–1951) – американский банкир и политик, лауреат Нобелевской премии мира (в 1925 г.), вице-президент США от республиканской партии в 1925–1929 гг., затем – посол США в Великобритании (1929–1932). После Первой мировой войны комиссия под его руководством разработала репарационный план для Германии, утвержденный 16 августа 1924 г. на Лондонской конференции, суть которого состояла в предоставлении Америкой займов и кредитов (2,5 млрд золотых марок ежегодно) для восстановления промышленности Германии.

рошая очень дорога. Поэтому возьмите этот аппарат, пропустите вот здесь узкую тесьму, хотя можете взять и пошире, какую носят педерасты на башмаках, когда выходят марьяжить. Вот здесь вы ее пропускаете, а потом беретесь за этот конец. Настоящий германец покупает только доброкачественный товар, а этот здесь – самого первого сорта.

# Лина задает ходу гомосексуалистам

Но это Франца Биберкопфа не удовлетворяет. Он запускает глазенапы во все стороны. Наблюдает вместе с добродушной распустехой Линой за уличной жизнью между Алексом и Розенталерплац и решает торговать газетами. Почему? Да потому, что ему нахвалили это дело и Лина может ему помогать. Как раз подходящее занятие для него. Раз сюда, раз туда, раз кругом, в том нет труда<sup>151</sup>.

«Лина, я не умею говорить, я не народный оратор. Когда я выкрикиваю товар, меня понимают, но это не то, что надо. Ты знаешь, что такое ум?» – «Нет», – отвечает Лина и глупо тарашит на него глаза. «Ну так вот, взгляни на этих молодчиков на Алексе или здесь, у них ни у кого нет ума. Вот и те, у кого ларьки или которые ездят с тележками, тоже не то. Они хитрые, продувные ребята, отчаянные, мне ли не знать. Но представь себе такого оратора в рейхстаге, Бисмарка или Бебеля<sup>152</sup>, – теперешние-то ничего не стоят, вот у тех ум, да. Ум

---

<sup>151</sup> *Раз сюда, раз туда, раз кругом, в том нет труда.* – Слова припева одной из песенок из оперы Э. Хампердинка «Гензель и Гретель».

<sup>152</sup> *Но представь себе такого оратора в рейхстаге, Бисмарка или Бебеля...* – ФБ приводит в пример двух немецких политических деятелей, прославившихся своим красноречием. Князь Отто фон Шёнхаузен Бисмарк (1815–1898), министр-президент Пруссии и первый рейсканцлер Германской империи, осуществивший объединение Германии, был одним из самых выдающихся ораторов своей эпохи. Август Бебель (1840–1913) – основатель и один из руководителей

– это голова, а не просто башка. А эти, которые с размягченными мозгами, хорошего слова от меня не дождутся. Оратор так оратор». – «Да ведь ты же и сам, Франц, оратор». – «Да уж мне ли не знать. Какой же я оратор? А знаешь, кто был оратором? Вот не поверишь: твоя хозяйка». – «Швенкша?» – «Нет, зачем. Прежня, от которой я твои вещи принес, на Карлштрассе»<sup>153</sup>. – «Ах, та, что возле цирка. Про ту ты мне не напоминай».

Франц таинственно наклоняется вперед: «Это, Лина, была ораторша – что надо». – «Вот уж нет. Пришла, понимаешь, ко мне в комнату, когда я еще лежала в постели, и тащит у меня мой чемодан – из-за того, что я ей за один месяц не заплатила». – «Хорошо, Лина, я согласен, это было некрасиво с ее стороны. Но когда я пришел к ней и спросил, как было дело с чемоданом, она к-а-ак пошла чесать». – «Знаю, знаю я ее чепуху. Мне даже слышать не надо было. А ты уж и уши развесил, Франц». – «Ка-ак пошла она, говорю, чесать! Про параграфы гражданского кодекса да про то, как она добилась пенсии после своего старика, хотя этот ирод умер от апоплексического удара, что не имеет ничего общего с вой-

---

социал-демократической партии Германии и Второго интернационала, много раз избирался в рейхстаг, где прославился своими блистательными речами в защиту прав женщин и против прусского милитаризма. В молодости Дёблин был поклонником Бебеля. В первом произведении Дёблина, написанном им еще в гимназические годы, – рассказе «Модерн. Картина из нашего времени» (1896) – чувствуется явное влияние идей Бебеля.

<sup>153</sup> *Карлштрассе* – улица на северо-востоке Берлина, недалеко от центра.

ной. Потому что с каких же это пор апоплексический удар имеет что-нибудь общее с войной! Это она и сама говорит. И все же добилась, настояла на своем. Вот у нее есть ум, толстуха ты моя. Что захочет, то и сделает. Это тебе побольше, чем заработать пару грошей. Тут можно себя показать, что ты за человек. Тут можно развернуться. Знаешь, я все еще не очухался». – «А что, ты все еще к ней ходишь?» Франц замахал обеими руками: «Лина, сходи-ка ты разок сама. А то хочешь взять чемодан, придешь ровно в одиннадцать, потому что в двенадцать есть еще другое дело, а в три четверти первого все еще торчишь у нее. Она говорит, говорит, а чемодана так и не дает, и в конце концов уходишь без него».

Он задумывается, разводя пальцем узоры в лужице пролитого пива: «Знаешь, я наведуось куда следует и начну торговать газетами. Это хорошее дело».

Она не находит ответа, она слегка обижена. Франц делает, что задумал. В одно прекрасное утро он стоит на Розенталерплац, она приносит ему бутерброды; в двенадцать часов он шабашит, поспешно сует ей в руки свой короб и отправляется узнать, не выйдет ли у него чего-нибудь по газетной части.

И вот, сначала какой-то седовласый мужчина возле Гакеского рынка<sup>154</sup> на Ораниенбургерштрассе рекомендует ему заняться сексуальным просвещением. Оно, говорит, произво-

---

<sup>154</sup> Гакеский рынок – рыночная площадь недалеко от Александрплац.

дится теперь в широком масштабе, и дело идет довольно хорошо. «А что это такое – сексуальное просвещение?» – спрашивает Франц, и что-то ему не очень хочется. Седовласый показывает на свою вывеску: «Вот, взгляни, тогда не будешь спрашивать». – «Так это ж голые девочки нарисованы». – «Других у меня нет». Молча дымят друг подле друга папиросами. Франц стоит, пялит на картинку глаза, пускает дым в сторону, седовласый смотрит мимо, как будто никого и нет. Наконец Франц переводит взор на него: «Скажи-ка, приятель, неужели это доставляет тебе удовольствие, вот эти девочки и вообще такие картинки? Смеющаяся жизнь<sup>155</sup>. Нарисовали голую девочку с кошечкой. А что ей делать с кошечкой на лестнице? Подозрительная штука. Я тебе не мешаю?» А тот покорно вздыхает на своем складном стуле и сокрушается: ведь есть же на свете такие ослы, этакие долговязые, что твой верблюд, бегают средь бела дня по Гакескому рынку, да еще останавливаются перед людьми, которым не везет, и городят чепуху. И так как седовласый не ответил, Франц снял со щитка несколько журнальчиков: «Можно? Как это называется? Фигаро?<sup>156</sup> А это? Брак?<sup>157</sup> А это Иде-

---

<sup>155</sup> *Смеющаяся жизнь*. – Имеется в виду журнал «Смеющаяся жизнь», выходящий в те годы в Берлине; издание пропагандировало нудизм и «телесную культуру».

<sup>156</sup> *Фигаро*. – «Фигаро. Журнал духовной и телесной культуры». Официальный печатный орган Союза пелагианцев, общества народного просвещения посредством ухода за телом и гигиеничной сексуальной жизни, был основан в 1924 г. и выходил два раза в месяц. Не путать с французским изданием «Le Figaro».

альный брак?<sup>158</sup> Это, значит, не то, что просто брак? Женская любовь<sup>159</sup>. И все это можно иметь в отдельности. Тут можно получить массу полезных сведений. Конечно, если есть достаточно денег, потому что все это здорово дорого. И наверно, не без какой-нибудь заковыки». – «Позвольте, какая тут может быть заковыка? Тут все дозволено. Ничего нет запрещенного. На все, что я продаю, есть разрешение, и никакой заковыки. Такими вещами я не занимаюсь». – «Могу тебя заверить и всегда скажу, что смотреть такие картинки – не очень-то годится. Об этом я бы мог тебе кой-что порассказать. Это портит человека, да, да, портит. Начинается с разглядывания картинок, а потом когда доходит до дела, то стоит человек чурбан чурбаном и ничего у него больше естественным путем не выходит». – «Не понимаю, о чем ты говоришь. И пожалуйста, не брызжи слюной на мои журнальчики, потому что они денег стоят, и не трепли обложки. Вот, прочитай-ка: Не состоящие в браке<sup>160</sup>. Все у меня есть, даже особый журнальчик для них». – «Не состоящие в браке, а

---

<sup>157</sup> *Брак*. – Имеется в виду «Ежемесячный журнал о браке, науке, праве и культуре», издававшийся в Берлине с 1926 по 1933 г.

<sup>158</sup> *Идеальный брак*. – Речь идет об издании «Идеальный брак. Ежемесячный журнал о телесном и духовном воспитании в браке», вышедшем в Берлине с 1927 по 1928 г.

<sup>159</sup> *Женская любовь*. – «Женская любовь. Еженедельник о дружбе и сексуальном просвещении». Выходил с 1926 по 1933 г.

<sup>160</sup> *Не состоящие в браке*. – Полное название этого «еженедельника новой сексуальной этики» – «Не состоящие в браке и женатые». Журнал выходил всего два года – с 1926 по 1928 г.

неужели же нет таких? Да вот и я сам не женат на польке Лине». – «То-то же. А вот погляди, что тут написано, верно ли оно, к примеру: Попытка регулировать путем договора половую жизнь обоих супругов и декретировать соответствующие супружеские обязанности, как то предписывает закон, означает отвратительнейшее и недостойнейшее рабство, какое только можно себе представить<sup>161</sup>. Ну, что скажешь?» – «Как – что?» – «Да правильно ли это или нет?» – «Со мной такого не бывает. Женщина, которая потребовала бы такую вещь. Нет, неужели ж это возможно? Неужто такое случается?» – «Можешь сам прочесть». – «Это уж слишком того. Попадись мне такая, я бы».

Франц в смущении перечитывает фразу, а затем подсказывает и показывает седовласому одно место: «Ну, вот это: Я приведу пример из романа д'Аннунцио, *Сладострастие*<sup>162</sup>,

---

<sup>161</sup> *Попытка регулировать путем договора половую жизнь ~ можно себе представить.* – Дёблин цитирует статью автора Карлхайнца Тидта «Плен или свобода любви в браке?» из седьмого номера журнала «Не состоящие в браке и женатые» за 1927 г. Тидт в своей статье разбирал роман д'Аннунцио (о романе см. примеч. 72).

<sup>162</sup> *Я приведу пример из романа д'Аннунцио, Сладострастие...* – «Сладострастие», или «Наслаждение» («Il piacere», 1889; в немецком переводе «Lust»), – скандальный роман итальянского писателя и политика Габриеле д'Аннунцио (1863–1938). Одно из первых произведений писателя, роман принес своему автору всемирную славу. Символистские стихи, романы и пьесы д'Аннунцио пользовались в Европе того времени исключительной популярностью. Считалось, что писатель снискал себе всемирный успех исключительно тем, что, по выражению Макса Нордау, приукрашивал сластолюбие и проповедовал «подчинение разума всем капризам чувственности» (Нордау 1995: 354). Дёблин пересказывает содер-

обрати внимание, эту архисвинью зовут д'Аннунцио; это испанец, или итальянец, или американец. Тут все помыслы мужчины настолько проникнуты далекой возлюбленной, что в ночь любви с женщиной, которая служит ему заменой для той, у него против воли вырывается имя настоящей возлюбленной. Черт знает что такое! Нет, приятель дорогой, от такой игры я отказываюсь». – «Во-первых, где это написано? Покажи-ка». – «А вот: служит заменой. Это вроде того, как каучук вместо резины. Брюква вместо настоящей еды. Ты когда-нибудь слышал, чтоб женщина или девушка служили заменой? Мужчина берет себе другую, потому что его постоянной у него нет под рукой, а новая это замечает, и дело с концом, и уже женщина и пикнуть не смей? И такую чушь он, испанец, дает печатать? Да будь я на месте наборщика, я бы не стал набирать». – «Ну, ну, ври, да знай меру, добрый человек. Не воображай, что ты со своим умишком, к тому же еще здесь, в суতোлке на Гакеском рынке, можешь понять, что хотел сказать настоящий писатель, да еще испанец или итальянец».

Франц читает дальше: «Великая пустота и молчание наполнили после этого ее душу<sup>163</sup>. Это ж прямо курам на смех! Пусть-ка мне это кто-нибудь растолкует, кто бы то ни был. С каких это пор – пустота и молчание? В этом я кое-что смыс-

---

вание предпоследней главы последней книги романа.

<sup>163</sup> *Великая пустота и молчание наполнили после этого ее душу.* – Еще одна, немного измененная, цитата из статьи Тидта (см. примеч. 71), который, в свою очередь, цитирует роман д'Аннунцио (см. примеч. 72).

лю, не хуже его, а женщины в его стране тоже, поди, не из другого теста, чем у нас. Вот у меня была одна, так та заподозрила раз что-то неладное – нашла у меня один адрес в записной книжке, так что ж ты думаешь: она заметила и смолчала? Плохо ты знаешь женщин, дорогой мой, если ты так думаешь. Вот бы ты ее послушал. По всему дому стон и гул стоял – до чего она орала. А я никак не мог ей даже объяснить, в чем дело. Она голосит себе да голосит, словно ее режут. Сбежались люди. Уж я рад был, когда оттуда выбрался». – «Послушай, любезный, а ты двух вещей совсем как будто и не замечаешь». – «А именно?» – «Когда у меня берут журнал или газету, мне за нее платят деньги. А если там написана чепуха, то это не беда, потому что читателя, в сущности, интересуют картинки». Левый глаз Франца Биберкопфа отнесся к этому объяснению весьма неодобрительно. «Женская любовь и Дружба<sup>164</sup>, – продолжал седовласый, – эти не пустословят, а ведут борьбу. Да, за права человека». – «Чего же им не хватает?» – «Параграф 175<sup>165</sup> зна-

---

<sup>164</sup> *Дружба* – «Еженедельник просвещения и духовной поддержки идеальной дружбы», выходивший в Берлине с 1919 по 1933 г.

<sup>165</sup> *Параграф 175*. – Печально знаменитый § 175 Уголовного кодекса Пруссии квалифицировал гомосексуализм как уголовное преступление и гласил: «Противоестественные развратные действия, в которые вступают два лица мужского пола, наказываются тюремным заключением». Ведущим борцом за либерализацию прав гомосексуалистов в кайзеровской Германии, а затем и в Веймарской республике был М. Гиршфельд (см. примеч. 69 к книге первой), неоднократно направлявший прусскому правительству петиции против § 175. Прошения Гиршфельда поддерживали многие деятели культуры и искусства, в том числе Л. Н. Толстой

ешь или нет?» Оказалось, что как раз в этот день состоит-

---

и Э. Золя. Дёблин также неоднократно публично высказывался против этой статьи Уголовного кодекса. Так, в 1929 г. Дёблин вместе с другими деятелями культуры и литературы Веймарской республики выступил за легализацию мужской проституции (см.: «Unzucht zwischen Männern?». Ein Beitrag zu Strafgesetzsreform unter Mitwirkung von Magnus Hirschfeld, Gotthold Lehnerdt, Peter Martin Lampel / hrsg. von Richard Linsert. Berlin, 1929). Гомосексуальная тематика явно или имплицитно присутствует почти во всех произведениях Дёблина начиная с его первых романов «Черный занавес» и «Три прыжка Ван Луня». Причину интереса Дёблина к этой теме биографы писателя обычно видят в неоднозначных отношениях самого Дёблина с отцом: в 1888 г., когда писателю было 10 лет, его отец, Макс Дёблин, влюбился в швею Генриетту Цандер, двадцатью годами моложе его, и бежал с ней в Америку. С этого времени будущий писатель находился под влиянием своей властной матери. Большинство героев-протагонистов мужского пола в произведениях Дёблина находятся в сложных амбивалентных отношениях любви/ненависти. В БА так связаны ФБ и Рейнхольд, Мици и Ева. В романе гомосексуальная тема вводится не только рассуждениями об отмене § 175, но также обширной цитатой из бульварного романа о лесбийской любви (см. с. 76 наст. изд.; примеч. 86) и историей о «лысом господине» (см. с. 74 наст. изд.). Интересно, что в газетной публикации, предварявшей выход романа, Рейнхольд зарабатывает деньги гомосексуальной проституцией (что, впрочем, можно рассматривать как еще один знак, указывающий на «нечистое» происхождение этого героя; см. примеч. 52 к книге пятой). В 1924 г. Дёблин написал подробный документальный репортаж «Подруги-отравительницы» о всколыхнувшем в 1923 г. Берлин уголовном деле – убийстве двумя любовницами, Эллой Линк и Гретой Бенде, мужа одной из них (см.: Дёблин 2006). Один из первых исследователей творчества Дёблина Роберт Миндер увязывал гомосексуализм в БА с предчувствием фашизма: Из «Александрплац» можно сделать один ясный социологический вывод: о сексуальных основах власти. Этот роман не в меньшей степени, чем другие произведения Дёблина, – гомосексуальная книга в традиционном понимании этого слова. Ведь большинство книг Дёблина, за редким исключением, – книги без женщин. В центре произведений Дёблина почти всегда – бессознательная, ожесточенная и яростная любовная связь двух партнеров-мужчин. Связь, которая, однако, находится на ином уровне, которая есть нечто большее, чем просто

ся доклад в Александрпаласе на Ландсбергерштрассе<sup>166</sup>, где Франц мог бы кое-что услышать о несправедливостях, которым ежедневно подвергаются в Германии сотни тысяч людей и от которых у него волосы встали бы дыбом. Седовласый сунул ему под мышку пачку залежавшихся журналов, Франц вздохнул, взглянул на эту пачку и обещал зайти еще раз. Собственно, – думает он, – что мне тут делать? Стоит ли заходить еще раз? Будет ли прок от таких журналов? Надал мне человек этакую кучу, и изволь-ка тащить ее домой и читать. Ишь ведь, гомосексуалисты, он мне про них журналов только и надал. Конечно, жаль парнишек, но, в сущности, какое мне до них дело?

Вернулся он восвояси в большом смущении; дело казалось ему настолько нечистым, что он ни слова не сказал о нем Лине, а вечером улизнул от нее тайком. Седовласый газетчик втиснул его в маленький зал, где сидели почти исключительно одни мужчины, большей частью очень молодые, и несколько женщин, но также парочками. Франц целый час не промолвил ни слова, но то и дело прыскал со смеху в шляпу.

---

сексуальные отношения; связь, целиком предопределяющая поведение персонажей и имеющая своей скрытой причиной преувеличение отцовского авторитета, которое сторонние наблюдатели могли заметить в Германии и в немецком образе жизни на рубеже XIX–XX вв. ⟨...⟩. В этой же ситуации кроются и гомосексуальные корни нацизма (*Minder R. Alfred Döblin zwischen Osten und Westen // Minder 1966: 174*).

<sup>166</sup> ...состоится доклад в Александрпаласе на Ландсбергерштрассе... – Зал «Александрпалас», где собирались гомосексуалисты и лесбиянки, находился на Ландсбергерштрассе, 39, в непосредственной близости от Александрплац.

После десяти часов он не мог больше выдержать; его подмывало уйти, дело и людишки были чересчур смешные, так много этой братвы гомосексуалистов в одном месте, и он тут же, – Франц пулей вылетел вон, смеялся до самого Алекса. Последнее, что он слышал, был доклад о положении в Хемнице, где, согласно административному распоряжению от 27 ноября, гомосексуалистам запрещается выходить на улицу<sup>167</sup> и пользоваться общественными уборными, если их застигнут на месте преступления, то с них штраф тридцать марок. Франц стал искать Лину, но та куда-то ушла со своей хозяйкой. Тогда он завалился спать. Во сне он много смеялся и ругался и дрался с каким-то идиотом шофером, который без конца кружил его вокруг фонтана Роланда на Зигесаллее<sup>168</sup>. Постовой шупо уже гнался за машиной. Тогда Франц в конце концов выскочил из автомобиля, и машина бешено завертелась и закружилась вокруг фонтана. Это продолжалось без конца, не переставая, а Франц все стоял с шупо и обсуждал

---

<sup>167</sup> ...доклад о положении в Хемнице, где, согласно административному распоряжению... гомосексуалистам запрещается выходить на улицу... – Административное распоряжение, упоминаемое Дёблином, не было найдено комментаторами романа в городском архиве Хемница, но кажется вполне правдоподобным для тех лет. Хемниц – город на востоке Германии.

<sup>168</sup> ...без конца кружил его вокруг фонтана Роланда на Зигесаллее. – Вдоль большой Зигесаллее (аллее Победы) в парке Тиргартен были установлены мраморные бюсты членов княжеского рода Гогенцоллернов и памятники видным политическим деятелям Пруссии. Аллеи Тиргартена и по сей день – одно из известных мест встречи берлинских гомосексуалистов. См. также далее историю о «лысом господине» (с. 74 наст. изд.).

с ним, что делать с шофером, который, видно, сошел с ума.

На следующий день, в обеденное время, Франц, как всегда, поджидает Лину в кабачке. При нем – полученная от седовласого пачка журналов. Он жаждет рассказать Лине, сколько приходится страдать таким людям, про Хемниц и про параграф с 30 марками штрафа, хотя это его совершенно не касается, и пусть они себе как хотят, а то, пожалуй, еще и Мекк придет и заставит его что-нибудь сделать для ското-промышленников. Ну нет, извините, оставьте Франца в покое, плевать он на них хотел.

Лина сразу замечает, что он плохо спал. Потом он робко подсовывает ей журналчики, иллюстрациями наружу. Лина с перепугу закрывает рот рукой. Тогда Франц снова заводит речь об уме. Ищет вчерашнюю лужицу пива на столике, но лужицы нет. Лина отодвигается от него подальше: уж не произошло ли с ним что-нибудь в таком роде, как пишут вот здесь в журналах. Она ничего не понимает – ведь до сих пор он не был таким. Он что-то мямлит и рисует сухим пальцем узоры на белой доске, тогда Лина берет всю эту пачку со стола, швыряет ее на скамейку и встает, как разъяренная менада<sup>169</sup>, они смотрят в упор друг на друга, он – снизу вверх, как ребенок, и она отчаливает. А он остается сидеть со своими

---

<sup>169</sup> *Менада*. – Менады – в греческой мифологии спутницы Диониса, бога вина и растений. Полуобнаженные менады, со спутанными волосами, украшенные виноградными листьями и плющом, подпоясанные змеями, сокрушают все на своем пути, в экстазе рвут на части диких животных и пьют их кровь. Здесь: разъяренная женщина (см. также конец книги второй, с. 100 и след. наст. изд.).

журналами и может на досуге размышлять о гомосексуалистах.

Однажды вечером некий лысый господин выходит прогуляться, встречает в Тиргартене красивого мальчика, который сразу берет его под руку, гуляют они этак с часок, и вдруг лысый господин испытывает желание, о, влечение, о, страстную потребность вот сейчас же горячо, бурно приласкать этого мальчика. Лысый господин это уже не раз замечал за собой, он женат, но в данную минуту все – трын-трава, отлично. «Ты – мое солнышко, ты – мое золотко»<sup>170</sup>.

А мальчик такой покладистый. Бывают же такие на свете! «Пойдем, – говорит, – в какую-нибудь маленькую гостиницу. И ты подаришь мне марок пять или десять, а то я совсем прогорел». – «Все, что твоей душе угодно, солнышко мое». И дарит ему весь бумажник. Бывают же такие на свете! Вот это-то самая прелесть и есть.

Но в номере проделан в двери глазок. Хозяин что-то увидел и позвал хозяйку, та тоже что-то увидела. И вот они заявляют, что не потерпят у себя в гостинице что-либо подобное, что они видели то-то и то-то, и лысый господин не может это оспаривать. И что они этого дела так не оставят, а ему должно быть даже довольно стыдно совращать подростков, и что они подадут на него куда следует. Появляются еще

---

<sup>170</sup> «Ты – мое солнышко, ты – мое золотко». – Предположительно, Дёблин цитирует слова одного из многочисленных шлягеров 1920-х годов.

откуда-то и портье и горничная, скалят зубы. На следующий день лысый господин покупает две бутылки коньяка марки Асбах<sup>171</sup>, высшего качества, самого выдержанного, едет будто бы по делам, а сам собирается на Гельголанд<sup>172</sup>, чтобы там в пьяном виде утопиться. Он в самом деле едет на пароходе и напивается пьяным, но через двое суток возвращается к своей старухе, где ничего как будто не произошло.

Да и вообще как будто ничего не происходит целый месяц и даже целый год. Впрочем, нет – происходит – вот что: лысый господин наследует после одного своего американского дядюшки 3000 долларов и может теперь себе кое-что позволить. И вот в один прекрасный день, когда он уехал на курорт, его старухе приходится расписаться за него на повестке в суд. Она ее вскрывает, и там все прописано: и про глазок в двери, и про бумажник, и про милого мальчика. И когда лысый господин возвращается после поправки с курорта, все вокруг него плачут-разливаются: старуха да две взрослые дочери. Ну, он читает повестку, это ж не может быть, это ж бюрократизм, который повелся еще от Карла Великого<sup>173</sup>, а

---

<sup>171</sup> ... две бутылки коньяка марки Асбах... – То есть знаменитого дорогого немецкого коньяка (Weinbrand), который и по сей день изготавливают в городе Рюдельсхейм.

<sup>172</sup> Гельголанд – набережная на противоположном Тиргартену берегу Шпрее, напротив замка Бельвию.

<sup>173</sup> ...бюрократизм, который повелся еще от Карла Великого... – Во время правления Карла Великого (747–814), основателя Священной Римской империи германской нации, были созданы первые государственные административ-

теперь добрался и до него. Что ж, все правильно, ничего не скажешь. И вот на суде: «Господин судья, что я такое содеял? Я же не оскорбил общественной нравственности. Я ведь снял номер в гостинице и заперся там. Чем же я виноват, что в двери был проделан глазок? А чего-либо уголовно наказуемого я не совершал». Мальчик это подтверждает. «Так в чем же моя вина? – плачет лысый господин в шубе. – Разве я украл? Или совершил взлом? Я только похитил сердце дорогого мне человека. Я сказал ему: Ты мое солнышко. И так оно и было».

Его оправдали. Домашним от этого не легче.

Дансинг-палас «Волшебная флейта»<sup>174</sup> с американским дансингом в нижнем этаже. Казино в восточном стиле сдается для закрытых празднеств. Что мне подарить моей подруге на Рождество? Трансвеститы, после многолетних опытов мне удалось наконец найти радикальное средство от прорастания бороды и усов. Волосы могут быть уничтожены на любой части тела. Одновременно я открыл способ добиться в кратчайший срок развития настоящей женской груди. Никаких медикаментов, абсолютно верное, безвредное средство. Доказательство: я сам. Свобода любви на всем фронте...<sup>175</sup>

---

ные учреждения.

<sup>174</sup> *Дансинг-палас «Волшебная флейта»...* – В Берлине того времени не было дансинг-паласа с таким названием.

<sup>175</sup> *Трансвеститы ~ Свобода любви на всем фронте...* – Текст рекламного объявления, вклеенный в рукопись; источник неизвестен.

Ясное звездное небо глядело на темные жилища людей<sup>176</sup>. Замок Керкауен покоился в глубоком сне. И только одна белокурая женщина тщетно зарывалась головой в подушки, не находя забвения. Завтра, да, завтра собиралось покинуть ее существо, которое было ей дороже всех на свете. В темной, непроглядной, беспросветной ночи слышался (проносился) шепот: «Гиза, останься со мной, останься со мной (не уходи, не уезжай, не упади, пожалуйста, присядьте). Не покидай меня». Но у безотрадной тишины не было ни ушей, ни сердца (ни ног, ни носа). А невдалеке, отделенная лишь несколькими стенами, лежала бледная, стройная женщина с широко раскрытыми глазами. Ее черные густые волосы в беспорядке разметались по шелковому ложу (замок Керкауен славится своими шелковыми постелями). Она тряслась, как в ознобе. Зубы стучали, как от сильного холода, точка. Но она не шевелилась, запятая, не натягивала на себя плотнее одеяло, точка. Неподвижно лежали на нем ее гибкие, окоченевшие руки (похолодевшие, как в ознобе, стройная женщина с широко раскрытыми глазами, знаменитые шелковые постели), точка. Ее блестящие глаза лихорадочно блуждали в темноте,

---

<sup>176</sup> *Ясное звездное небо глядело на темные жилища людей.* – Дёблин цитирует отрывок из романа с продолжением «Осознание» писательницы З. Эглер, активистки лесбийской субкультуры и основательницы женского клуба «Эррато» – одного из многих подобных учреждений в Веймарской республике. Дёблин вырезал два фрагмента романа из № 47 журнала «Женская любовь» (см. примеч. 69) за ноябрь 1927 г. и вклеил в рукопись БА. Саркастические замечания и комментарии в скобках принадлежат Дёблину.

и губы ее трепетали: двоеточие, кавычки, Лора, тире, тире, Лора, тире, кавычки, малюсенькие гусиные ножки<sup>177</sup>, гусиные лапки, гусяная печенка с луком.

«Нет, нет, я с тобой больше не гуляю, Франц. У меня тебе полная отставка. Можешь выметаться». – «Брось, Лина. Я ж отдам ему его пакость обратно». А когда Франц снял шляпу, положил ее на комод – дело происходило в Лининой комнатке – и довольно убедительно облапил свою подругу, она сперва оцарапала ему руку, потом расплакалась и, наконец, отправилась с ним вместе. Каждый из них взял себе по полпачки вышеупомянутых журнальчиков и двинулся на боевой участок<sup>178</sup> по линии Розенталерштрассе, Нойе-Шенгаузерштрассе, Гакеский рынок.

В районе боевых действий Лина, эта миленькая, маленькая, неумытая и заплаканная толстушка, предприняла самостоятельную диверсию а-ля принц Гомбургский<sup>179</sup>: Мой бла-

---

<sup>177</sup> ...малюсенькие гусиные ножки... – По-немецки кавычки называются «Gänsefüßchen», «гусиные лапки».

<sup>178</sup> ...двинулся на боевой участок... – Немаловажная деталь: город впервые открыто уподобляется в романе полю боя (в оригинале Дёблин употребляет слово «Kampffront» – военный фронт). Таким образом, жизнь в большом городе – вполне в духе времени (см.: Слотердайт 2001: 424–561) сравнивается с войной (см. воспоминания ФБ о событиях на фронте). Аналогия между жизнью в большом городе и войной будет становиться к концу романа все более очевидной.

<sup>179</sup> ...Лина... предприняла самостоятельную диверсию а-ля принц Гомбургский... – С помощью принца Фридриха-Артура Гомбургского (1633–1703) прусский курфюрст Фридрих Вильгельм Гомбургский (1620–1688) смог одержать по-

городный дядюшка Фридрих Маркский! Наталья! Оставь, оставь! О Боже милостивый, ведь он теперь погиб, но все равно, все равно<sup>180</sup>. Она во весь опор прямехонько ринулась на киоск седовласого. Тогда Франц Биберкопф, благородный страдалец, сдержал свой пыл и остался в резерве. Он стоял на фоне табачного магазина Шрёдера<sup>181</sup>, импорт и экспорт, наблюдая оттуда исход завязавшихся боевых действий, причем ему лишь слегка мешали туман, трамваи и

---

беду над шведами в битве при Фербеллине (1675). В 1810 г. немецкий писатель Генрих фон Клейст (1777–1811) посвятил принцу Гомбургскому одноименную пьесу; отступив от исторической правды, он изобразил Фридриха мечтательным и тщеславным юношей, который ослушался приказа курфюрста Фридриха Вильгельма и бросил свою армию на шведов вопреки тактическим планам и приказу военачальника. За это в пьесе Клейста курфюрст приговаривает принца к смертной казни, и лишь раскаяние – признание принцем своей вины и справедливости приговора спасает его от гибели. Как и Фридрих Гомбургский, ФБ в конце романа Дёблина – после раскаяния и признания своей вины – получает «второй шанс». Творчество Клейста вообще оказало заметное влияние на Дёблина. В своих автобиографических эссе Дёблин даже называл Клейста богом своей юности.

<sup>180</sup> ...*Мой благородный дядюшка Фридрих Маркский! Наталья! Оставь!.. ведь он теперь погиб, но все равно, все равно.* – Монтаж цитат из пьесы Г. фон Клейста «Принц Фридрих Гомбургский»; ср. в переводе Б. Пастернака: *Наталья (на коленях) Светлейший дядя, Фридрих Бранденбургский! Курфюрст (отложив бумаги) Наталья! (Хочет поднять ее.) Наталья Полно! <...> У праха ног твоих, как мне пристало, О милости для Гомбурга прошу. (Д. 4, явл. 1) Маркский – значит принадлежащий правящему роду маркграфства Бранденбург (нем. Mark Brandenburg). Наталья – возлюбленная главного героя пьесы Клейста.*

<sup>181</sup> ...*на фоне табачного магазина Шрёдера...* – Район Розенталерплац славился своими многочисленными табачными лавками и магазинами; табачный магазин фирмы «Schröder, Fechner & Co. GmbH» находился по адресу: Дельбрюкштрассе, 28, на окраине города.

прохожие. Герои, говоря образно, сплелись в жаркой схватке. Они нащупывали друг у друга слабые, незащищенные места. С размаха шваркнула своему противнику фрейлейн Лина Пшибала из Черновиц<sup>182</sup>, единственная законная – после двух пятимесячных выкидышей, которых тоже предполагалось окрестить Линами, – дочь земледельца Станислава Пшибалы, пачку журналов. Дальнейшее затерялось в шуме и грохоте уличного движения. «Ишь стерва! Ишь стерва!» – с восхищением простонал радостно потрясенный страдалец Франц, приближаясь в качестве армейского резерва к центру боевых действий. И вот уже перед кабачком Эрнста Кюммерлиха<sup>183</sup> встретила его со смехом героиня и победительница фрейлейн Лина Пшибала, распустеха, но очаровательная, и испустила торжествующий крик: «Франц, ему здорово попало!»

Францу это было уже известно. В кабачке она с места в карьер приникла к тому месту его тела, где, по ее предположению, находилось сердце, но которое определялось под шерстяной фуфайкой скорее как ключица или верхняя доля левого легкого. Она торжествовала, когда влила в себя первую рюмку гильки<sup>184</sup>, и провозгласила: «А свою пакость он теперь

---

<sup>182</sup> *Черновицы* – город на Украине, расположен на территории, принадлежавшей в те годы Румынии.

<sup>183</sup> ...*перед кабачком Эрнста Кюммерлиха...* – Название выдуманно Дёблином: в городском справочнике за 1928 г. заведение с таким названием не значится.

<sup>184</sup> *Гилька* – сорт тминной водки.

может подобрать на улице».

А теперь, о бессмертие, ты всецело принадлежишь мне, дорогой мой, какое сияние разливается вокруг, слава, слава принцу Гомбургскому, победителю в битве при Фербеллине, слава! (На террасе перед дворцом появляются придворные дамы, офицеры и факелы.)<sup>185</sup> «Еще рюмку гильки!»

---

<sup>185</sup> *А теперь, о бессмертие, ты всецело принадлежишь мне... (На террасе перед дворцом появляются придворные дамы, офицеры и факелы.)* – Монтаж из реплик и слегка измененных авторских ремарок к последней сцене пьесы Г. фон Клейста «Принц Фридрих Гомбургский». Ср. в переводе Б. Пастернака: «Теперь, бессмертье, ты в моих руках»; «⟨...⟩ фрейлины, офицеры и прочие. Факелы показываются на лестнице замка» (д. 5, явл. 10–11).

## **Хазенхейде, «Новый мир», не одно, так другое, и не надо делать себе жизнь тяжелее, чем она есть**

Франц сидит в комнатке у фрейлейн Лины Пшибалы, смеется, шутит, заигрывает. «Знаешь, Лина, что такое лежалый товар?» Он пихает ее в бок. Лина зевает: «Ну, вон Фёльш, подружка моя из магазина грампластинок, все говорит, что у них одно старье, лежалый товар». – «Да не, я не про то. Вот когда мы с тобой на диване лежим вместе, рядышком, вот тогда ты лежалый товар, ну и я тоже лежалый товар». – «Ишь выдумал!» Лина повизгивает.

Так будем же вновь веселиться, друзья<sup>186</sup>, валле ралле ралле ля-ля-ля, будем веселиться, смеяться, траля-ля. Так будем же вновь веселиться, друзья, вновь веселиться, смеяться, ля-ля.

А потом они поднимаются с дивана, – вы не больны, милсдарь? А то сходите к доктору, – и весело отправляются на Хазенхейде, в Новый мир<sup>187</sup>, где пир горой, где пускают фейерверки и где выдают призы за самые стройные женские

---

<sup>186</sup> *Так будем же вновь веселиться, друзья...* – Текст припева одного из шлягеров того времени.

<sup>187</sup> *...отправляются на Хазенхейде, в Новый мир...* – Хазенхейде – народный парк в районе Нойкёльн, на юго-западе Берлина, любимое место досуга берлинских пролетариев. Танцевальный клуб «Новый мир» находился в этом парке.

ножки. Музыканты сидели на эстраде в тирольских костюмах и увлекательно наигрывали: «Пей, братец мой, пей, дома заботы оставь, горе забудь и тоску ты рассей, станет вся жизнь веселей»<sup>188</sup>.

Музыка так и звала пуститься в пляс, с каждым тактом все больше и больше, и публика, улыбаясь из-за кружек пива, размахивала в такт руками и подпевала: «Пей, братец мой, пей, дома заботы оставь, горе забудь и тоску ты рассей, станет вся жизнь веселей, станет вся жизнь веселей».

Чарли Чаплин присутствовал там собственной персоной, сюсюкал на северо-восточном немецком диалекте, ковылял в своих широченных брюках и непомерно больших ботинках наверху на балюстраде, поймал какую-то не слишком молодую дамочку за ногу и вихрем скатился с ней с горки для катанья. Многочисленные семьи кляксами расположились за столиками. Вы можете за 50 пфеннигов купить длинную палку с бумажной метелкой на конце и при помощи ее установить любой контакт, шея весьма чувствительна, колено тоже, затем вы подымаете ногу и оборачиваетесь<sup>189</sup>. Кого-кого тут только нет! Штатские обоего пола и горсточка рейхсверовцев<sup>190</sup> со своими дамами. Пей, братец мой, пей, горе, тоску

---

<sup>188</sup> *«Пей, братец мой, пей, дома заботы оставь ~ станет вся жизнь веселей».* – Здесь и далее в этой главе Дёблин цитирует слова популярного в Германии и по сей день шлягера Вильгельма Линдемана (1887–1941) «Пей, пей, братец» (1927).

<sup>189</sup> *Вы можете за 50 пфеннигов купить длинную палку ~ и оборачиваетесь.* – Дёблин пародирует текст рекламного объявления.

<sup>190</sup> *Рейхсверовцы.* – Рейхсвер – вооруженные силы Германии в 1919–1935 гг.,

рассей.

Курят всюду, в воздухе облака дыма от трубок, сигар, папирос, так что в огромном помещении стоит сизый туман. Дым, когда ему становится невмоготу, пытается улетучиться благодаря своей легкости куда-нибудь кверху и действительно находит щели, дыры и вентиляторы, готовые пропустить его. Но там, на улице, тьма, холод. И вот дым начинает жалеть, что он такой легкий, он противится своей конституции, но ничего уж больше не поделает из-за одностороннего вращения вентиляторов. Слишком поздно! Дым видит себя окруженным физическими законами. Он не понимает, что с ним такое, хватается за голову, но ее нет, хочет подумать, но не может. Его подхватывают ветер, холод, тьма – только его и видели<sup>191</sup>.

За одним из столиков сидят две парочки и глядят на проходящих. Кавалер в сером, перец с солью, в костюме склоняет усатое лицо над пышным бюстом полной брюнетки. Их сладостные сердца трепещут, носы втягивают воздух; его нос – над ее бюстом, ее – над его напозабытым затылком.

Рядом хохочет особа в желтом клетчатом. Ее кавалер кладет руку на спинку ее стула. У этой особы выдающиеся вперед зубы, монокль, левый глаз как бы потухший, она улыба-

---

ограниченные по составу и численности Версальским договором 1919 г. Вербовались по найму.

<sup>191</sup> ...только его и видели. – В оригинале цитата последней строки баллады И. В. Гёте (1749–1832) «Рыбак» (1778). Ср. в переводе В. А. Жуковского: «И след навек пропал».

ется, курит, трясет головой: «Какие ты вещи спрашиваешь!» За соседним столиком сидит или, говоря точнее, прикрывает своей сильно развитой, но скрытой платьем задней частью железное сиденье низкого садового стула молоденькая, совсем птенец, блондинка со светлыми волнами прически. Она говорит слегка в нос и блаженно подпевает музыке, разомлев от бифштекса и трех бокалов пильзенского<sup>192</sup>. Она болтает, болтает без умолку и кладет головку на его плечо, плечо второго доверенного одной нойкельнской фирмы, для которого сей птенец является в этом году уже четвертым по счету альянсом, в то время как он сам для нее десятым или даже одиннадцатым, если считать троюродного брата, ее постоянного жениха. Она широко раскрывает глаза, потому что сверху каждую минуту может сорваться и упасть Чаплин. Ее партнер хватается обеими руками за горку для катанья, где тоже что-то случилось. Они заказывают соленые сушки.

Господин 36 лет, совладелец небольшого продуктового магазина, покупает шесть воздушных шаров по 50 пфеннигов за штуку и пускает их один за другим в проходе перед самым оркестром, благодаря чему ему удастся привлечь внимание в одиночку или попарно прогуливающих дамочек, замужних женщин, девиц, вдов, разведенных, – нарушительниц супружеской или иной верности и подобрать себе компанию. В коридоре можно за 20 пфеннигов заняться выжиманием гирь. Взгляд в будущее: Коснитесь химического пре-

---

<sup>192</sup> ...разомлев от... трех бокалов пильзенского. – Имеется в виду светлое пиво.

парата в круге между обоими сердцами хорошо смоченным пальцем и проведите несколько раз по находящемуся над ним чистому месту, и появится изображение Вашего суженного. Вы с детства стоите на правильном пути. Ваше сердце не знает фальши, и все же Вы своим тонким чутьем распознаете всякий подвох, который хотели бы устроить Вам Ваши завистливые друзья. Доверьтесь и впредь Вашей житейской мудрости, ибо созвездие, под знаком которого Вы вступили в сей мир, будет Вашим неизменным руководителем и поможет Вам приобрести спутника жизни, который сделает Ваше счастье совершенным. Спутник, которому Вы можете доверять, обладает таким же характером, как и Вы. Его сватовство не будет бурным, но тем прочнее будет тихое счастье подле него<sup>193</sup>.

По соседству с гардеробом, в боковом зале, на хорах играл духовой оркестр. Музыканты, в красных жилетах, все время галдели, что им нечего пить. Внизу стоял тучный, добродушного вида господин в сюртуке. На голове у него была странная полосатая бумажная фуражка, не переставая пить, он пытался продеть себе в петлицу бумажную гвоздику, что ему, однако, никак не удавалось ввиду выпитых восьми кружек светлого, двух стаканов пунша и четырех рюмок коньяку. Он пел, обращаясь к оркестру, а затем вдруг пустился танцевать

---

<sup>193</sup> *Взгляд в будущее ~ счастье подле него.* – Дёблин монтирует фрагменты ярмарочных астрологических текстов; два текста подобного рода приложены к рукописи романа.

вальс с какой-то старой, невероятно расплывшейся особой, описывая с нею широкие круги, словно карусель. От такого кружения эта особа расплылась еще больше, но проявила достаточно чувства самосохранения, усевшись, перед тем как взорваться, на три стула зараз.

Франц Биберкопф и этот человек в сюртуке встретились в антракте под хорами, где музыканты взывали о пиве. На Франца уставился сияющий голубой глаз, чудный месяц плывет над рекою<sup>194</sup>, а другой глаз был слеп. Они подняли свои белые кружки с пивом, и инвалид прохрипел<sup>195</sup>: «Ты, видно, тоже один из этих предателей, а другие сидят на теплых местечках». Он проглотил слюну: «Не гляди мне так пылко в глаза, ну-ка, взгляни на меня. Где служил?»

---

<sup>194</sup> ...чудный месяц плывет над рекою... – Первые строки песни поэта и композитора Теодора Энслина (1787–1851) «Чудный месяц плывет над рекою».

<sup>195</sup> ...инвалид прохрипел... – Возможно, этот персонаж – первый из посланников, о которых в последней книге романа говорит Смерть (см. с. 465 наст. изд.). Не случайно он инвалид: в послевоенной Германии было почти одиннадцать миллионов инвалидов. Биберкопф должен был бы обратить внимание на то, что у инвалида нет глаза (ср. с предупреждением евреев: «главное в человеке – это глаза и ноги» (с. 20 наст. изд.)) и на нем «странная полосатая бумажная фуражка» (с. 81 наст. изд.). (Дёблин, возможно, намекает на один из атрибутов нечистой силы: обычную в традиционной европейской иконографии пародийную корону.) Также не случайно дальнейшее описание танца по кругу: кружение на одном месте соотносится в БА с представлениями о пляске смерти (см. также примеч. 29 к книге девятой) и перекликается с тем, что ФБ не развивается, движется по кругу, не меняется «от удара к удару». Движение по кругу свойственно и маршрутам героя по Берлину: нетрудно заметить, что в своих прогулках по городу Биберкопф все время возвращается к одним и тем же местам.

Они чокнулись, туш, нам нечего пить, нам пить не дают. Бросьте, бросьте, ребята, не бузите, ну выпьем за gemütlichкайт<sup>196</sup>. «Ты немец? Настоящий германец? Как тебя зовут?» – «Франц Биберкопф. Как же это ты меня не знаешь?» Инвалид икнул, а затем зашептал, прикрывая рот рукою: «Значит, ты настоящий немец, положи руку на сердце. И не идешь заодно с красными? Иначе ты – предатель. А кто предатель, тот мне не друг». Он обнял Франца: «Поляки, французы, отечество, за которое мы кровь проливали, – вот благодарность нации!» Затем он снова собрался с силами и пошел танцевать с уже оправившейся расплывшейся особой все тот же старомодный вальс под любую музыку. Он покачивался и как будто кого-то искал. Франц гаркнул: «Сюда, сюда!» Лина пригласила инвалида на тур; он протанцевал с нею, а затем предстал с ней под ручку перед Францем, возле стойки: «Простите, с кем имею удовольствие, честь? Позвольте узнать вашу фамилию». – «Пей, братец мой, пей, дома заботы оставь, горе забудь и тоску ты рассей, станет вся жизнь веселей».

Две порции айсбайна<sup>197</sup>, одна – солонины, дама брала порцию хрена, гардероб, да где же вы раздевались, здесь два гардероба, а имеют ли подследственные арестанты право носить обручальные кольца? Я говорю нет. В Гребном клубе вечер

---

<sup>196</sup> *Гемютлихкайт* (нем. *Gemütlichkeit*) – уют, безобидное веселье.

<sup>197</sup> *Айсбайн* (нем. *Eisbein*) – традиционное блюдо немецкой кухни: вымоченные в соляном растворе и разваренные копченые свиные ножки.

затянулся до четырех часов. А дорога туда для автомобилей – ниже всякой критики, подбрасывает на ухабах, так и ныряешь.

Инвалид и Франц сидят обнявшись в буфете: «Я тебе, друг, прямо скажу, понимаешь? Мне урезали пенсию, так что я перейду к красным. Кто изгоняет нас огненным мечом из рая, это архангел, и мы туда уж не вернемся<sup>198</sup>. Сидели мы, знаешь, под Гартмансвейлеркопфом<sup>199</sup>, я и говорю своему ротному, который так же, как и я сам, из Штаргарда»<sup>200</sup>. – «Шторков<sup>201</sup>, говоришь?» – «Нет, из Штаргарда. Ну, вот теперь я потерял свою гвоздику, ах, нет, вон она где зацепилась». Кто раз целовался на бреге морском под шелест танцующих волн, тот знает, что в жизни милее всего, тот, верно, с любовью знаком<sup>202</sup>.

---

<sup>198</sup> *Кто изгоняет нас огненным мечом из рая, это архангел, и мы туда уж не вернемся.* – Видоизмененная цитата из библейской Книги Бытия: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Быт. 3: 24).

<sup>199</sup> *Гартмансвейлеркопф* – стратегически важная вершина в Южных Вогезах (Верхний Эльзас), за которую в Первую мировую войну шли ожесточенные бои между немцами и французами; с декабря 1915 г. и до окончания войны ее удерживали немцы.

<sup>200</sup> *Штаргард* – небольшой город на Балтийском море в Померании, к востоку от Штеттина, ныне – польский.

<sup>201</sup> *Шторков* – городок в часе езды от Берлина.

<sup>202</sup> *Кто раз целовался на бреге морском ~ тот, верно, с любовью знаком.* – Предположительно, слова одного из шлягеров того времени.

Франц торгует теперь фашистскими газетами<sup>203</sup>. Он ничего не имеет против евреев, но стоит за порядок. Ибо порядок нужен и в раю, всяк знает истину сию<sup>204</sup>. И этих бравых парней, членов Стального шлема<sup>205</sup>, он тоже видел, и вождей их видел, а это что-нибудь да значит. Он стоит у входа на станцию подземки на Потсдамерплац<sup>206</sup>, или на Фридрихштрассе у Пассажа<sup>207</sup>, или перед вокзалом Александрплац. Он придерживается тех же мнений, что и одноглазый инвалид из Нового мира, тот, который был там с толстой дамой.

---

<sup>203</sup> *Франц торгует теперь фашистскими газетами.* – Самым известным фашистским изданием того времени была газета «Фёлькишер беобахтер» («Народный наблюдатель»), выходявшая с 1918 г. В 1926 г. одним из редакторов этой газеты стал Йозеф Геббельс, гаулейтер Берлина, который фактически превратил ее в центральный печатный орган Национал-социалистической партии Германии.

<sup>204</sup> *...порядок нужен и в раю, всяк знает истину сию.* – Одна из распространенных поговорок тех лет.

<sup>205</sup> *Стальной шлем.* – Военизированный союз национал-консервативного толка «Стальной шлем» был основан в ноябре 1918 г. Францем Зельдте (1882–1947) и состоял из бывших фронтовиков Первой мировой войны. Его численность к началу 1930-х годов составляла 500 тыс. человек. «Стальной шлем» прославился тем, что его члены вступали в жестокие уличные бои со своими политическими противниками, нередко заканчивавшиеся кровопролитием. Политическая близость этого союза к Национал-социалистической партии Германии привела в 1933 г. к слиянию двух организаций. В 1935 г. «Стальной шлем» был распущен.

<sup>206</sup> *Потсдамерплац* – большая площадь к западу от центра Берлина.

<sup>207</sup> *...на Фридрихштрассе у Пассажа...* – Берлинский пассаж в «ренессансном стиле» – застекленный проход длиной 124 м, соединял улицы Унтер-ден-Линден и Беренштрассе (угол большой Фридрихштрассе); был построен в 1871–1873 гг. Под стеклянной крышей располагались дорогие магазины, паноптикум и кафе.

Германскому народу к началу Рождественского поста<sup>208</sup>. Рассейте же наконец свои несбыточные мечты и покарайте убаюкивающих вас призрачными надеждами! Ибо придет день, и восстанет с поля брани с мечом и блестящим щитом правоты своей Истина, дабы повергнуть во прах врагов своих.

«В то время как пишутся эти строки, происходит суд над рыцарями рейхсбаннера<sup>209</sup>, которым двадцатикратное превосходство сил позволило во имя их программного пацифизма и соответствующего их убеждениям мужества напасть на горсточку национал-социалистов, избить их и при этом зверски умертвить члена нашей партии Гиршмана. Даже из показаний обвиняемых, которым со стороны закона разрешается, а со стороны партии, по-видимому, предписывается лгать, ясно, с какой преднамеренной жестокостью, столь ярко характеризующей положенный в ее основание режим, было проведено это избиение»<sup>210</sup>.

---

<sup>208</sup> *Германскому народу к началу Рождественского поста.* – Предположительно, отрывок статьи одной из фашистских газет; источник неизвестен.

<sup>209</sup> *...суд над рыцарями рейхсбаннера...* – В ноябре 1927 г. в Мюнхене начался процесс против рейхсбаннера: членов организации обвинили в жестоком убийстве мюнхенского рабочего, партайгеноссе национал-социалистической партии Гиршмана. Рейхсбаннер – военизированная организация в Германии в 1924–1933 гг., созданная под руководством социал-демократической партии с целью защитить Веймарскую республику от монархической реакции. После прихода Гитлера к власти была запрещена.

<sup>210</sup> *«В то время, как пишутся эти строки ~ это избиение».* – Дёблин цитирует статью, опубликованную 19 ноября 1927 г. в газете «Фёлькишер беобахтер»;

«Истинный федерализм – это антисемитизм, борьба против еврейства является вместе с тем и борьбой за самоопределение Баварии. Еще задолго до начала огромный зал был переполнен; однако прибывали все новые и новые толпы посетителей. До открытия собрания наш прекрасно сыгравшийся оркестр исполнил лихие марши и другие музыкальные номера. В половине девятого член партии Оберлерер сердечно приветствовал собравшихся, объявив собрание открытым, и предоставил слово члену партии Вальтеру Аммеру»<sup>211</sup>.

Братва на Эльзассерштрассе животики надрывает от смеха, когда в обед Франц появляется в пивной, предосторожности ради спрятав повязку в карман. Тем не менее ее у него извлекают. Но он их спрашивает.

Он говорит безработному молодому слесарю, и тот от удивления отставляет свою большую кружку пива: «Стало быть, ты надо мной смеешься, Рихард, а почему? Потому, может быть, что ты женат? Вот тебе теперь двадцать один год, твоей жене восемнадцать, а что ты видел от жизни? Ничего, и даже того меньше. И скажу тебе, Рихард, что если мы будем говорить о девочках, то ты, так как у тебя у само-

---

соответствующая вырезка прилагается к рукописи.

<sup>211</sup> «Истинный федерализм – это антисемитизм ~ Вальтеру Аммеру». – Фрагмент еще одной статьи из «Фёлькишер беобахтер» за 19 ноября 1927 г. Писатель не изменил имени упоминающегося в статье председателя собрания – Оберлерер (нем. – старший учитель), но заменил имя другого партайгеноссе на Аммер (нем. Ammer – овсянка, небольшая и невзрачная птица с коричневым оперением).

го мальчуган, пускай будешь прав в том, что касается твоего крикуна. А в чем еще. Ну-ка?»

Францевой повязкой завладевает полировщик Георг Дреске, 39 лет, в данное время уволенный с завода. «На повязке, Орге, сколько ни смотри, – говорит Франц, – ничего не написано такого, за что нельзя было бы отвечать. Я ведь тоже утек с фронта, не хуже твоего; проделал все честь честью, да что толку. Красная ли повязка у человека, золотая или черно-бело-красная<sup>212</sup> – от этого сигара не слаще. Все дело в табаке, дорогой мой, чтоб и оберточный лист и подлист были хороши и чтоб была сигара правильно скатана и высушена, и откуда табак. Вот что я скажу. А что мы такое сделали, Орге, ну-ка?»

Тот преспокойно кладет повязку перед собой на стойку, прихлебывает пиво, говорит не спеша, иногда заикаясь и часто смачивая горло: «Гляжу я на тебя, Франц, и думаю себе, а я тебя ведь давно знаю, с Арраса<sup>213</sup> и из-под Ковно<sup>214</sup>, и думаю, значит, что тебя кругом провели и надули». – «Это ты все насчет повязки, что ли?» – «Да насчет всего вообще.

---

<sup>212</sup> *Красная ли повязка у человека, золотая или черно-бело-красная...* – Красный цвет – цвет коммунистической партии; черно-красно-золотым был республиканский флаг, черно-бело-красным – флаг кайзеровской Германии.

<sup>213</sup> *Аррас* – город в Северной Франции, древняя столица исторической области Артуа. За Аррас во время Первой мировой войны шли ожесточенные бои между немецкими и французскими войсками.

<sup>214</sup> *Ковно* – название литовского Каунаса до 1917 г. Город был легко взят немецкими войсками уже в августе 1914 г.

Брось-ка лучше. Тебе-то уж, кажется, не пристало бегать в таком виде».

Тогда Франц встает, отодвигает молодого слесаря Рихарда Вернера с зеленым отложным воротником в сторону как раз в ту минуту, когда тот хочет его о чем-то спросить. «Нет, нет, Рихардхен<sup>215</sup>, ты славный парень, но то, о чем мы рассуждаем, касается только взрослых. Хотя ты и пользуешься избирательным правом, все ж тебе далеко до того, чтобы вмешиваться в разговор между Орге и мною». Затем он задумчиво стоит рядом с полировщиком у стойки, а по другую ее сторону, перед полкой с коньяком, стоит хозяин в большом синем фартуке и внимательно смотрит на них, опустив толстые руки в лохань для мытья стаканов. Наконец Франц спрашивает: «Так как же, Орге? Как было дело под Аррасом?» – «А потвоему как? Сам ведь знаешь. И почему ты дезертировал? А теперь вдруг эта повязка. Эх, Франц, уж лучше я бы на ней повесился. Да, здорово тебя облапошили!»

У Франца очень уверенный взгляд, и он ни на секунду не сводит глаз с полировщика, который начинает заикаться и мотать головой. «Нет, про это дело под Аррасом мне хотелось бы еще от тебя услышать. Давай-ка разберемся. Раз ты был под Аррасом». – «Что ты плетешь, Франц, брось. Да я ничего и не говорил такого, ты, верно, хватил лишнего». Франц ждет, думает: постой, я уж до тебя доберусь, прикидываешься, будто ничего не понимаешь, хитришь. «Ну ко-

---

<sup>215</sup> *Рихардхен* – уменьшительно-ласкательная форма от имени Рихард.

нечно же, Орге, под Аррасом мы с тобой были, вместе с Артуром Безе, Блюмом и этим маленьким зауряд-прапорщиком – как его, бишь, звали? Такая у него еще фамилия была смешная». – «Забыл, не помню». Что ж, пусть человек болтает. Он ведь с мухой. Другие это тоже замечают. «Постой, постой, как же его звали, маленького-то этого, не то Биста, не то Бискра, что-то в этом роде». Пускай себе говорит, не надо отвечать, запутается, тогда и сам перестанет. «Ну да, этих-то мы всех знаем. Но только я не про то. А вот где мы были потом, когда кончилось под Аррасом, после восемнадцатого года, когда пошла уж иная потеха, здесь, в Берлине и в Галле, и в Киле<sup>216</sup>, и...»

Но тут Георг Дреске решительно отказывается от дальнейшего разговора, этакая чушь. Не за такой же ерундой приходишь в пивную. «Ах, да брось, а то я сейчас уйду. Рассказывай сказки маленькому Рихарду. Поди-ка сюда, Рихард». – «Ишь, как он передо мной важничает, этот господин барон. Он же водит теперь компанию только с графьями. Как он еще приходит сюда к нам в пивную, этот важный барин-то?» А ясные глаза в упор глядят в бегающие глаза Дреске. «Так вот, про это я и говорю, аккуратно про это, Орге. Стояли мы под Аррасом после восемнадцатого года, полевая артиллерия, пехота, зенитная артиллерия, радисты, саперы или еще

---

<sup>216</sup> ...пошла уже иная потеха... в Берлине, и в Галле, и в Киле... – Намек на события немецкой Ноябрьской революции 1918–1919 гг. Писатель неоднократно обращался к этим событиям в своих многочисленных фельетонах и политических статьях 1920-х гг.

кто. Ну а где мы стояли потом, после войны?» Э, вон он куда гнет, ну, постой, братишка, лучше б тебе этого не трогать. «Знаешь, – говорит Дреске, – я сначала выхлебаю свою кружку, а ты, Франц, про то, где ты потом побывал, бегал или не бегал, стоял или же сидел, справишься в своих бумагах, если они при тебе. Ведь торговцу полагается всегда иметь все бумаги при себе». Что, съел? Неужели не понял? Так вот, имей в виду. Но все те же спокойные глаза – в хитрые глаза Дреске. «Четыре года после восемнадцатого я был в Берлине. С самого того времени, как война кончилась. Верно, я бегал, ты бегал, Рихард тогда сидел у матери на коленях. Ну а здесь мы что-нибудь похожее на arrasское дело заметили, ты, например? Была у нас тут инфляция<sup>217</sup>, бумажные деньги, миллионы, миллиарды, и не было ни мяса, ни масла, хуже, чем до того; все это мы заметили, и ты тоже, Орге, а вот что стало с arrasским делом, ты можешь высчитать у себя

---

<sup>217</sup> *Была у нас тут инфляция...* – Огромные репарационные платежи, которые Германия должна была выплатить по Версальскому договору 1919 г., и потеря промышленных и экономически важных районов – Эльзаса, Лотарингии и Силезии – привели к нестабильной экономической ситуации в стране. К началу 1923 г. достигла своего пика инфляция, и лишь к ноябрю 1923 г. удалось, во многом благодаря введению новой марки, остановить стремительное обесценивание денег и добиться определенной стабилизации финансовой системы Веймарской республики. Страх перед внезапной инфляцией, потерей всего, что есть, однако, сохранялся и являлся одной из самых характерных черт мироощущения в Веймарской республике. Дёблин не раз с иронией и даже с определенной долей цинизма упоминал об инфляции в своих театрально-критических рецензиях для «Прачер тагесблатт» и своих политических сатирических статьях, которые он опубликовал под псевдонимом Линке Поот в 1920-е гг.

по пальцам. Ничего не стало, где уж там! Мы только бегали да таскали у крестьян картошку».

Революция? Развинти древко знамени, убери само знамя в чехол и запрячь всю эту штуку подальше в платяной шкаф. Попроси мать принести тебе ночные туфли и развяжи огненно-красный галстук. Вы постоянно делаете революцию только на словах, ваша республика – просто несчастный случай на производстве.

Дреске думает: Опасный человек! А Рихард Вернер, этот молодой губошлеп, уже снова разевает рот: «Значит, тебе бы понравилось и тебе бы хотелось, Франц, чтобы мы затеяли новую войну, вы бы это живо сварганили на наших горбах. Весело мы Францию побьем<sup>218</sup>. А? Но только тут ты здорово напоролся бы». А Франц думает: Ах ты обезьяна, ах ты арап! Знает человек войну только по кино – раз по башке, и готово.

Хозяин вытирает руки о синий фартук. Перед чистыми стаканами лежит в зеленой обложке проспект. Хозяин, тяжело сопя, читает: Отборный жареный кофе высшего качества! Кофе для прислуги (зерна брак, жареный). Кофе в зернах 2,29, Сантос гарантированно чистый, Сантос 1-го сорта для хозяйства, крепкий и экономический, Ван-Кампина-меланж, крепкий, прекрасного вкуса, превосходный меланж Мексика, настоящий кофе с плантациями 3,75, достав-

---

<sup>218</sup> *Весело мы Францию побьем.* – Припев солдатской песни времен Франко-прусской войны, которую немецкие солдаты распевали и в годы Первой мировой.

ка не менее 18 кг разного товара бесплатно<sup>219</sup>. Под потолком, возле печной трубы, кружится пчела<sup>220</sup>, или оса, или шмель – подлинное чудо природы в зимнюю пору. Его единоплеменников, сородичей, единомышленников и сотоварищей нет в живых, они либо уже умерли, либо еще не родились; это – ледниковый период, который переживает одинокий шмель, сам не зная, как это случилось и почему именно он. А солнечный свет, беззвучно льющийся<sup>221</sup> на передние

---

<sup>219</sup> *Отборный жареный кофе ~ доставка не менее 18 кг разного товара бесплатно.* – Текст рекламного объявления, вклеенный Дёблином в рукопись романа.

<sup>220</sup> *Под потолком, возле печной трубы, кружится пчела...* – В мифологии пчелы и шмели часто соотносятся со смертью; это также известный солярный символ. В XVIII–XIX вв. пчелиный улей нередко соотносился с идеальным устройством общества – коллективом, где каждый выполняет свою, строго определенную функцию. «Достаточно обратить внимание на существенную черту природы пчел, – писал М. Метерлинк в своей „Жизни пчел“, – которая объясняет необыкновенное сгущивание во время их работы. Пчела прежде всего существо общественное. Она не может жить иначе, чем в обществе других. Когда пчела выходит из улья, где так тесно, что она головой должна пробивать себе путь через живые стены, она выходит из собственной стихии, но под угрозой смерти необходимо, чтобы она через правильные промежутки возвращалась подышать толпой. Находясь в одиночестве, пчела погибает через несколько дней именно от этого одиночества. В улье индивид – ничто, он имеет только условное существование, он – только безразличный момент, вся его жизнь – это полная жертва существу бесчисленному и непрерывно возобновляющемуся, часть которого он составляет» (*Метерлинк М. Жизнь пчел / пер. Л. Вилькина // Метерлинк М. Разум цветов. Жизнь пчел. СПб.: Амфора, 1999. С. 247*).

<sup>221</sup> *А солнечный свет, беззвучно льющийся...* – Следующий далее отрывок про свет (но еще в большей степени размышления о солнце в конце книги пятой БА (см. с. 227–228 наст. изд.)) напоминает о естественно-научных эссе Дёблина (на-

стола и на пол и разделенный вывеской «Паценгоферское пиво Левенбрей» на две светлые полосы, он древний-предревний, и, собственно говоря, когда смотришь на него, все кажется преходящим и не стоящим внимания. Свет доходит

---

пример, о статье «Воздействие света на людей», 1914), которые он публиковал в 1910-х и 1920-х гг. в различных журналах, а затем объединил и переработал в книгу «Я над природой», где развивал среди прочих и идею о соотношении единичного и всеобщего: человеческого коллектива и отдельного его члена, бесконечно большого мира и каждого человека. Взаимоотношения солнца и человека, по Дёблину, повторяют связи «пра-я» («Ur-Ich») с каждой отдельной частью мира (см. также примеч. 81 к книге первой; рассуждения о солнце внутри Биберкопфа (см. с. 485–486 наст. изд.) и о крови убитых животных – стустке солнца (см. с. 148 наст. изд.)). Представления Дёблина хорошо вписываются в научный и псевдонаучный контекст эпохи и напоминают, в частности, размышления из вышедших в те годы огромными тиражами научно-популярных книг Б. Брюгеля, астронома времен Веймарской республики: Все, что происходит вокруг нас, подчиняется волновым колебаниям. Тысячи сил вызывают маятниковые движения. Звуковые волны разносятся с колокольни маленькой церкви. Световые волны стремительно мчатся со скоростью мысли от далеких звезд к маленькому шару Земли, электрические волны бушуют вокруг меня, отправляясь в свой путь с высоких радиомачт через страны и моря. Волны, полные удивительных тайн, существуют в нас самих. Они – проявление действия великого закона в малом Я <...> А из дней складывается год. Та же мощная волна в происходящем на Земле! Но и день, и год уходят – крохотные волны в море вечности. <...> И культуры, которые на столетия накладывали свой отпечаток на лик Земли, – это тоже волны в жизни человечества. <...> И солнце погаснет, так что на этой маленькой планете Земля все покроется мраком и льдом, погрузится в безмолвие вечной смерти (цит. по: Слотердаjk 2001: 502–503). Слотердаjk, который приводит в своей «Критике цинического разума» этот фрагмент, говорит о склонности к «астрономическому мышлению», чрезвычайно распространившемуся в Веймарской республике, в этой склонности «находит выражение глубинный слой веймарского чувства жизни. Субъекты инстинктивно солидаризируются с тем, что уничтожает их и лишает значимости» (там же).

до нас, пройдя икс километров, минуя звезду игрек, солнце светит миллионы лет, задолго до Навуходоносора<sup>222</sup>, до Адама и Евы, до ихтиозавра, а вот сейчас оно заглядывает в окно в маленькую пивную, делится жестяной вывеской «Паценгоферское пиво Левенбрей» на две полосы, ложится на столы и на пол, незаметно продвигается вперед. Солнечный свет ложится на них, и они это знают. Он окрылен, легок, сверхлегок, светозарен, высоко с небес дошел он<sup>223</sup>.

А двое больших, взрослых животных, двое людей, мужчин, Франц Биберкопф и Георг Дреске, газетчик и уволенный с завода полировщик, стоят у стойки, держатся торчком на своих нижних, облеченных в штаны конечностях и опираются о стойку засунутыми в толстые раструбы пальто руками. И каждый из них думает, наблюдает и чувствует – каждый свое.

«В таком случае ты мог заметить и прекрасно знаешь, что вообще не было никакого Арраса, Орге. Мы просто ничего не сумели сделать. Да, мы это можем преспокойно заявить. Или хотя бы вы, или те, которые участвовали в деле. Не было же никакой дисциплины, никто же не распоряжался, все

---

<sup>222</sup> *Навуходоносор* (ок. 604–562 до н. э.) – могущественный и воинственный царь Вавилона, при котором Вавилонское царство достигло своего расцвета. В старости Навуходоносора поразила необычайная болезнь: он отдалился от двора и «как вол» стал питаться растениями. Иудеи видели в этом Божье наказание за то, что он поклонялся «неистинным богам».

<sup>223</sup> *Он... легок... светозарен, высоко с небес дошел он.* – Первые строки рождественской песни на слова Мартина Лютера (1483–1546).

только грызлись между собою. Я удрал из окопов, и ты со мною, а потом и Эзе. Ну а здесь, дома, когда началось дело, кто тогда удрал? Да все, сплошь. Не было никого, кто бы остался, ты же сам видел, какая-то горсточка, человек с тысячу, так я их тебе даром отдам». Ага, вот он о чем, вот дурак-то. На такую удочку попался. «Это потому, что бонзы, профсоюзные вожди, нас предали, Франц, в восемнадцатом и девятнадцатом году, и Розу убили, и Карла Либкнехта<sup>224</sup>. Где же тут сплотиться и что-нибудь сделать. Ты посмотри на Россию, на Ленина. Вот где люди держатся, вот где есть спайка<sup>225</sup>. Но подожди, дай срок». Кровь польется, кровь по-

---

<sup>224</sup> ...и Розу убили, и Карла Либкнехта. – Роза Люксембург (1871–1919) и Карл Либкнехт (1871–1919) – деятели германского и международного рабочего движения, основатели Коммунистической партии Германии. После разгрома восстания «Союза Спартака» в Берлине 15 января 1919 г. были арестованы, отвезены в парк Тиргартен и убиты солдатами правительственных войск. Труп Розы Люксембург был сброшен в Ландверканал и обнаружен лишь четыре месяца спустя. Последние дни жизни Карла Либкнехта и Розы Люксембург и их убийство Дёблин описал в заключительной части тетралогии «Ноябрь 1918» – романе «Карл и Роза».

<sup>225</sup> ...посмотри на Россию, на Ленина. Вот где люди держатся, вот где есть спайка. – Дёблин, придерживавшийся левых взглядов, не разделял энтузиазма многих своих современников и коллег-литераторов (например, Б. Брехта, И. Бехера и пр.) по поводу Ленина и революционных событий в России, в то же время он находил многие ленинские идеи интересными. В эссе «Наше бытие» он писал о Ленине так: «Он хотел добра: свергнуть угнетателей и освободить место для бедных, слабых рабов. Нищета с одной стороны, злоба, бесконечное равнодушие – с другой, были так велики, что он не мог быть снисходительным. Он применил насилие, систематическое, с полным осознанием того, что делает. Но так целая масса людей осуществила свои законные права, и вот уже одним позорным пят-

льется, кровь польется как вода<sup>226</sup>. «Это мне безразлично. Но только с твоими ожиданиями да сроками мир полетит к черту, и ты вместе с ним. Нет, на такую удочку я больше не попадусь. С меня довольно того, что наши ничего не сумели сделать. Этого с меня хватит. Ни вот столечко у них не вышло, взять хотя бы, например, тот же Гартмансвейлеркопф, о котором постоянно болтает один человек, инвалид, который там побывал, ты его не знаешь, даже ни полстолько. Ну и...»

Франц выпрямляется, берет со стойки повязку, разглаживает ее и сует в непромокаемую куртку, а затем медленно возвращается к своему столику: «Вот я и говорю то, что всегда говорю, пойми, милый человек, и ты тоже, Рихард, заметь себе: ничего у вас с этим делом не выйдет. Не таким путем. Не знаю, выйдет ли что-нибудь у тех, которые вот с такой повязкой. Я этого вовсе и не говорил, но там все же другое дело. Мир на земле, как говорится, и это правильно, и кто хочет работать, пусть работает, а для всяких таких глупостей нам себя слишком жаль».

И садится на подоконник, трет щеку, озирается, щурясь, по комнате, выдергивает у себя волосок из уха. За угол со

ном меньше на свете» (Döblin 1964: 433). К концу 1930-х годов, как видно из тетралогии «Ноябрь 1918», позиция Дёблина по отношению к Ленину стала значительно более критической.

<sup>226</sup> *Кровь польется... как вода.* – Измененные слова припева песни революционного студенчества; студенты распевали ее на баррикадах немецкой революции 1848 г.; написана левым политиком, революционером Фридрихом Францем Карлом Хекером (1811–1881), поэтому и называется «Песня Хекера». Одна из самых популярных песен в Веймарской республике.

скрежетом заворачивает трамвай № 9<sup>227</sup>. Восточное кольцо, Германнплац, Вильденбрухплац, вокзал Трептов, Варшавский мост, Балтенплац, Книпродештрассе, Шенгаузераллее, Штеттинский вокзал, церковь Св. Гедвиги, Галлеские ворота, Германнплац. Хозяин пивной опирается на латунный пивной кран, посасывает и трогает языком новую пломбу в нижней челюсти, вкус как в аптеке, нашу Эмилию придется опять послать летом в деревню или в Цинновиц<sup>228</sup>, в летнюю колонию, девочка опять уж худеет, глаза снова останавливаются на проспекте в зеленой обложке, который лежит криво, он кладет его прямо, с каким-то суеверным страхом, не выносит, когда что-нибудь лежит криво. Селедки «Бисмарк»<sup>229</sup> в маринаде, нежные, без костей, рольмопсы в маринаде<sup>230</sup>, с огуречным гарниром, высшего качества селедки в желе, цельные, отличного вкуса, селедки для жарения.

Слова, шумы, звуковые волны, полные содержания<sup>231</sup>, плещут туда и сюда по комнате из горла Дреске, заики, который, улыбаясь, глядит себе под ноги: «Ну, тогда желаю тебе счастья, Франц, на твоём новом пути, как говорят попы. Значит, когда мы в январе пойдем с демонстрацией в Фри-

---

<sup>227</sup> ...заворачивает трамвай № 9. – Кольцевой маршрут трамвая № 9 проходил по восточной и юго-восточной окраинам Берлина.

<sup>228</sup> Цинновиц – курортное местечко на Балтийском море, в Померании.

<sup>229</sup> Селедки «Бисмарк» – большие жирные селедки.

<sup>230</sup> Рольмопсы в маринаде – традиционное блюдо немецкой кухни: свернутое в трубочку филе сельди под особым маринадом.

<sup>231</sup> Слова, шумы, звуковые волны, полные содержания... – См. примеч. 131.

дрихсфельде, к Карлу и Розе<sup>232</sup>, тебя уж с нами не будет. Так-так». Пускай себе заикается, я буду торговать газетами.

Хозяин, очутившись вдвоем с Францем, улыбается ему. Тот с наслаждением вытягивает под столом ноги: «Как вы думаете, Геншке, почему это они смылись? Из-за повязки? Нет, они пошли за подкреплением!» Он все о том же. Изобьют его еще здесь. Кровь польется, кровь польется, кровь польется как вода.

Хозяин все посасывает свою пломбу, надо придвинуть щегленка ближе к окну, ведь такой птичке тоже хочется побольше света. Франц помогает хозяину, вбивает гвоздик за стойкой, а тот переносит с другой стены клетку с беспокойно бьющейся птичкой<sup>233</sup>: «Ишь какая темь сегодня. Это от высоких домов». Франц стоит на стуле, вешает клетку, слезает, свистит, подымает указательный палец и шепчет: «Не надо теперь больше подходить. Ничего, привыкнет. Щегленок, самочка». И оба умолкают, кивают, глядят, улыбаются.

---

<sup>232</sup> ...в январе пойдем с демонстрацией в Фридрихсфельде, к Карлу и Розе... – Ежегодно 15 января, в день расправы над К. Либкнехтом и Р. Люксембург, коммунисты устраивали марш памяти к месту их убийства и демонстрацию. См. также примеч. 134.

<sup>233</sup> ...надо придвинуть щегленка ближе к окну... переносит... клетку с беспокойно бьющейся птичкой... – В традиционной европейской иконографии щегол понимается как символ страданий.

## **Франц – человек широкого размаха, он знает себе цену**

Вечером Франца в самом деле вытуряют из пивной. Пришел он один, в девять часов, взглянул на птицу – та уже сушила головку под крылышко, сидит себе в уголке на жердочке, и как это такая тварь не свалится во сне. Франц шепчется с хозяином: «Скажите пожалуйста, – спит себе при таком шуме, что вы скажете, это ж замечательно, вот, должно быть, устала бедная, хорошо ли ей, что тут так накурено, пожалуй, для таких маленьких легких вредно?» – «Ну, она у меня привыкла, здесь, в пивной, всегда накурено, сегодня как будто даже и не очень».

Франц садится: «Так и быть, я сегодня не буду курить, а то еще тяжелее дышать будет, а потом мы немножко откроем окно, она у вас сквозняка не боится?» В это время Георг Дреске, молодой Рихард и еще трое пересаживаются за отдельный столик, напротив. Двоих из этой компании Франц не знает. Больше в пивной никого нет. К приходу Франца у них происходил громкий разговор, шум и ругань. Как только он открыл дверь, они присмирели; оба новеньких то и дело поглядывают на Франца, наваливаются на столик, а потом вызывающе откидываются назад и чокаются. Когда глаза красивые манят, когда стаканы полные блестят, тогда

опять, опять есть повод выпивать<sup>234</sup>. Геншке, плешивый хозяин пивной, возится с пивным краном и лоханью, в которой полощут стаканы, и не уходит, как обычно, а все что-то ковыряет.

И вдруг разговор за соседним столиком становится громким. Один из новичков разглагольствует. Желает петь песни, ему, видите ли, здесь слишком тихо, а пианиста нет; Геншке кричит ему: «Да для кого же? Дело не позволяет». Что эти люди будут петь, Франц уже догадывается: либо «Интернационал»<sup>235</sup>, либо «Смело, товарищи, в ногу»<sup>236</sup>, если у них нет в запасе чего-нибудь новенького. Начинается. Ну конечно, Интернационал.

Франц жует себе, думает: Это они в мой огород. Ну да ладно, пускай потешатся, только бы не курили так много. А если поют, то не курят, и птичке не такой вред. Но чтоб старик Георг Дреске водил компанию с такой зеленой молодежью и даже не подошел к старому товарищу, этого никак нельзя было ожидать. Этакий старый хрен, женатый, человек порядочный, а сидит с такими недоносками и слушает, что они бол-

---

<sup>234</sup> *Когда глаза красивые манят, когда стаканы полные блестят, тогда опять, опять есть повод выпивать.* – Берлинский тост того времени.

<sup>235</sup> «Интернационал» – международный гимн революционного рабочего класса. Слова песни были написаны в июне 1871 г. французским поэтом Э. Потье (1816–1887), а музыка – композитором П. Дегейтером (1848–1932).

<sup>236</sup> «Смело, товарищи, в ногу» – революционная песня Л. П. Радина (1860–1900). Немецкое переложение песни сделал в 1918 г. немецкий солдат Г. Шерхен, услышавший ее в русском плену. См. также с. 480 наст. изд.

тают. А один из новых уж опять кричит, обращается к Францу: «Ну, как тебе песня понравилась, товарищ?» – «Мне – очень. У вас хорошие голоса». – «Так чего же ты с нами не споешь?» – «Я уж лучше поем. Когда кончу есть, спою с вами, а не то и один что-нибудь спою». – «Идет».

Те продолжают себе разговаривать, а Франц спокойно ест и пьет и думает, почему это Лины еще нет, и как это птичка во время сна не свалится с жердочки, и кто это там трубку курит. Заработал он сегодня недурно, вот только холодно стоять было. А те, за столом напротив, все поглядывают, как он ест. Верно, боятся, что подавлюсь. Был ведь однажды такой случай: съел человек бутерброд с колбасой, а бутерброд, как дошел до желудка, одумался, поднялся еще раз к горлу, да и говорит: Что ж ты меня без горчицы? и тогда уж только окончательно спустился в желудок. Вот как поступает настоящий бутерброд с колбасой, которая благородного происхождения. И только успел Франц проглотить последний кусок и допить последний глоток пива, как с того стола кричат: «Так как же, товарищ? Споешь нам что-нибудь?» Члены они певческого общества, что ли, тогда можно и за вход взять, во всяком случае, когда поют, не будут курить. А мне не к спеху. Что обещано, будет исполнено. И вот Франц, утирая нос, течет, понимаете, когда сидишь в тепле, а тянуть не помогает, думает, где это пропадает Лина и не съест ли еще парочку сосисок, хотя нет, не стоит, и так все полнеешь да полнеешь, что бы такое спеть, все равно эти люди ничего не

понимают в жизни, но раз уж обещал так обещал. И вдруг в его голове мелькает фраза, строфа, да это ж стишки, которые он выучил в тюрьме, их часто говорили, они обошли все камеры. И Франц в ту же минуту замирает, голова у него от жары вся красная, горячая, опустилась на грудь, он серьезен и задумчив. И говорит, придерживая рукой кружку: «Знаю я стишки, из тюрьмы, их сочинил один арестант, его звали, постойте, как же его звали? Ах да: Домс».

Он и есть. Так у него это вырвалось, ну да все равно – стишки хорошие. И вот он сидит один за столиком, Геншке стоит за лоханью, а другие слушают, и никто больше не приходит, потрескивает уголь в буржуйке. Франц, подперев рукою голову, читает стишки, сочиненные Домсом, и перед ним встает его камера, двор для прогулок, он может это спокойно стерпеть, интересно, какие там теперь парни сидят? Вот он и сам выходит во двор для прогулки, это гораздо больше того, что могут эти люди в пивной, что они знают о жизни.

И он декламирует: «Коль хочешь, человеке новый, субъектом пола стать мужского, обдумай зрело это дело, доколе повитуха смело не извлекла тебя на свет! Сей мир – юдоль великих бед!<sup>237</sup> Поверь же автору сих строк, который уж немалый срок на этом свете хлеб жуёт! Слова из Фауста. Сказано у Гёте: Жизнь наша только ликованье в эмбриональ-

---

<sup>237</sup> *Коль хочешь, человеке новый ~ Сей мир – юдоль великих бед!* – Дёблин, по всей видимости, пародирует библейские псалмы (см.: Пс. 84: 6–7).

ном состоянии!<sup>238</sup> Правительство – родной отец, на помочах водить нас – спец, и донимает нас мученьем, параграфами запрещений! Во-первых, деньги гнать на бочку, а во-вторых, молчать в платочек. И так живешь ты в отупенье, в каком-то вечном обалденье. А если хочешь в злой тоске оставить горе в кабаке, в вине иль пиве утопить, должно похмелье после быть. А там и годы в вечность сыпят, подтачивает моль власы, трещат назойливо стропила, и в членах дряблость, нету силы, уж каша мозговая киснет, все тоньше, тоньше нитка жизни. Уж дело к осени, смекаешь, роняешь ложку, умираешь. Хочу вопрос я предложить: что человек и что есть жизнь? Сказал великий Шиллер так: „Она – не высшее из благ!“<sup>239</sup>. А я скажу: для кур насест, загаженный до этих мест».

Его слушают не прерывая. После небольшой паузы Франц говорит: «Да, это он сам сочинил, из Ганновера он, ну а я выучил наизусть. Хорошо ведь, подходящая штука для жизни, хоть и горько».

А со стола напротив в ответ: «Вот ты и примечай, что ска-

---

<sup>238</sup> Сказано у Гёте: *Жизнь наша только ликованье в эмбриональном состоянии!* – Псевдоцитата. Здесь и дальше Дёблин пародирует монолог Мефистофеля в первой части трагедии И. В. Гёте «Фауст» (1808–1831) (см.: ч. 1. Пролог на небесах); фраза отсылает также к известному афоризму Аристотеля: «Самое лучшее для человека – вовсе не родиться».

<sup>239</sup> «Она – не высшее из благ!» – Слегка измененная финальная реплика трагедии Фридриха Шиллера (1759–1805) «Мессинская невеста, или Враждующие братья» (1803). Ср. в переводе Н. Вильмонта: «Пусть жизнь – не высшее из благ, | Но худшая из бед людских – вина».

зано про правительство, которое „родной отец“ и водит тебя на помочах. Но вызубрить стишки недостаточно, товарищ, этим делу не поможешь!» Франц все еще сидит, подперев голову, из которой нейдут стишки. «Что ж, устриц и икры нет ни там, ни тут. Приходится зарабатывать кусок хлеба, а это нелегко для бедняка. Надо быть еще довольным, когда имеешь ноги и гуляешь на воле». Те, что за столом, долбят свое, ничего, парень выправится. «Кусок хлеба можно зарабатывать по-всякому. Вот, например, в прежнее время были в России шпики, так они много денег зарабатывали». А другой новенький гудит, как труба: «У нас и не такие есть, сидят себе на теплых местечках, продали своих товарищей-рабочих капиталистам<sup>240</sup>, за это и денежки получают». – «Не лучше проституток». – «Хуже гораздо».

---

<sup>240</sup> ...продали своих товарищей-рабочих капиталистам... – Имеется в виду Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), которая, в глазах левых того времени, предала интересы немецкой революции, вступив в тайный сговор с антидемократическими, антиреспубликанскими силами. Дёблин в своих политических эссе и статьях, которые он публиковал под псевдонимом Линке Поот в начале 1910-х гг. в журнале «Нойе рундшау», не раз резко отзывался, например, о президенте веймарской Германии Фридрихе Эберте (1871–1925), заключившем в 1918 г. тайное соглашение с представителями верховного военного командования о введении в Берлин воинских частей для подавления революции (см., например, эссе «Немецкий маскарад» («Der deutsche Maskenball», 1920)). С другой стороны, Дёблин не одобрял и агрессивные методы «классовой борьбы» тогдашних левых социалистов и коммунистов. С 1917 по 1921 г. писатель был близок к Независимой социал-демократической партии Германии, с 1921 по 1926 г. – сочувствовал Социал-демократической партии Германии; охлаждение к этой партии наступило после того, как партия поддержала ряд законов, против которых Дёблин активно выступал.

Франц думает о стихах, и что-то поделывают ребята там, в Тегеле, верно, много там новых прибыло, ведь каждый же день пригоняют, партию за партией, а тут эти опять: «Ну, чего ты? Как же у тебя с песней-то? Что ж, так у нас музыки и не будет? Эх ты, наобещал, а потом на попятный». С песней? Извольте: сказано – сделано. Но сперва надо промочить горло.

И Франц берется за кружку и отпивает изрядный глоток, что бы такое спеть; на мгновение он видит, как стоит на дворе и во все горло что-то орет в каменную стену, что это ему сегодня за вещи вспоминаются, что ж такое он тогда пел? И медленно начинает петь, так и льется из его уст: «Был у меня товарищ, я лучше не найду. Труба звала нас к бою, он в ногу шел со мною, со мной в одном ряду!»<sup>241</sup> Пауза. Он поет

---

<sup>241</sup> «Был у меня товарищ ~ со мной в одном ряду!» – Дёблин пародирует известное стихотворение «О хорошем товарище» немецкого поэта Людвиг Уланда (1787–1862), в котором варьируется распространенный лирический сюжет – смерть молодого солдата на поле боя. Ср. в переводе В. А. Жуковского: Был у меня товарищ, Уж прямо брат родной. Ударили тревогу, С ним дружным шагом, в ногу Пошли мы в жаркий бой. Вдруг свистнула картеча. . . Кого из нас двоих? Меня промчалось мимо; А он. . . лежит, родимый, В крови у ног моих. Пожать мне хочет руку. . . Нельзя, кладу заряд. В той жизни, друг, сочтемся; И там, когда сойдемся, Ты будь мне верный брат. Как и многие стихи Уланда, это стихотворение было положено на музыку (композитором Ф. Зильхером в 1825 г.) и стало солдатской песней. Традиционное представление о «товариществе» – «Kameradenschaft» – в 1920-х гг. в Веймарской республике подверглось метаморфозе: толкуемое изначально как солдатское братство, лишенное политической окраски, оно постепенно стало одной из основ национал-социалистской идеологии (определение слова «Kameradenschaft» в Толковом словаре Брокгауза см., например: Der Sprach-Brockhaus. Deutsches Bildwörterbuch für jedermann.

вторую строфу: «Летит шальная пуля, чья-то смерть летит, товарищ зашатался, упал и не поднялся, у ног моих лежит». И – громко – последнюю строфу: «Хотел пожать мне руку – я занят был с ружьем. Не мог пожать я ру-уку, на вечную разлу-уку, но помню я о нем, но помню я о нем».

Под конец он пел во весь голос, откинувшись на спинку стула, протяжно, мужественно и сочно. Те, там за столом, побороли свое смущение, подпевают, хлопают по столу, визжат и паясничают: «Был у ме-ее-ня това-арищ». Но Франц во время пения вспомнил, что, собственно, ему хотелось спеть. Ведь вот стоял он на дворе, а сейчас доволен, что вспомнил, и ему все равно, где он в данную минуту находится, он распелся, ту песню он непременно должен спеть, и оба еврея как будто опять перед ним и опять, конечно, ссорятся, как, бишь, звали того поляка и славного старого господина; нежность, чувство благодарности; и Франц пускает в глубину пивной, словно фанфару: «Несется клич, как грома гул, как звон мечей и волн прибой: на Рейн, на Рейн, на Рейн, родной! Мы встанем крепкою стеной, отчизна, сохрани покой, отчизна, сохрани покой, не отдадим наш Рейн родной, не отдадим наш Рейн родной». Все это осталось позади, это мы знаем, и теперь мы сидим здесь, и жизнь так хороша, так хороша, все так хорошо.

---

Leipzig: F. A. Brockhaus, 1935). Строки из этого стихотворения появляются в романе несколько раз: сначала – когда Биберкопф ссорится со своим фронтowym другом, а затем – когда на сцене появляется новый «товарищ» Биберкопфа – Рейнхольд (см. с. 314 наст. изд.).

После этой песни компания за столом притихла. Один из новеньких как будто уговаривает других, и все, по-видимому, обойдется тихо и мирно; Дреске сидит, сгорбившись, и почесывает голову, хозяин выходит из-за стойки, поводит носом и садится за столик рядом с Францем. Франц приветствует в конце своей песни всю жизнь, во всей ее полноте, размахивает кружкой: «Ваше здоровье!» – ударяет рукой по стулу, сияет, теперь все хорошо, он сыт, куда же это запропастилась Лина, он ощущает свое полное лицо, он – крепкий человек, в теле, со склонностью к ожирению. Никто не отвечает. Молчание.

Но вот кто-то из той компании перебрасывает ногу через стул, застегивает куртку на все пуговицы, затягивает потуже талию, это один из новых, долговязый, прямой как палка парень, вот тебе и на, и айда церемониальным маршем прямо к Францу, ух, Франц, держись, сейчас получишь затрещину, если новый, конечно, намерен драться. А тот – скок! – садится верхом на столик Франца. Ну, Франц глядит, ждет, что будет дальше: «Послушай, как тебя? Ведь тут в пивной, пожалуй, стульев для тебя еще хватит». Но тот указывает сверху вниз на Францеву тарелку и спрашивает: «Ты что жрал?» – «Я говорю, в пивной стульев еще довольно, если у тебя есть глаза. Скажи-ка, тебя, вероятно, в детстве кипятком ошпарили, а?» – «Не об этом речь. Я хочу знать, что ты тут жрал?» – «Бутерброды с сыром, скотина. Видишь – еще и корки тут для тебя валяются, осел! А теперь убирайся со стола, раз ты

такой неуч». – «Что это были бутерброды с сыром, я и сам по запаху слышу. Да только откуда они у тебя?»

Но Франц, с зардевшимися ушами, уже на ногах; те, там за столом, – тоже, и вот Франц хватает свой столик, опрокидывает его, и новенький – хлоп на пол вместе с тарелкой, пивной кружкой и горчицей. Тарелка – вдребезги. Геншке этого уже ожидал, топает по осколкам, орет: «Стойте, стойте! Чтоб у меня драк не было. У меня в заведении драться не полагается. А кто бузит, тот моментально вылетит вон». Долговязый парень успел подняться – отстраняет хозяина. «Отойдите-ка, Геншке. Драки у нас не будет. Мы только немножко посчитаемся. А если кто-нибудь что сломает, он должен заплатить, и дело с концом». Я сейчас уступил, думает Франц, прижавшись к самому окну, перед жалюзи, но теперь я пойду крушить, только бы меня не задели, черт возьми, только бы не тронули; я всем желаю добра, но быть беде, если только кто-нибудь из них сморозит глупость и заденет меня.

Долговязый тем временем подтягивает штаны, ага, значит, собирается начать. Франц уже видит, что произойдет дальше, но как теперь поведет себя Дреске? А Дреске стоит себе и глазеет. «Орге, да что это у тебя за паршивец? Откуда ты такого сопляка выкопал?» Долговязый возится со своими штанами, спадают они, что ли, так пусть пришьет себе новые пуговицы. Долговязый костит хозяина пивной. «Им все можно. Фашистам рот не затыкают. Что бы они ни брехали, они пользуются у нас свободой слова». А Дреске размахивает

вает где-то позади левой рукой. «Нет, Франц, я в это дело вмешиваться не буду, расхлебывай сам, что ты себе заварил своими поступками и песнями, нет, я вмешиваться не буду, этого еще не хватало».

Несется клич, как грома гул, ах, это та песня, которую он тогда на дворе, и вот люди хотят осквернить ее, хотят рассуждать.

– Фашист, кровопийца! – рычит долговязый, наступая на Франца. – Давай сюда повязку! Ну, живо!

Вот оно, начинается, это они хотят вчетвером на одного, надо прислониться спиной к окну и прежде всего вооружиться стулом. «Давай повязку, тебе говорят! Не то я сам вытащу ее у тебя из кармана. Я требую, чтоб этот субчик выдал повязку». Другие за ним стеной. У Франца в руках стул. Удержите-ка прежде всего вон того. Удержите, понимаете! А потом уж я и сам уйду.

Хозяин обхватил долговязого сзади и умоляет: «Да уходите вы! Биберкопф, уходите отсюда, сейчас же!» Это он боится за свое заведение. Стекла-то, вероятно, не застрахованы, ну что ж, мне плевать. «Ладно, ладно, Геншке, пивных в Берлине сколько угодно, я ведь только подждал Лину. Но почему вы только на их стороне? Почему они выживают человека, когда я каждый вечер сижу у вас, а те двое только в первый раз здесь?» Хозяин, напирая на долговязого, заставил его отступить. Другой из новых, отплеываясь, кричит: «А потому, что ты фашист! У тебя и повязка в кармане. Ха-

кенкрейцлер<sup>242</sup> ты, вот что!»

«Ну так что ж? Фашист и фашист. Я Орге Дреске все объяснил. Что и почему. А вы этого не понимаете, потому и орете». – «Нет, это ты орал, да еще Стражу на Рейне». – «Если вы будете скандалить, как сейчас, да садиться на мой столик, то таким путем никогда не будет покою на свете. Таким путем – никогда. А покой должен быть, чтоб можно было работать и жить, рабочим и торговцам и вообще всем, и чтоб был порядок, потому что иначе нельзя работать. А чем же вы тогда будете жить, вы, горлопаны? Вы же сами пьянеете от своих речей! Вы же только и умеете, что скандалить да зря будоражить людей, пока те и взаправду не обозлятся и не накостыляют вам шею. Кому, в самом деле, охота, чтоб вы ему на мозоль наступали?»

И вдруг он тоже разгорелся, что это с ним поделалось, так и сыпет словами, словно у него что-то прорвалось, и перед глазами плывет кровавый туман: «Ведь вы же преступники, вы сами не знаете, что делаете, эту дурь надо бы у вас из головы повыбить, не то вы весь мир погубите, смотрите, как бы вам не пришлось плохо, живодеры, мерзавцы!»

В нем все так и бурлит, ведь он сидел в Тегеле, жизнь – страшная штука, ах, что за жизнь, тот, о котором поется в песне, это знает, и как мне жилось, Ида, нет, лучше не вспоминать.

---

<sup>242</sup> *Хакенкрейцлер* (букв.: свастиконосец). – Так называли первых нацистов в Австрии.

И он орет и орет под впечатлением этого ужаса, что это тут открывается? Он отчаянно отбивается руками, ногами, надо кричать, надо заглушить это криком. В пивной стон стоит, Геншке остановился недалеко от Франца у столика и не рискует подойти к нему ближе, а тот стоит себе, орет во все горло, все попеременно, захлебывается: «Так что вы мне ничего и сказать не смеее, никто не может подойти и сказать, никто, потому что мы сами все это гораздо лучше понимаем, не для того мы побывали на фронте и валялись в окопах, чтоб вы тут травлей занимались, смутьяны, надо, чтоб был покой, покой, говорю я, и зарубите у себя на носу – покой, и больше ничего (да, в этом все дело, вот мы и приехали, это уж тютелька в тютельку), а кто теперь желает делать революцию и не давать покою, так тех надо повесить, хотя б на целую аллею (черные столбы, телеграфные, длинный ряд по Тегелершоссе, я-то уж знаю), тогда поймете, когда будете болтаться на столбах, тогда, небось, поймете. Так вот, запомните это и поймите, что вы делаете, преступники. (Да, таким образом будет покой, так они угомонятся, это – единственное средство, и мы до этого еще доживем.)»

Бешеный, оцепеневший – наш Франц Биберкопф. Он в ослеплении выкрикивает слова охрипшим горлом, его взгляд застеклился, лицо посинело, вспухло, руки горят, он брызжет слюною, словом – человек не в себе. И при этом пальцы судорожно вцепились в стул, но он только держится за стул. А вдруг он сейчас возьмет стул и начнет им громить

направо и налево?

Внимание, промедление опасно, р-р-разойдись, заряжай, огонь, огонь, пли.

При этом человек, который стоит тут и орет, видит себя самого, слышит себя, но как бы издалека<sup>243</sup>. Дома, эти дома опять хотят обрушиться, а крыши вот-вот соскользнут на него, но нет, не бывать этому, пускай лучше и не пробуют, все равно им, преступникам, это не удастся, нам нужен покой.

В нем бродит мысль: вот-вот начнется, и я что-нибудь сделаю, схвачу кого-нибудь за глотку, нет, нет, я свалюсь, грохнусь на пол – сейчас, в следующую минуту. А я-то думал, что мир успокоился, что наступил порядок. И в сумерках сознания этого человека нарастает ужас: что-то, видно, разладилось в этом мире – уж слишком грозно стоят те там, напротив, он переживает происходящее в каком-то ясновидении.

Но ведь некогда в раю жили два человека, Адам и Ева<sup>244</sup>.

---

<sup>243</sup> ...человек... видит себя самого, слышит себя, но как бы издалека. – Описание точно соответствует симптоматике истерических припадков, с которой Дёблин-психиатр был хорошо знаком как по научной литературе, так и по клинической практике. Как считалось в психиатрии того времени, «ядро истерической личности» проявляется у мужчин «очень выраженно», и чаще всего у бывших военных: последствием пребывания на фронте являются «отчетливые кризисы, панические реакции (...) шатания с потерей памяти, зрительные расстройства» и т. п. (Энциклопедия глубинной психологии. М.: Когито-центр, 1998. Т. 1: Зигмунд Фрейд. Жизнь, Работа, Наследие. С. 633). См. также исключительно верное описание истерического припадка Евы в книге шестой (см. с. 249 наст. изд.).

<sup>244</sup> Но ведь некогда в раю жили два человека, Адам и Ева. – Ср.: Быт. 2: 23.

А раем был чудный сад Эдем. И резвились в нем звери и всякие птицы.

Ну уж если этот человек не сумасшедший. Нападавшие останавливаются в нерешительности, и даже долговязый только усиленно сопит носом и подмигивает Дреске: не сесть ли лучше снова за стол да завести другой разговор? И Дреске, заикаясь, говорит в наступившей тишине: «Так, значит, Франц, т-т-теперь ты, может быть, п-п-пойдешь своей дорогой, Франц, мо-ожешь опустить стул, ты теперь до-до-довольно наговорился». Во Франце что-то стихает, гроза пронеслась мимо. Пронеслась. Слава богу, пронеслась! Его лицо бледнеет, спадает.

А те стоят у своего столика, долговязый уже сел и пьет пиво. Лесопромышленники настаивают на таком-то пункте договора<sup>245</sup>, Крупп предоставляет своим пенсионерам умирать с голоду, в Германии полтора миллиона безработных, за две недели число их возросло на 226 000<sup>246</sup>.

Стул выпал у Франца из руки, рука обмякла, голос его

---

См. также примеч. 1.

<sup>245</sup> *Лесопромышленники настаивают на таком-то пункте договора...* – Предположительно, газетная цитата; источник не установлен.

<sup>246</sup> *...Крупп предоставляет своим пенсионерам умирать с голоду, в Германии полтора миллиона безработных, за две недели число их возросло на 226 000.* – Монтаж из заголовков статей передовицы газеты «Роте фане», официального органа Коммунистической партии Германии, за 19 декабря 1927 г. Крупнейший промышленный концерн Германии, принадлежавший семье Круппов, возглавлял в те годы Густав Крупп (1870–1950). Зимой 1928/29 г. официальное число безработных в Германии составляло 2,4 млн человек.

звучит как всегда, он стоит, опустив голову, те там его больше не волнуют: «Ладно, ухожу. С нашим удовольствием. А до того, что происходит у вас в головах, мне дела нет».

Те слушают, не удостоивая его ответом. Пусть презренные подлецы-ренегаты с одобрения буржуазии и социал-патриотов обливают грязью советскую конституцию<sup>247</sup>. Это только ускорит и углубит разрыв революционных рабочих Европы с шейдемановцами<sup>248</sup> и так далее. Угнетенные массы – за нас!

Франц берется за шапку: «Мне жаль, Орге, что мы разошлись таким образом, из-за такого дела». Он протягивает Дреске руку, но тот не берет ее и молча садится на свое место. Кровь польется, кровь польется, кровь польется, как вода.

---

<sup>247</sup> Пусть презренные подлецы-ренегаты... обливают грязью советскую конституцию. – Источник цитаты неизвестен; предположительно, фрагмент статьи из коммунистической газеты зимы 1927/28 г.

<sup>248</sup> Шейдемановцы – сторонники Филиппа Шейдемана (1865–1939), деятеля правого крыла германской социал-демократии. По профессии он был типографским рабочим. С 1911 г. стал членом правления СДПГ. Неоднократно избирался в рейхстаг. В октябре 1918 г., стремясь предотвратить революцию, вошел в правительство Макса Баденского; 9 ноября провозгласил республику. Тогда же возглавил правительство (Совет народных уполномоченных), но вскоре (в июне 1919 г.) был вынужден уйти с поста главы правительства из-за несогласия с условиями Версальского мирного договора. После этого он неоднократно высказывался против милитаристского курса и реакционных тенденций в Веймарской республике, чем навлек на себя неприязнь правых. Шейдеман, однако, был излюбленной мишенью для критики не только со стороны реакционеров, но и со стороны левых, которые клеймили его как предателя «революционного рабочего класса».

– Ладно, тогда я пойду. Сколько с меня, Геншке? И за кружку, и за тарелку тоже.

Таков порядок. На 14 детей – одна фарфоровая чашка. Распоряжение министра Хиртцифера по вопросу об улучшении быта детей: опубликованию не подлежит. Ввиду недостаточности имеющихся в моем распоряжении средств предлагаю принимать во внимание лишь те случаи, когда не только количество детей особенно велико, например достигает 12, но и когда тщательное воспитание детей, ввиду общих экономических условий, требует совершенно особых жертв и все же проводится образцово<sup>249</sup>.

Кто-то затягивает Францу вслед: «Славься в победном венке, селедки хвост с картошкой в горшке»<sup>250</sup>. Пускай парень сотрет у себя с зада горчицу. Жаль, что не попался он мне под руку. Но Франц уже надел шапку. Ему приходит на память Гакеский рынок, гомосексуалисты, седовласый газетчик с его журнальчиками, и, как ему ни хотелось, секунда

---

<sup>249</sup> *На 14 детей – одна фарфоровая чашка. Распоряжение министра Хиртцифера ~ проводится образцово.* – Заметка, опубликованная в газете «Роте фане» 29 декабря 1927 г. Хиртцифер Генрих (1876–1941) стал в 1921 г. министром Пруссии по социальным вопросам; будучи центристом, он сочувствовал левым партиям, много занимался вопросами улучшения материального благосостояния низших слоев общества. В 1933 г. Хиртцифер был арестован и заключен в концентрационный лагерь.

<sup>250</sup> «Славься в победном венке, селедки хвост с картошкой в горшке». – Популярная пародия на гимн кайзеровской Пруссии, написанный в 1790 г. композитором Генрихом Херрисом (1762–1802) и начинавшийся словами: «Слава тебе, в победном венке, | Правитель отчизны! | Слава тебе, кайзер!»

колебания, он уходит.

Вот он на улице, на морозе. У самой пивной – Лина, только что подошла. Они идут медленно. Охотнее всего он вернулся бы назад и объяснил бы своим противникам, какие они безумцы. Ну да, безумцы, им просто морочат головы, а сами по себе они вовсе не такие, даже этот долговязый, нахал-то, который шлепнулся на пол, даже и тот не так уж плох. Они просто не знают, куда девать избыток сил, свою горячую кровь, у них слишком горячая кровь, а доведись им побывать там, в Тегеле, или вообще что-нибудь пережить, у них в мозгах-то и прояснилось бы, да еще как.

Он ведет Лину под руку, озирается на темной улице. Могли бы, кажется, зажечь больше фонарей. И что это людям постоянно нужно, сначала гомосексуалистам, до которых ему нет дела, теперь вот красным? Какое мне до всего этого дело, пусть сами со своим говном разбираются. Оставили бы человека сидеть, как сидит, так нет же, даже пива спокойно выпить не дадут. Эх, пойти бы теперь назад и разнести этому Геншке всю его лавочку. И снова загораются и наливаются кровью глаза у Франца, снова вздуваются жилы на лбу и пухнет нос. Но это проходит, он цепляется за Лину, царапает ей кисть руки, Лина улыбается: «Это, – говорит, – ты можешь спокойно делать, Францекен. Вон у меня теперь какая хорошенькая царапинка на память о тебе».

«Давай кутнем, Лина, в эту паршивую пивную я больше не пойду, будет с меня, курят там, курят, а в клетке сидит

этакий маленький щегленок и чуть не задыхается, а им все нипочем». И он объясняет ей, насколько он был только что прав, и она тоже это находит. Они садятся в трамвай и едут к Янновицкому мосту<sup>251</sup>, в танцевальный зал Вальтерхена<sup>252</sup>. Он едет в том, в чем был, и даже Лине не дает переодеться. хороша, говорит, и так. А толстушка, когда они уже ехали в трамвае, вытащила из кармана листок, совсем измятый. Это она принесла Францу. Это – Вестник мира, воскресный выпуск<sup>253</sup>. Франц говорит, что таким листком не торгует, жмет ей руку и восхищается красивым названием и заголовком статьи на первой странице: «Через несчастье – к счастью!»<sup>254</sup>

Ручками мы хлоп, хлоп, ножками мы топ, топ, рыбы, птицы, весь день – рай<sup>255</sup>.

Вагон трамвая трясет, Франц и Лина, склонившись над листком, читают при тусклом свете лампочки стихотворение на первой странице, которое Лина отметила карандашом: «Лучше вдвоем» Э. Фишера: «Не лучше ли вдвоем идти по

---

<sup>251</sup> *Янновицкий мост* – мост через Шпрее и район на востоке Берлина.

<sup>252</sup> ...*танцевальный зал Вальтерхена*. – Трактир с танцевальной площадкой при небольшой гостинице у Янновицкого моста, хозяином которой был некто Г. Вальтер.

<sup>253</sup> ...*Вестник мира, воскресный выпуск*. – «Вестник мира» – еженедельная газета, издававшаяся «Христианским трактатным обществом» в Касселе.

<sup>254</sup> «*Через несчастье – к счастью!*» – Статья, опубликованная в «Вестнике мира» № 25 за 17 июня 1928 г. См. также примеч. 163.

<sup>255</sup> *Ручками мы хлоп, хлоп... рыбы, птицы, весь день – рай*. – Фраза составлена из слов песни из оперы Э. Хампердинка (см. примеч. 2 и 61 к книге второй) и начала библейской Книги Бытия (см.: Быт. 1: 20–22).

жизни тяжкому пути, вдвоем-то лучше идти! Ведь оступить-ся так легко и до беды недалеко, покуда ты один идешь, покуда друга не найдешь. Коли душа твоя чиста, зови в попутчики Христа. С тобой повсюду и везде, поможет он в любой беде. Дороги знает он и все пути, подскажет он тебе, куда идти»<sup>256</sup>.

Пить-то все-таки еще хочется, думает между прочим во время чтения Франц, двух кружек мало, а от разговоров тем более в горле пересохло. Затем ему вспомнилось, как он пел; он почувствовал себя дома и стиснул Лине локоть.

Та чует утреннее благорастворение воздушных. Проходя по Александрштрассе на Гольцмарктштрассе<sup>257</sup>, она мягко прижимается к нему: Не объявить ли им себя в скором времени настоящими женихом и невестой?

---

<sup>256</sup> ...«Лучше вдвоем» Э. Фишера: «Не лучше ли вдвоем ~ подскажет он тебе, куда идти». – Дёблин полностью цитирует первую, вторую, четвертую и пятую строфы (из шести) стихотворения некоего Э. Фишера «Лучше вдвоем», напечатанного в том же номере «Вестника мира», что и статья «Через несчастье – к счастью!» (см. примеч. 164); вырезка из газеты была приложена к рукописи. См. также примеч. 163.

<sup>257</sup> Гольцмарктштрассе – большая улица вдоль реки Шпрее на востоке Берлина, в районе Янновицкого моста.

# Вот он какой, наш Франц Биберкопф! Под стать античным героям!

В этом Франце Биберкопфе, бывшем цементщике, перевозчике мебели и так далее, а в настоящее время газетчике, почти сто кило живого веса. Он силен как кобра<sup>258</sup> и снова состоит членом атлетического клуба. Он носит зеленые обмотки, башмаки с гвоздями и непромокаемую куртку. Денег вы у него много не найдете, они поступают к нему постоянно, но мелкими суммами, тем не менее пусть-ка кто-нибудь попробует его задеть.

Мучают ли его, после того, что было – Ида и так далее, – угрызения совести, кошмары, тревожные сны, терзания, эринии<sup>259</sup> времен наших прабабушек? Ничего подобного! Необходимо учесть изменившееся положение. В свое время преступник был человек, проклятый Богом (откуда ты это знаешь, дитя мое?) перед алтарем, например Орест, который убил Клитемнестру<sup>260</sup>, и имя-то такое, что не выговоришь,

---

<sup>258</sup> *Он силен как кобра...* – См. примеч. 1.

<sup>259</sup> *Эринии* – в греческой мифологии богини мести, обитающие в царстве Аида и карающие муками тех, кто нарушил закон.

<sup>260</sup> *...например Орест, который убил Клитемнестру...* – Далее Дёблин вкратце пересказывает один из самых известных античных мифов – миф об Оресте, перемежая древний сюжет реминисценциями об убийстве главным героем своей подруги Иды. Орест был сыном микенского царя, предводителя греческого войска в Троянской войне, Агамемнона и его супруги Клитемнестры. Клитемнестра

но ведь как-никак она была его мать. (Да вы, собственно, про какой алтарь толкуете? Ну-ка, найдите у нас церковь, которая оставалась бы открытой ночью!) То-то, я и говорю, что положение изменилось. Хой-хо, ату его – разевают на него пасти страшные чудища, косматые ведьмы со змеями в волосах, собаки без намордников, в общем довольно несимпатичный зверинец, но добраться до него не могут, потому что он стоит у алтаря: это, знаете, такое было у античного мира представление; и вся эта нечисть пляшет вокруг него, в том числе и собаки. Без арф, как поется в песне, происходит эта пляска эриний<sup>261</sup>, которые затем обвиваются вокруг преступника: умопомешательство, смятение чувств, словом – подготовка для желтого дома.

Нет, Франца Биберкопфа они не мучают. Так и запишем, приятного аппетита, с повязкой в кармане, он выпива-

---

вместе со своим любовником Эгисфом убила вернувшегося с войны Агамемнона; Орест отомстил за отца, убив Клитемнестру, после чего его начали преследовать эринии, карающие грех матереубийства. По совету Аполлона Орест обратился за помощью к Афине, которая предала дело об убийстве Клитемнестры на рассмотрение созываемого ею специального суда афинских старейшин. Благодаря заступничеству Афины голоса делятся поровну, что по условиям суда означает оправдание Ореста. Миф об Оресте лег в основу трагедии Эсхила «Орестея».

<sup>261</sup> *Без арф... происходит эта пляска эриний...* – Дёблин парафразирует слова хора из трагедии Эсхила «Эвмениды» (ст. 330). Ср. в переводе С. Апта: «Высушит мозг, сердце скует | Чуждый струнам гневный напев. | Черная песнь эриний» (ст. 332–334). В оригинале здесь: монтаж цитат из «Орестеи» Эсхила в популярном немецком переводе драматурга и музыкального критика, ученика Р. Вагнера, Ганса фон Вольцогена (1848–1938), первое издание которого вышло в 1877 г.

ет, у Геншке ли или в другом месте, одну кружку пива за другой, пропуская между ними рюмочку очищенной, так что сердце радуется. Таким образом, бывший перевозчик мебели, а ныне газетчик Франц Биберкопф из Берлина, в конце 1927 года существенно отличается от прославленного древнего Ореста. В чьей шкуре быть лучше?

Франц убил свою невесту Иду, фамилия тут, извините, ни при чем, в расцвете ее лет. Началось это дело во время крупного разговора между Францем и Идой в квартире ее сестры, причем перво-наперво были слегка повреждены следующие органы женщины: кожа на носу, на самом кончике и посередке, находящаяся под нею кость с хрящом, что, однако, было обнаружено лишь в больнице и сыграло затем не последнюю роль в суде, и, наконец, плечи – правое и левое, на них оказались легкие ссадины и кровоподтеки. Но затем объяснение молодых людей приняло более оживленный характер. Выражения «потаскун» и «сутенер» привели крайне щепетильного в вопросах чести, хотя и сильно опустившегося Франца Биберкопфа, весьма расстроенного в тот день еще и по другим причинам, в невероятное возбуждение. В нем трепетала каждая жилочка. В руки он взял только небольшую мутовку для сбивания сливок, потому что он уж и тогда тренировался и растянул себе при этом сухожилие на руке. И вот эту самую мутовку с проволочной спиралью он мощным двукратным размахом привел в соприкосновение с грудной клеткой Иды, своей партнерши в вышеупомянутом разгово-

ре. Грудная клетка Иды была до того дня совершенно целой, без малейшего изъяна, чего, однако, нельзя было сказать о всей маленькой особе, крайне миловидной и привлекательной; кстати: живший за ее счет мужчина подозревал не без оснований, что она собиралась дать ему отставку в пользу некоего появившегося на ее горизонте бреславльца<sup>262</sup>. Как бы то ни было, грудная клетка миловидной девицы оказалась неприспособленной к столь стремительному соприкосновению с мутовками. Уже после первого удара Ида взвизгнула ай! и крикнула Францу, не: Сутенер поганый, а: Опомнись! Что ты делаешь? Вторая встреча с мутовкой последовала при неподвижном положении тела Франца и после четверти оборота вправо со стороны Иды. В результате каковой встречи Ида вообще больше ничего не сказала, а только как-то странно, рыльцем, раскрыла рот и взмахнула обеими руками.

То, что произошло за секунду до этого с грудной клеткой молодой женщины, тесно связано с законами ломкости и упругости, действия и противодействия. Без знания этих законов оно вообще непонятно. Тут придется прибегнуть к следующим формулам:

Первый закон Ньютона гласит: Каждое тело пребывает в состоянии покоя до тех пор, пока действие какой-либо силы не заставит его изменить свое состояние (это относится к ребрам Иды). Второй закон Ньютона о движении гласит: Изменение движения пропорционально действующей силе и

---

<sup>262</sup> *Бреславлец* – житель Бреславля, города в Польше.

имеет одинаковое с ней направление<sup>263</sup> (действующая сила – Франц, вернее – его рука и кулак с содержимым). Величина силы выражается следующей формулой:

$$f = \text{elim} \frac{\overline{\Delta v}}{\Delta t} = cw.$$

Вызванное силою ускорение, то есть степень вызванного ею нарушения покоя, выражается формулой:

$$\Delta v = \frac{1}{c} f \Delta t.$$

Согласно этому, следует ожидать, да оно так и было в действительности: спираль мутовки сжалась и удар был нанесен непосредственно деревянной рукояткой. А на другой стороне, так называемой инертной или противодействующей, получилось: перелом 7-го и 8-го ребер по задней левой подмышечной линии.

При таком соответствующем духу времени рассмотрении

---

<sup>263</sup> *Первый закон Ньютона гласит ~ одинаковое с ней направление...* – Формулировки законов и формулы приводятся, скорее всего, по немецкому гимназическому учебнику физики, изданному ок. 1900 г. Точный источник не известен.

всех этих обстоятельств можно прекрасно обойтись без эриний. Можно шаг за шагом проследить, что сделал Франц и что претерпела Ида. В этом уравнении нет неизвестного. Остается только перечислить стадии начатого таким образом процесса: потеря со стороны Иды вертикального положения и переход ее в горизонтальное как следствие сильного толчка и одновременно затруднение дыхания, сильная боль, испуг и физиологическое нарушение равновесия. И тем не менее Франц убил бы, как разъяренный лев<sup>264</sup>, эту столь близко знакомую ему порочную особу, если бы из соседней комнаты не примчалась ее сестра. Перед визгливой бранью этой бабы он немедленно ретировался, а вечером его уже сцапали неподалеку от его квартиры во время полицейского обхода района.

«Хой-хо-хой!»<sup>265</sup> – кричали древние эринии. О ужас, ужас, что за вид – проклятый Богом человек у алтаря, с обгагранными кровью руками<sup>266</sup>. Как эти чудища хрипят: Ты спишь? Прочь сон, прочь забытье! Вставай, вставай! Его

---

<sup>264</sup> ... Франц убил бы, как разъяренный лев... – Сравнение героя со львом переключается с дальнейшим упоминанием о Киферском лесе (см. с. 103 наст. изд.). В этом лесу обитал опустошавший окрестности кровожадный лев, который был убит Гераклом.

<sup>265</sup> «Хой-хо-хой!» – Дёблин пародирует реплики хора эриний из трагедии Эсхила «Эвмениды».

<sup>266</sup> О ужас... проклятый Богом человек у алтаря, с обгагранными кровью руками. – Намек на Ореста, каким он предстает перед зрителями в начале трагедии Эсхила «Эвмениды».

отец, Агамемнон, много лет тому назад отправился походом на Трои. Пала Троя, и запылали оттуда сигнальные огни<sup>267</sup>, от горы Иды через Афон зажглись смолистые факелы до самого Киферского леса<sup>268</sup>.

Как прекрасно, к слову сказать, это огненное донесение из Трои в Грецию! Какое величие – это шествие огня через море; это – свет, сердце, душа, счастье, экстаз!<sup>269</sup>

Вот вспыхивает темно-багровое пламя и заревом разли-  
вается над озером Горгопис<sup>270</sup>, его увидел страж и кричит  
и радуется, вот это жизнь, и вспыхивает следующий костер,  
и передаются дальше радостная весть и возбуждение и ли-  
кование, все вместе, единым взлетом через залив, в стреми-

---

<sup>267</sup> *Пала Троя, и запылали оттуда сигнальные огни...* – Когда Троя была взята греками, на Иде (горная цепь в Малой Азии) зажгли костер; его увидели на заморской горе и зажгли другой костер, и так, от горы к горе, известие о победе дошло до Халкиды и до столичного Аргоса. В оригинале Дёблин парафразирует рассказ Клитемнестры из трагедии Эсхила «Агамемнон». Ср. в переводе С. Апта: «Гефест, пославший с Иды витовой огонь. | Огонь огню, костер костру известие | Передавал» (ст. 293–295).

<sup>268</sup> *Киферский лес* – лес у подножия горы Киферон, в горной цепи между Беотикой и Аттикой. Считалось, что в этой горе, знаменитой своими пещерами, живут эринии. См. также примеч. 174.

<sup>269</sup> *...свет, сердце, душа, счастье, экстаз!* – Здесь и дальше Дёблин пародирует патетический стиль экспрессионистских манифестов. Интересно, что первая драма экспрессионизма – «Троянки» (1915) Ф. Верфеля (1890–1945) – была написана на мифологический сюжет из истории Троянской войны.

<sup>270</sup> *Озеро Горгопис* (или Горгоино озеро) – находится на Коринфском перешейке.

тельном беге к вершине Арахнейона<sup>271</sup>, и, накалившись докрасна, все сливается в неистовых кликах: Агамемнон возвращается!<sup>272</sup> Что ж, с такой постановкой мы тягаться не в силах. Тут нам приходится спасовать.

Мы пользуемся для передачи донесений кой-какими результатами опытов Генриха Герца<sup>273</sup>, который жил в Карлсруэ, рано умер и, по крайней мере на фотографии в Мюнхенском музее графики, носил окладистую бороду. Мы посылаем радиogramмы. Мы получаем на больших станциях переменные токи высокой частоты. При помощи колебательного контура мы вызываем электрические волны. Колебания распространяются сферически. А затем там есть еще катодная лампа и микрофон, мембрана которого колеблется то чаще, то реже, и таким образом получается звук точь-в-точь такой, какой поступил перед тем в аппарат<sup>274</sup>, это паразитально, утонченно, каверзно. Восхищаться этим едва ли возможно; эта штука действует – вот и все!

То ли дело сигнализирующий смоляной факел при воз-

---

<sup>271</sup> *Арахнейон* (или Утес Арахны) – гора недалеко от Аргоса.

<sup>272</sup> *Агамемнон возвращается!* – Реплика Вестника из трагедии Эсхила «Агамемнон»; ср. в переводе С. Апта: «(...) он идет сюда, | Владыка Агамемнон (...)» (ст. 27–28).

<sup>273</sup> *Генрих Герц* (1857–1894) – немецкий физик. Экспериментальным путем доказал существование электромагнитных волн. Подтвердил тождественность основных свойств электромагнитных и световых волн.

<sup>274</sup> *Мы посылаем радиogramмы ~ поступил перед тем в аппарат.* – Еще одна искаженная цитата из учебника по физике (см. примеч. 173). Радиотехника была одним из хобби Дёблина, что отразили многочисленные фотографии писателя.

вращении Агамемнона.

Он горит, он пылает, в каждое мгновение, в каждом месте он чувствует, он возвещает: Агамемнон возвращается! – и все вокруг ликует. Тысячи людей воспламеняются в каждом месте: Агамемнон возвращается! И вот их уже десять тысяч, а по ту сторону залива – сто тысяч.

Однако вернемся к сути дела. Агамемнон у себя дома<sup>275</sup>. Но тут получается уж что-то совсем иное. Клитемнестра, получив мужа обратно, предлагает ему выкупаться. В ту же минуту обнаруживается, что она – невероятная дрянь. Она набрасывает на него в воде рыбацью сеть, так что он не в состоянии пошевелиться, а в руках у нее топор, который она захватила с собой будто для того, чтоб наколоть дров. Муж хрипит: «Горе мне, я погиб!»<sup>276</sup> Люди спрашивают: «Кто это там себя оплакивает?»<sup>277</sup> А он: «Горе мне, горе мне!» Но античная женщина-зверь убивает его, не дрогнув бровью, а потом еще и похваляется: «Покончила я с ним; рыбацьею сетью опутала его я и дважды нанесла удары. Когда ж, вздохнув два раза, вытянулся он, последним, третьим я ударом отправила его в Гадес»<sup>278</sup>. Старейшины огорчены, но все же

---

<sup>275</sup> *Агамемнон у себя дома*. – Далее возобновляется пересказ событий трагедии Эсхила «Агамемнон».

<sup>276</sup> «Горе мне, я погиб!» – Эсхил. Агамемнон. 1344; ср. в переводе С. Апта: «Еще один удар! О горе, горе мне!»

<sup>277</sup> «Кто это там себя оплакивает?» – Там же. 1343 (реплика хора); ср. в переводе С. Апта: «Тише! Кто-то стонет, кто-то насмерть поражен!»

<sup>278</sup> «Покончила я с ним... третьим я ударом отправила его в Гадес». – Там

находят подходящий для данного случая ответ: «Восхищены мы смелостью твоих речей»<sup>279</sup>. Так вот какова была та античная женщина-зверь, которая, вследствие супружеских утех с Агамемноном, родила мальчика, нареченного при появлении на свет Орестом. Впоследствии она была убита этим плодом вышеупомянутых утех, а убийцу терзают за это эринии.

Совершенно иначе обстоит дело с Францем Биберкопфом. Не прошло и пяти недель, как его Ида умерла в Фридрихсхайнской больнице от сложного перелома ребер с повреждением плевры и легкого и последовавших затем эмпиемы плевры<sup>280</sup> и воспаления легкого, боже мой, температура не понижается, Ида, на кого ты похожа, поглядишь в зеркало, боже мой, ей приходит конец, каюк, крышка. Ну, произвели вскрытие, а затем зарыли ее в землю на Ландсбергераллее<sup>281</sup>, на три метра вглубь. Умерла она с ненавистью к Францу, а его неистовая злоба к ней не укротилась даже и после ее смерти, потому что ее новый друг, бреславлец, навещал ее в

---

же. 1380; ср. в переводе С. Апта: Ударил его я дважды. Дважды вскрикнул он и рухнул наземь. И уже лежавшему — В честь Зевса Подземельного, спасителя Душ мертвецов, — я третий нанесла удар. (1383–1386)

<sup>279</sup> «Восхищены мы смелостью твоих речей». — Там же. 1398; ср. в переводе С. Апта: «Дивимся мы речам твоим и наглости».

<sup>280</sup> Эмпиема плевры — скопление гноя в плевральной полости.

<sup>281</sup> Ландсбергераллее — проспект на северо-востоке Берлина; рядом с Ландсбергераллее находилось одно из самых больших кладбищ города.

больнице. Теперь она лежит под землею<sup>282</sup> уже пять лет, вытянувшись на спине, и доски гроба уже прогнили, а сама она растекается жижею, она, которая когда-то танцевала с Францем в кафе «Парадиз», в Трептове, в белых парусиновых туфельках, она, которая так много любила и болтала, теперь она лежит, не шелохнется, просто – ее больше нет.

А он отсидел свои четыре года. Тот, кто убил ее, гуляет на свободе, живет себе, процветает, жрет, пьет, извергает семя, распространяет новую жизнь. Даже сестра Иды не избежала его. Конечно, когда-нибудь и ему придется расстаться с жизнью. Все умрем, все там будем. Но ему до этого еще далеко. Об этом он знает. И что пока он будет продолжать закусывать в пивных и на свой манер воздавать хвалу раскинувшемуся над Александрплац небу: С каких это пор бабушка твоя играет на тромбоне<sup>283</sup>, или: Мой попугай не любит яйца всмятку<sup>284</sup>.

А где теперь красная ограда тегельской тюрьмы, так пу-

---

<sup>282</sup> *Теперь она лежит под землею...* – Рассказывая историю Иды, а затем Мици, Дёблин использует типичный для средневековой и барочной литературы и иконографии мотив *vanitas* – скоротечности, бренности всего сущего, связанный с образом «безжалостной смерти», разрушающей преходящую плотскую красоту. Вообще, в романе возникают почти все известные в европейской культуре образы смерти: смерть-победитель (*mors triumphans*), пляска смерти (*Todestanz*), «безжалостная смерть» из народной песни о смерти и девушке и т. д.

<sup>283</sup> *С каких это пор бабушка твоя играет на тромбоне...* – Предположительно, слова популярного в 1920-е гг. шлягера.

<sup>284</sup> *...Мой попугай не любит яйца всмятку.* – Слова популярнейшего шлягера В. Колло на слова Г. Фрея.

гавшая его, он еще никак не мог оторваться от нее? Привратник стоит у черных железных ворот, вызывавших когда-то у Франца такое отвращение, ворота по-прежнему на своих петлях, никому не мешают, по вечерам их запирают, как это делают со всякими порядочными воротами. Сейчас до обеда перед ними стоит, покуривая трубку, привратник. Светит солнце, все то же самое солнце, о котором можно в точности предсказать, когда оно будет находиться в той или иной точке. Покажется ли оно вообще – зависит от облачности. Из трамвая № 41 как раз выходят несколько человек с цветами и маленькими пакетиками в руках, вероятно, направляются в санаторий, который виднеется вон там, прямо и налево по шоссе; люди, по-видимому, сильно зябнут. Деревья стоят черным рядом. А в тюрьме все еще сидят в камерах арестанты, работают в мастерских, прогуливаются гуськом по двору. Строгое предписание: выходить в часы отдыха не иначе как в котях<sup>285</sup>, шапке и шейном платке. Обход камер начальником: «Каков был вчера ужин?» – «Мог бы быть лучше, а порции больше!» Но об этом он не хочет слышать, представляется глухим. «Как часто сменяют постельное белье?» Будто он и сам не знает.

Кто-то из одиночников пишет: «Впустите сюда солнце. Это – лозунг, раздающийся ныне во всем мире. И только здесь, за стенами темницы, не нашел он еще отклика. Неужели же мы не стоим того, чтобы нам светило солнце? Система

---

<sup>285</sup> *Коты* – вид мужской обуви, галоши.

расположения тюремных зданий такова, что стороны некоторых флигелей круглый год не освещаются солнцем, северо-восточные стороны флигелей. В эти камеры не попадает ни одного луча, который передал бы их обитателям привет из внешнего мира. Из года в год эти люди должны работать и хиреть без живительного солнечного света»<sup>286</sup>. Тюрьму собираются осматривать какая-то комиссия. Надзиратели бегают из камеры в камеру.

Другой пишет: «В прокуратуру при ландгерихте. Во время слушания моего дела в уголовном отделении ландгерихта председательствовавший в заседании господин председатель ландгерихта сообщил мне, что после моего ареста какой-то неизвестный приходил ко мне на квартиру, Элизабетштрассе, 76, за моими вещами и таковые унес с собою. Это обстоятельство установлено данными дела. Ввиду же того, что это установлено данными дела, должно было быть произведено по требованию полиции или прокуратуры соответствующее расследование. Мне ни с какой стороны ничего не сообщалось о похищении моих вещей после моего ареста, пока я не узнал об этом в день слушания моего дела. Ввиду изложен-

---

<sup>286</sup> Кто-то из одиночников пишет: «Впустите сюда солнце ~ люди должны работать и хиреть без живительного солнечного света». – Текст письма принадлежит самому Дёблину; его содержание приобретает метафорический и зловещий характер, если вспомнить, что несколькими абзацами выше речь шла об Иде, похороненной на кладбище, находящемся на северо-востоке Берлина (ср. с «северо-восточными сторонами флигелей» в письме). О мотиве солнца см. примеч. 131.

ного прошу господина прокурора уведомить меня о результатах расследования или же выдать мне на руки копию имеющегося в деле протокола на предмет предъявления иска о возмещении убытков, если со стороны моей квартирной хозяйки была допущена небрежность»<sup>287</sup>.

Что же касается фрау Минны, сестры Иды, то ей живется неплохо, благодарю вас, вы очень любезны. Сейчас 11 часов 20 минут, она как раз возвращается с рынка на Аккерштрассе, – это большое желтое городское здание, имеющее выход и на Инвалиденштрассе. Но она предпочитает выход на Аккерштрассе, потому что тут ей немножко ближе к дому. Она купила свиную голову, цветной капусты и немного сельдерея. Перед рынком она покупает с воза еще большую жирную камбалу, а также пакетик ромашки; потому что – почем знать? – ромашка всегда может пригодиться<sup>288</sup>.

---

<sup>287</sup> «В прокуратуру при ландгерихте ~ допущена небрежность». – Дёблин, по всей видимости, цитирует подлинный документ. Ландгерихт – земский суд.

<sup>288</sup> ...ромашка всегда может пригодиться. – Слоган рекламы ромашкового чая тех лет.

## Книга третья

Здесь Франц Биберкопф, этот порядочный, благонамеренный человек, переживает первое потрясение. Его обманывают. Удар нанесен метко...

Биберкопф поклялся, что хочет остаться порядочным человеком, и вы видели, как он целыми неделями действительно остается им, но это до некоторой степени лишь отсрочка. Жизнь находит это, в конце концов, слишком деликатным и коварно подставляет Францу ножку. А ему, нашему Францу Биберкопфу, такой поступок кажется со стороны жизни не особенно корректным, и в течение изрядного времени ему претит такое гнусное, собачье, противоречащее всем добрым намерениям существование.

Почему жизнь поступает с ним таким образом, он никак не может понять. Ему предстоит пройти еще долгий путь, пока он это поймет.

## Вчера еще на гордых конях<sup>289</sup>

Так как приближается Рождество, Франц меняет свое амплуа, теперь он торгует разным случайным товаром, несколько часов утром или после обеда специализируется по части шнурков для ботинок, сперва один, а потом в компании с Отто Людерсом. Этот Людерс уже два года как безработный, жена его прачка. Познакомила Франца с ним Лина-толстуха, он приходится ей дядей. Летом он ходил две недели в качестве сэндвича для Рюдерсдорфских мятных лепешек<sup>290</sup>, с султаном на голове и в ливрее. Франц и Людерс бегают по улицам, заходят в дома, звонят в квартиры, а потом где-нибудь встречаются.

Как-то раз Франц Биберкопф приходит в пивную. Толстуха уже там. Он в особенно хорошем настроении. Жадно

---

<sup>289</sup> *Вчера еще на гордых конях.* – Третья строка второй строфы известной «Утренней песни всадника» Вильгельма Гауфа (1802–1827). В этом стихотворении, которое представляет собой литературную обработку народной солдатской песни времен Тридцатилетней войны, встречается еще один распространенный в европейской литературе мотив, связанный со смертью: смерть молодого солдата на поле боя (см. примеч. 151 к книге второй о стихотворении Уланда). Представление о том, что большой город – это поля боя, где ты можешь быть сражен в любой момент, было расхожим местом в литературе «новой деловитости» (этот же мотив присутствует в романах Э.-М. Ремарка «Возвращение», Э. Кестнера «Фабиан», Э. Юнгера и др.).

<sup>290</sup> *Рюдерсдорфские мятные лепешки* – сладкая выпечка наподобие пряников, которую делают в городке Рюдерсдорф, недалеко от Берлина.

поедает толстухины бутерброды и, еще прожевывая их, заказывает для всех троих свиные уши с горошком. Толстуху он тискает так, что она после свиных ушей отчаливает, вся красная от стыда. «Вот хорошо, что толстуха-то убралась, Отто». – «Что ж, ей есть куда. Не все же ей таскаться за тобою».

Франц облокачивается на стол и глядит на Людерса как-то снизу вверх. «Ну а как ты думаешь, Отто? Что случилось?» – «А что?» – «Угадай». – «Да что? Говори уж».

Два бокала светлого, один лимон. В пивную, отдуваясь, вваливается новый посетитель, вытирает тыльной стороной руки нос, кашляет. «Чашку кофе». – «С сахаром?» – спрашивает хозяйка, перебивая стаканы. «Нет. Но поживее».

По пивной проходит молодой человек в коричневой кепке<sup>291</sup>, ищет кого-то глазами, греется подле буржуйки, ищет и за Францевым столиком, а затем спрашивает рядом: «Не видели ли вы тут одного человечка в черном пальто с коричневым меховым воротником?» – «А что, он часто бывает здесь?» – «Да». За столиком тот, который постарше, оборачивается к своему бледному соседу. «С коричневым меховым воротником?» – «Много их тут ходит с такими воротниками», – ворчливо отзывается тот. «А вы сами откуда? Кто вас послал?» – спрашивает седой молодого человека. «Да не

---

<sup>291</sup> По пивной проходит молодой человек в коричневой кепке... – Этот персонаж может быть истолкован как один из посланников Смерти, который предупреждает ФБ перед первым ударом. См. также примеч. 105 к книге второй.

все ли вам равно? Раз вы его не видали». – «Потому что здесь много бывает народу с коричневыми меховыми воротниками. Надо же знать, кто вас посылает». – «С какой стати я буду рассказывать вам о своих делах?» – «Но если вы его спрашиваете, – волнуется бледный, – был ли тут такой-то человек, то может же он вас тоже спросить, кто вас сюда прислал?»

Молодой человек стоит уже у другого столика. «Хотя я его и спрашиваю, – говорит он, – вовсе не его это дело, кто я такой». – «Позвольте, раз вы его спрашиваете, то и он может вас спросить. А не то вам нечего и спрашивать». – «Да с какой же стати я буду говорить ему, какие у меня дела?» – «В таком случае ему нечего говорить вам, был ли тут такой человек».

Молодой человек идет к двери, оборачивается: «Если уж вы такой хитрый, то и оставайтесь таким». Распахивает дверь, исчезает.

Те двое за столиком: «Ты его знаешь? Дело в том, что я его не знаю». – «Его никогда здесь не бывало. Черт его знает, что ему нужно». – «Он, по-видимому, баварец». – «Он? Нет, он с Рейна. Из Рейнской области».

А Франц весело скалит зубы, улыбается иззябшему, жалкому Людерсу: «Эх ты, не можешь догадаться. Ну, спроси же, есть ли у меня деньги». – «А что, есть?»

Сжатая в кулак рука Франца уж на столе. Он слегка приоткрывает кулак и гордо ухмыляется: «Ну-ка, сколько тут?» Людерс, этот жалкий человечек, весь подавшись вперед, по-

сасывает дуплистый зуб: «Две десятки? Черт!» Франц бросает бумажки на столик. «Что, здорово? Это мы, брат, сварганили в пятнадцать – двадцать минут. Не дольше, пари?» – «Послушай, ты уж не». – «Да нет же, нет, с чего ты взял? Нет, под столом да с заднего хода у нас дела не делаются. Всё – на честность, Отто, начистоту, по-хорошему, понимаешь».

Тут они начинают шептаться, Отто Людерс придвигается к Францу вплотную. Оказывается, Франц позвонил к какой-то особе – шнурки для ботинок не понадобятся ли, для себя, для супруга, для деток? Она посмотрела шнурки, потом на него посмотрела, поговорили в коридоре, она вдова, еще хорошо сохранившаяся, он ее спросил, нельзя ли чашечку кофе, потому что нынче такая стужа на дворе. Выпили кофе, вместе. – Ну а потом – еще кой-что было. Франц дует себе в кулак, смеется в нос, почесывает щеку, подталкивает Отто коленом: «Я у нее даже весь мой хлам оставил. А она разве что заметила?» – «Кто?» – «Как – кто? Толстуха, конечно, потому что при мне никакого товара не было». – «А пускай замечает, продал все, и дело с концом, где же это было?»

Франц свистит: «Туда, – говорит, – я еще раз схожу, да только не так скоро. Это на Эльзассерштрассе, вдова она. Понимаешь, братец, двадцать марок, это ж хорошее дело». Они едят и выпивают до трех часов, Отто получает пятерку, но не становится от этого веселее.

Кто это крадется на следующее утро со шнурками для ботинок недалеко от Розентальских ворот? Отто Людерс. Он ждет на углу у Фабиша, пока не видит, что Франц удаляется по Брунненштрассе. Тогда он – шмыг вниз по Эльзассерштрассе. А вот и тот самый номер дома. Может быть, Франц уж там, у нее? И как это люди могут так спокойно ходить по улице? Надо будет постоять немного в подъезде. Если появится Франц, надо будет сказать, да что же такое сказать? Как сердце-то бьется. Еще бы, раздражают человека целый день, заработка нет, врач не находит никакой болезни, а наверняка что-нибудь есть. А эти отрепья – хоть помирай, все та же старая одежонка, с военной службы. Ну, теперь наверх.

Он звонит: «Не нужно ли, мадам, шнурков для ботинок? Да нет, я хотел только спросить. Скажите... Да вы послушайте...» Та хочет закрыть дверь, но он просунул ногу, не пускает. «Дело в том, что я пришел не от себя, а мой приятель, вы уж знаете, который был здесь вчера, оставил у вас свой товар». – «О боже!» Она открывает дверь. Людерс входит и быстро запирает за собою. «В чем же дело? О господи!» – «Ничего, ничего, мадам. Чего вы так дрожите?» Он и сам дрожит, он так внезапно попал сюда, а теперь дела не оставишь, будь что будет, ничего, все образуется. Ему бы следовало быть теперь поласковее, да нет голоса, перед ртом, под носом появилась как будто проволочная сетка и тянется по скулам к самому лбу, если онемеют скулы, пропал человек. «Мне велено только взять товар». Дамочка бежит в комнату,

хочет принести пакет, а Людерс уже и сам на пороге. Она, захлебываясь, говорит: «Вот ваш пакет. Господи, господи...» – «Благодарю вас, покорнейше благодарю. Но почему же вы так дрожите, мадам? Здесь же так тепло. Так тепло. А не дадите ли вы и мне чашечку кофе?» Только бы устоять, говорить без умолку и ни за что не уходить, выдержать до конца.

Дамочка худенькая, субтильная, стоит перед ним, стиснув руки: «Он вам еще что-нибудь говорил? Что он вам говорил?» – «Кто? Мой приятель?» Говорить, говорить не переставая, чем больше говоришь, тем больше согреваешься, и сетка щекочет теперь уж только самый кончик носа. «Да больше он ничего не говорил. Чего ж ему еще говорить, про кофе, что ли? А товар – товар я уже получил». – «Я только загляну в кухню». Это она со страху, на что мне ее кофе, кофе я и сам себе сварю, даже еще лучше, а в трактире подадут готовый, это она просто хочет улизнуть, погоди, мы тоже еще тут. Хорошо, что мы в квартиру вошли, быстро устроилось. Но все же Людерсу страшно, он прислушивается, выглядывает за дверь, на лестницу, наверх. Возвращается в комнату. Плохо выспался сегодня, ребенок все кашлял, всю ночь напролет, ну, посидим, что ли? И он садится на красный бархатный диван.

На этом диване у нее и произошло это дело с Францем, а теперь она варит кофе мне, надо снять шляпу, пальцы-то какие холодные – как лед. «Вот вам чашка». А страх-то ее разбирает, дамочка ничего себе, хорошенькая, как тут не со-

грешить, не попытаться. «Что же вы сами не пьете? За компанию?» – «Нет, нет, скоро жилец придет, который у меня эту комнату снимает». Это она, значит, хочет меня спроводить, где у нее тут жилец, должна была бы хоть кровать стоять. «Только и всего? Бросьте. Жилец раньше обеда не вернется, ведь он же на работе. Да, больше мне мой приятель ничего не рассказывал, велел только забрать товар, – сгорбившись, Людерс с наслаждением прихлебывает кофе. – Кофе-то какой горячий. А на улице сегодня холодно, что ж ему было мне еще рассказывать? Разве это правда, что вы вдова, это так и есть?» – «Да». – «Значит, муж ваш умер? На войне убили?» – «Послушайте, я занята. Мне надо готовить». – «Ах, дайте мне еще чашечку. Куда вам торопиться? Такими молодыми мы уж с вами больше не встретимся. А что, детки у вас есть?» – «Уходите, пожалуйста. Вещи вы уже получили, а у меня нет времени». – «Ну, ну, не сердитесь, еще того гляди полицию вызовете, из-за меня вам это можно и не делать, я и так уйду, вот только допью чашку. И что это у вас вдруг времени нет? На днях у вас хватило времени, сами знаете на что. Впрочем, как хотите, я не таковский, я уйду».

Нахлобучивает шляпу, встает, сует сверток со шнурками под мышку, медленно подходит к двери, вот уже миновал ее и вдруг быстро оборачивается: «А денежки? Пожалуйста-ка». Левая рука вытянута, указательный палец подманивает. Дамочка прикрывает рукой рот, маленький Людерс подходит вплотную: «Только крикни у меня. Видно, деньги

даешь, только когда имела мужчину? Что, видишь теперь? Всё знаем. Между приятелями секретов не бывает». Этакое свинство, сука проклятая, еще и траур носит, охотнее всего залепил бы ей в морду, ничем не лучше моей старухи. У дамочки лицо пылает, но только справа, слева оно белее снега. В руках она держит портмоне, перебирает в нем пальцами, а широко раскрытыми глазами уставилась на щупленького Людерса. Ее правая рука протягивает ему монетки. Выражение лица у нее неестественное. Палец Людерса продолжает подманывать. Она высыпает ему в ладонь все, что в портмоне. Тогда он возвращается в комнату, к столу, стаскивает с него красную вышитую скатерть и прячет к себе за пазуху, дамочка кряхтит, не в силах выдавить ни звука или хотя бы раскрыть рот, стоит, не шелохнется, у двери. Он хватает еще две подушки с дивана, затем айда в кухню, выдвигает ящик кухонного стола, роется в нем. Эх, одна старая оловянная дрянь, ну а теперь ходу, не то еще подыметесь шум, крик. Тут дамочка хлоп на пол без чувств, выметайся живо.

По коридору, осторожно закрыть входную дверь, вниз по лестнице и – в соседний дом.

## Сегодня навывлет прострелена грудь<sup>292</sup>

Это было в чудесном раю. Воды кишели рыбою, на земле произрастали деревья, резвились звери земные и морские и птицы.

Но вот что-то зашуршало в листве дерева. Змей, змей, змей высунул голову из листвы, змей жил в раю, и был он хитрее всех зверей полевых, и заговорил он, заговорил с Адамом и Евой<sup>293</sup>.

Неделю спустя Франц, с букетом в тонкой бумаге, неторопливо подымается по лестнице, думает о своей толстухе, упрекает себя, хоть и не совсем всерьез, останавливается, а ведь хорошая она у меня девушка, верная, так что брось ты эти штучки, Франц, ах, ерунда, это ж для дела, дело есть дело<sup>294</sup>. Он звонит, улыбается в предвкушении, ухмыляется, еще бы, горячий кофе, хорошенькая куколка. Вот кто-то идет, это она. Он приосанивается, держит наготове перед деревянной дверью букет, там, за дверью, закладывают цепку,

---

<sup>292</sup> *Сегодня навывлет прострелена грудь.* – Четвертая строка второй строфы «Утренней песни всадника» (см. примеч. 1).

<sup>293</sup> *Это было в чудесном раю ~ заговорил с Адамом и Евой.* – Парафразы из библейской Книги Бытия (см.: Быт. 1: 20; 3: 1). См. также примеч. 1 к книге второй.

<sup>294</sup> *...дело есть дело.* – Крылатое выражение, которое восходит к названию комедии французского писателя Октава Мирабо (1850–1917) «Дела есть дела» (1903).

сердце его колотится, в порядке ли галстук, ее голос спрашивает: «Кто там?» А он, со смешком: «Поч-таль-он».

Узкая черная щелка в дверях, видны глаза, он нежно наклоняется, улыбается, размахивает букетом. Тр-рах. Дверь захлопывается, запирается. Тр-р-р-р, задвигается задвижка. Черт возьми! Дверь заперта. Вот стерва! Стой, значит, как дурак. Что ж это она, с ума спятила? А может быть, не узнала? Все в порядке: коричневая дверь, коричневая филенка, Франц стоит на площадке лестницы, галстук на месте. В чем же дело. Просто не верится. Надо еще раз позвонить, или лучше не звонить? Он смотрит на руки – ага, букет, куплен только что на углу, за одну марку, вместе с шелковой бумагой. Звонит еще раз, два раза, очень долго. Вероятно, хозяйка квартиры еще возле самой двери, заперлась и ни гу-гу, затаила дыхание, выдерживает Франца на площадке. А ведь у нее остался весь товар – марки, пожалуй, на три будет, неужели ж так оставить, бросить? Вот теперь кто-то там зашевелился, это она ушла на кухню. Черт знает что такое!

Спустился с лестницы. Снова поднялся: надо еще раз позвонить, надо убедиться, – вероятно, она меня не видела, не узнала, приняла за кого-нибудь другого, за нищего, много их шляется. Но, очутившись перед дверью, он не звонит. Апатия. Только стоит ждет. Та-ак, значит, она, значит, не откроет, хотелось бы, по крайности, знать. В этом доме, стало быть, больше торговать не будем, а что делать теперь с букетом, целая марка на него истрачена, придется выбросить.

И вдруг он звонит еще раз, словно по команде, и спокойно ждет, так и есть, она даже к двери не подходит, знает, что это он. Тогда остается только передать через соседей записку, надо же как-нибудь получить обратно товар.

Он звонит в соседнюю квартиру, но там никого нет. Хорошо, напишем записку. Франц подходит к окну, отрывает белый уголок от газетины и пишет огрызком карандаша: «Раз вы не открываете, я хочу свой товар обратно, сдайте его Клауссену, на углу Эльзассерштрассе».

Сволочь ты, сволочь, если б ты только знала, что я за человек и как я разделался с одной такой же штучкой, ты бы не ломалась. Ну ладно, там видно будет. А следовало бы взять топор да высадить дверь. Записку он осторожно просовывает в щелочку над порогом.

Весь день Франц ходит мрачный. На следующее утро, перед тем как ему встретиться с Людерсом, трактирщик передает ему письмо. Это от нее. «Больше ничего не было?» – «Нет, а что?» – «Пакета с товаром не приносили?» – «Нет, вот только письмо какой-то мальчик принес, вчера вечером». – «Вот как? Что ж, может быть, мне надо самому сходить за товаром».

...Минуты две спустя Франц подходит к окну рядом со стойкой, опускается на деревянную скамью, письмо у него в безжизненно повисшей левой руке, он плотно сжимает губы, бессмысленным взглядом глядя вверх стола. Людерс, этот негодяй, появляется как раз в ту самую минуту, замечает

Франца, видит, как тот сидит, эге, это с ним неспроста, и шмыг обратно за дверь.

К столу подходит хозяин: «Почему же Людерс убежал? Он ведь еще не забрал своего товара». Франц сидит да сидит. Да разве такое бывает на свете? Ноги у него как отрубленные. Нет, ничего подобного во всем мире не найти. Неслыханная, небывалая вещь. И никак не встать, ни за что. А Людерс пусть себе бежит, раз у него ноги есть, он и бежит. Вот мерзавец-то, даже и представить себе нельзя.

«Послушайте, Биберкопф, не хотите ли коньяку? Умер у вас кто-нибудь, что ли?» – «Нет, нет». Что это он говорит? Не разобрать, словно ватой уши заложило. Но хозяин не отстает. «Почему Людерс так скоро убежал? Не обидят же его тут. Бежит, будто в него стреляют». – «Людерс? Вероятно, у него дела. Да, коньяку». Франц опрокидывает рюмку в рот. Мысли так и разбегаются. Черт возьми, что это такое написано в письме? «Вот у вас тут конверт упал. Не хотите ли просмотреть утреннюю газету?» – «Благодарю вас». Он раздумывает дальше: хотелось бы знать, в чем тут дело с этим письмом и почему она пишет такие вещи? Ведь Людерс рассудительный человек, отец семейства. Франц старается понять, как все это произошло, и при этом голова у него тяжелеет и падает, как во сне, вперед, трактирщик думает, что Франц просто устал, но это какая-то особенная бледность, ширь и пустота, в которой скользят ноги Франца, и он падает туда, как мешок, повернувшись влево, все ниже и ниже, на

самое дно.

Франц лежит головой и грудью на крышке стола, смотрит из-под руки на стол, дышит на него, крепко обхватив руками голову: «А что, толстуха, Лина-то, уже здесь?» – «Нет, она ведь приходит только к двенадцати». Верно, верно, сейчас еще только девять, я еще ничего не заработал, и Людерса тоже нет.

Что ж теперь делать? И вдруг осенило, и он до боли закусил губу: это же возмездие, это за то, что его выпустили, когда другие еще копают картошку на тюремном огороде рядом с большой свалкой, а ему приходится разезжать на трамваях, проклятие, ведь там было вовсе не плохо. Он встает, надо выйти на воздух, отстранить все это от себя, только не поддаваться панике, все пройдет, я твердо стою на ногах, и до меня не так-то легко добраться, не так-то легко. «Когда придет моя толстуха, передайте ей, что у меня умер родственник, я получил печальное известие, дядя или что-нибудь в таком роде. А в обед я сюда не приду, так чтоб она меня не ждала. Сколько с меня?» – «За одну кружку, как обыкновенно». – «Так, так». – «А пакет вы здесь оставите?» – «Какой пакет?» – «Ишь, как вас проняло, Биберкопф. Ну да не унывайте, будьте мужчиною. А пакет я вам сохраню в целости». – «Какой такой пакет?» – «Ну, ступайте-ка на свежий воздух».

Биберкопф уже на улице. Хозяин глядит в окно ему вслед: «Пожалуй, приведут его сейчас же назад. Ну и дела! Подумать – такой крепкий человек. То-то толстуха глаза вытара-

щит».

Перед домом стоит небольшого роста бледный человек, правая рука у него на перевязи, кисть – в черной кожаной перчатке. Он уже с час стоит тут, на самом солнцепеке, и не решается подняться к себе. Он только что из больницы. У него две дочери, уже большие, а мальчик был у него последний, четырех лет, и вот умер вчера в больнице. Сперва это была простая ангина. Доктор сказал, что сейчас пойдет еще, а сам пришел только под вечер и сразу заявил: подозрителен по дифтериту, в больницу. Мальчик пролежал там месяц, уже совсем было поправился и вдруг заболел скарлатиной. А через два дня, вчера, умер, сердце не выдержало, сказал главный врач.

Человек стоит у ворот, жена будет кричать и плакать, как вчера, всю ночь, и упрекать его, что он не взял мальчика из больницы три дня тому назад, когда тот был уже совсем здоров. Но ведь больничная сестра говорила, что у него еще есть в горле бациллы и что раз в квартире живут другие дети, то опасно. Жена сразу же не хотела верить, но ведь возможно, что случилось бы что-нибудь с другими детьми. И вот он стоит. У соседнего дома о чем-то кричат и ругаются. Вдруг этот человек вспоминает, что в больнице, когда он привез туда ребенка, его спросили, была ли ребенку впрыснута противодифтеритная сыворотка. Нет, говорит, не была. Целый день все ждали прихода врача, а он явился только вечером, и сра-

зу – в больницу.

Человек этот, инвалид войны, немедленно припускается почти бегом, пересекает улицу, мчится до угла, к врачу, говорят, доктора нет дома. Но он орет, что сейчас время дообеденное и доктор должен быть дома. Дверь приемной распахивается. Лысый, толстопузый господин вглядывается в него, а затем уводит его к себе в кабинет. Человек стоит, рассказывает про больницу, ребенок умер, доктор жмет ему руку.

«Вы ж заставили нас ждать всю среду, с утра до шести часов вечера. Мы два раза посылали к вам, а вы не шли». – «В конце концов я же пришел». Инвалид снова принимается орать. «Я калека, мы на фронте кровь проливали, а нас заставляют ждать, думают, с нами все можно». – «Да вы присядьте, успокойтесь. Ведь ваш ребенок умер вовсе не от дифтерита. В больнице сплошь да рядом случаются такие заболевания из-за переноса заразы». – «Несчастный случай, несчастный случай! – орет инвалид. – А нас заставляют ждать, будто мы уж и не люди, пускай, значит, наши дети околевают, как мы сами околевали».

Полчаса спустя инвалид медленно спускается с лестницы, вертится возле своего дома туда-сюда на солнышке и наконец подымается к себе. Жена возится у плиты. «Ну что, Пауль?» – «Ну что, мать?» Поникнув головами, они берутся за руки. «Ты еще не обедал, Пауль? Я тебе сейчас подам». – «Я ходил к тому доктору, поговорил с ним насчет того, что он не

пришел к нам в среду. Будет он меня помнить». – «Да ведь наш Паульхен умер вовсе не от дифтерита». – «Это безразлично. Я так ему и сказал. Но если бы ребенку сразу сделали впрыскивание, его не пришлось бы отправлять в больницу. Вообще не пришлось бы. А ведь доктор не явился. Ну, я ж его и проучил. Надо ж и о других подумать, чтоб такие вещи не повторялись. Может быть, это каждый день бывает, почем знать». – «Да уж ешь ты, ешь. Что же тебе доктор-то ответил?» – «Он, знаешь, человек не плохой. Тоже – не молодой ведь, а целыми днями приходится ему бегать и работать. Сам понимаю. А случится беда, ничего не поделаешь. Мне он дал выпить рюмку коньяку, чтоб я успокоился. И супруга его тоже вышла». – «А ты, верно, очень орал, Пауль?» – «Нет, совсем нет; только вначале, а потом у нас все было тихо-мирно. Он и сам согласился, что сказать ему об этом следовало. И он вовсе не плохой человек, но об этом ему надо было сказать».

Его сильно трясет, пока он ест. Жена плачет в соседней комнате, затем они вместе пьют за плитой кофе. «Это настоящий, Пауль». Он нюхает кофе в чашке: «Сразу по запаху слышать».

## **А завтра в сырой могиле<sup>295</sup>, нет, мы сумеем воздержаться**

Франц Биберкопф исчез. В тот день, когда он получил то самое письмо, Лина отправляется после обеда к нему на квартиру. Она связала ему коричневую жилетку и хочет потихоньку положить ее ему на кровать. И вот, поверите ли, сидит человек дома, когда обычно он в это время торгует, в особенности же теперь, перед Рождеством, сидит у себя на кровати, придвинув к ней стол, и возится с будильником, который для чего-то разобрал. Лина сперва было испугалась, что он дома и, пожалуй, заметил у нее эту жилетку, но он ни на что не обращает внимания, все только глядит на стол да на будильник. А ей это как раз и кстати, так что ей удалось живым манером спрятать жилетку около самой двери. Но затем он так мало говорит, что это с ним, никак с похмелья, и что это он делает за лицо, такого у него никогда не было, только все ковыряется со своим паршивым будильником, да и то будто спяна. «Да ведь будильник был у тебя совсем в порядке, Франц». – «Нет, нет, он был испорчен, знаешь, все как-то хрипел, звонил не вовремя, ну да я найду, в чем дело». И то мудрит чего-то над ним, то положит его и начинает

---

<sup>295</sup> *А завтра в сырой могиле...* – Последняя строка второй строфы «Утренней песни всадника» (см. примеч. 1, 4).

ковырять у себя в зубах, а на нее даже и не глядит. Тогда она убирается восвояси, ей становится как-то не по себе, пускай сперва проспится. А когда вечером возвращается, то его уж и след простыл. Расплатился, сложил пожитки, забрал, полностью рассчитался, и как она должна теперь отметить его из дома: выбыл, не дав сведений. Вероятно, скрывается от полиции, а?

После этого прошло 24 ужасных часа, пока Лине удалось наконец отыскать Готлиба Мекка, который может ей помочь. Этот Мекк тоже переехал на другую квартиру, так что Лина обегала после обеда чуть ли не все питейные заведения, насилиу нашла его. Он понятия ни о чем не имеет, что могло случиться с Францем, у Франца здоровые мускулы, человек он с головой, так отчего бы ему раз-другой и не отлучиться? Не натворил ли он чего-нибудь такого? Нет, абсолютно исключено. Тогда, может быть, у нее с Францем произошел маленький скандал, а? Да ничего подобного, я же ему еще и жилетку связала. На следующий день Мекк отправляется к бывшей Францевой хозяйке, потому что Лина не отстает от него. Да, Биберкопф сломя голову взял и выехал, тут что-нибудь неладно, всегда он был весел, еще и в то самое утро, тут, видно, заварилась какая-нибудь каша, в этом ее, хозяйку, не разубедить, ведь все, все забрал с собою, ни бумажки после него не осталось, сами взгляните. Тогда Мекк говорит Лине, чтоб она не беспокоилась, уж он это дело расследует. Пораскинул он умом и тотчас же верхним чутьем старого

торговца напал на след и отправился к Людерсу. Тот сидит у себя в норе со своим ребенком; а где Франц? Франц, твердит упрямо Людерс, бросил его, даже остался ему кое-что должен, забыл, вероятно, с ним рассчитаться. Этому Мекк уже никак не может поверить, разговор у них продолжается больше часу, но из Людерса ничего не вытянуть. Вечером Мекк и Лина застают его в пивной, что напротив его дома. И тут-то дело налаживается.

Лина ревет и дает кой-какие указания. Людерс, говорит она, во всяком случае должен знать, где Франц, потому что еще утром их видели вместе, и Франц же, наверное, что-нибудь сказал, хоть словечко. «Ничего он не говорил». – «Значит, с ним что-нибудь случилось?» – «С ним да случилось? Просто натворил что-нибудь и скрылся, только и всего». Нет, ничего он не натворил, Лине ничего такого не втолкуешь. Он ничего худого не сделал, в этом она голову даст на отсечение, и надо заявить в полицию. «Что ж, ты думаешь, он заблудился, а теперь его нашли и привели в участок?» Людерс смеется. Уж очень эта маленькая толстуха убивается. «Ах, что же нам теперь делать, что нам делать?» Наконец Мекку, который сидит молча и знай наматывает на ус, становится невмоготу, и он делает Людерсу знак головой. Он хочет поговорить с Людерсом наедине, потому что так все равно ничего не получится. Людерс выходит с ним из пивной. В лицемерной беседе они доходят по Рамлерштрассе почти до самой Гренцштрассе.

И вот там, где так темно, что хоть глаз выколи, Мекк неожиданно набрасывается на маленького Людерса. Он избил его ужасно. Когда Людерс, лежа на земле, попробовал было закричать, Мекк достал из кармана носовой платок и засунул его ему в хайло. А затем велел подняться и показал малышу свой открытый нож. Оба задыхались. Тогда Мекк, еще не придя в себя от возбуждения, посоветовал тому убираться подобру-поздорову, а завтра разыскать Франца. «Как ты его, стервец, отыщешь – мне все равно. Но если ты его не отыщешь, то мы возьмемся за тебя втроем. Не бойся, тебя мы уж найдем, паренек. Хоть бы и у твоей старухи».

Бледный и молчаливый вышел на следующий вечер по знаку Мекка маленький Людерс из пивной, и они уединились в задней комнате. Прошло несколько минут, пока хозяин зажег для них газовый рожок. И вот они стоят друг против друга. Мекк спросил: «Ну что? Был?» Тот кивнул. «Вот видишь. Ну и?» – «Нет никакого „и“». – «Что же он сказал? И как ты вообще докажешь, что был у него?» – «Ты, Мекк, видно, думаешь, что он должен был проломить мне голову, как ты? Нет, на этот раз я подготовился». – «Ну, так в чем же дело?»

Людерс молча подошел ближе: «Выслушай меня, Мекк, и сообрази. Если хочешь доброго совета, то я тебе скажу, хоть Франц и твой друг, но из-за него тебе не стоило вчера со мной таким манером разговаривать. Ведь это ж было чуть ли не смертоубийство. Причем между нами ничего до сих пор

не было. А уж из-за него и подавно не стоит».

Мекк уставился на него, ой, влепит он сейчас этому негодяю, как вчера, и пусть хоть при свидетелях, сколько бы их там ни было. «Ну да, он же совсем спятил. Разве ты ничего не заметил, Мекк? У него, видно, не все дома». – «Перестань, перестань. Это мой друг. Ты перестань, ради бога, у меня даже поджилки трясутся». Мекк садится, и Людерс рассказывает.

Он застал Франца между пятью и шестью; живет он совсем рядом со своей прежней квартирой, тремя домами дальше, люди видели, как он вошел туда с картонкой и парой ботинок в руках, и ему действительно сдали комнатку наверху в боковом флигеле. Когда Людерс постучался и вошел, Франц лежал на кровати, свесив на пол ноги в сапогах. Его, Людерса, он узнал, потому что под потолком горела лампочка, это, стало быть, Людерс, вот он, негодяй, чего это он? У Людерса в левом кармане нож, и руку он держит в кармане. А в другой руке деньги, несколько марок, которые он кладет на стол, болтает то, се, юлит туда, сюда, а голос-то хриплый, показывает шишки, которые набил ему Мекк, вспухшие уши и чуть не плачет от досады и злости.

Биберкопф сел на кровати; лицо у него то совсем жесткое, то дрожат в нем какие-то жилочки. Он указывает на дверь и тихо говорит: «Вон!» Людерс положил перед ним несколько марок и, вспомнив Мекка и его угрозы, просит расписку, что был у него, или не наведаться ли самому Мекку или Лине?

Тогда Биберкопф встает во весь рост, в ту же секунду Людерс шмыг к двери и держится за ручку. А Биберкопф идет наискосок в глубину комнаты, к умывальнику, берет умывальную чашку и – что вы на это скажете? – с размаху выплескивает из нее воду через всю комнату прямо Людерсу под ноги. От земли ты взят и в землю возвратишься<sup>296</sup>. У Людерса даже глаза на лоб вылезли, он отскакивает в сторону, нажимает на ручку. Тогда Биберкопф берет кувшин, воды в нем еще много, много воды у нас, смоем всю грязь, от земли ты взят, и с размаху – в того, который еще стоял у двери и которому холодная, как лед, вода попадает за воротник и в рот. Тут уж Людерс дает ходу, захлопывает за собой дверь и был таков.

А в задней комнате пивной он ядовито шепчет: «Свихнулся человек, сам видишь, чего тебе еще». Мекк спрашивает: «Какой номер дома? У кого он живет?»

Потом Биберкопф поливал да поливал свою комнату. Брызгал рукою во все стороны – все должно быть чисто, все прочь, вот теперь еще открыть окно, и пусть дует, чтобы чужого духу тут не было. (Никаких обваливающихся домов, никаких соскальзывающих крыш. Все это осталось позади, раз и навсегда позади!) Когда стало холодно, он с недоумением уставился на пол. Надо бы убрать, подтереть, а то еще протечет нижним жильцам на головы, пятна пойдут. Потом

---

<sup>296</sup> *От земли ты взят и в землю возвратишься.* – Ср.: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься ты в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3: 19).

закрыл окно и растянулся на кровати. (Умер. От земли ты взят и в землю возвратишься.)

Ручками мы хлоп, хлоп, хлоп, ножками мы топ, топ, топ.

Вечером Биберкопф в этой комнате уже не проживал. Куда он выехал, Мекку установить не удалось. Маленького Людерса, который был полон злобной решимости, он повел в свою пивную к скотопромышленникам. Они должны были выпытать у Людерса, что же, собственно, случилось и что это было за письмо, которое передал Францу лавочник. Но Людерс не поддавался и смотрел таким затравленным зверьком, что они беднягу в конце концов отпустили. Даже сам Мекк сказал: «Он свое уж получил».

Мекк рассуждал так: Франца либо Лина обманула, либо он рассердился на Людерса, либо что-нибудь еще. Скотопромышленники говорили: «Людерс – жулик и плут, в том, что он рассказывает, нет ни слова правды. А может быть, он и в самом деле сошел с ума, Биберкопф-то. Странности у него были уже и тогда, помните, когда он взял себе торговое свидетельство, а товара у него еще и в помине не было. Ну вот, а теперь оно и проявилось, после каких-нибудь неприятностей». Но Мекк стоял на своем: «Это могло броситься у него на печенку, но не на голову. Голова – абсолютно исключена. Ведь он же атлет, рабочий тяжелого физического труда. Он был первоклассный перевозчик мебели, роялей и тому подобное, у него это не могло броситься на голову». – «Как раз у таких-то оно и бросается на голову. Голова у таких людей

особенно чувствительная. Голова у них работает слишком мало, и чуть что – она сейчас же и сдает». – «Ну а как обстоит у вас, скотопромышленников, с вашими судебными делами? Вы же все – народ крепкий». – «У скотопромышленника мозги прочные. А то как же? Если бы наш брат вздумал расстраиваться, то нас всех пришлось бы отправить в Херцберге<sup>297</sup>. Мы никогда не расстраиваемся. Что люди заказывают товар, а затем отказываются от приемки или не желают платить, – это случается в нашем деле чуть ли не каждый день. У людей, видите ли, никогда нет денег». – «Или есть, да не наличные». – «И это бывает».

Один из скотопромышленников взглянул на свой грязный жилет: «Я, знаете, пью дома кофе с блюдечка, вкуснее, знаете, только вот каплет». – «А ты подвяжи себе детский нагрудничек». – «Чтоб моя старуха меня засмеяла? Нет, это у меня руки начинают трястись, вот, погляди».

А Франца Биберкопфа Мекк и Лина так и не находят. Они обегали пол-Берлина, но этого человека не нашли.

---

<sup>297</sup> *Херцберге* – один из самых больших домов для умалишенных в то время.

## Книга четвертая

Собственно говоря, с Францем Биберкопфом не произошло никакой беды. Рядовой читатель удивится и спросит: в чем же дело? Но Франц Биберкопф – не рядовой читатель. Он замечает, что его принципы, как они ни просты, содержат какую-то ошибку. Он не знает, в чем она состоит, но уже одно то, что она есть, повергает его в глубочайшее уныние.

Вы увидите здесь, как этот человек пьянствует и вот-вот погибнет. Но это еще не так страшно, Францу Биберкопфу предстоят более крупные неприятности.

# Горсточка людей вокруг Алекса

На Александрплац разворачивают мостовую для подземки<sup>298</sup>. Люди ходят по доскам. Трамваи идут через площадь на Александрштрассе и по Мюнцштрассе до Розентальских ворот. Направо и налево – улицы. На улицах – дом к дому. И дома эти, от подвалов до чердаков, набиты людьми. Внизу – магазины и лавки.

Кабачки, рестораны, фруктовые и овощные торговли, колониальные товары и гастрономия, отпуск лошадей и экипажей, декоратор и живописец, мастерская дамских нарядов, мука и зерновые продукты, автогараж, пожарное товарищество: преимущества пожарного насоса с маленьким двигателем – простота конструкции, легкость обслуживания, малый вес, малый объем. – Германцы! Никогда ни один народ не был обманут более гнусно, никогда ни одна нация не была введена в заблуждение более позорно, более недостойно, чем германский народ<sup>299</sup>. Помните, как 9 ноября 1918 года

---

<sup>298</sup> *На Александрплац разворачивают мостовую для подземки.* – Ср. с началом романа (с. 10 наст. изд.). Дёблин писал в неопубликованном прологе к роману: «Подземка заправляла происходившим на Алексе в 1928 и 1929 гг. Площадь была изрыта; жутко и потрясающе» (Prangel 1975: 32). См. также примеч. 45 к книге первой.

<sup>299</sup> *Германцы! Никогда ни один народ не был обманут более гнусно... чем германский народ.* – Писатель цитирует либо статью из газеты националистского толка, либо надпись на плакате, или же одну из нацистских листовок. Цитируе-

из открытого окна здания рейхстага Шейдеман обещал нам мир, свободу и хлеб?<sup>300</sup> А как было выполнено это обещание?! – Водопроводная мастерская, трудовая артель принимает на себя мытье окон в домах, сон есть лечебное средство, Райские кровати Штейнера<sup>301</sup>. – Книжный магазин, библиотека современного человека, наши полные собрания сочинений выдающихся писателей и мыслителей входят в состав библиотеки современного читателя. Они – великие представители европейской духовной жизни. – Закон о защите прав квартирантов – простой клочок бумаги. Цены на квартиры неуклонно повышаются. Среднее сословие ремесленников выбрасывается на улицу и таким образом удушается, судебный исполнитель пожинает обильную жатву<sup>302</sup>. Мы требуем общественных кредитов в размере до пятнадцати тысяч марок для кустарной промышленности и немедлен-

---

мый Дёблином текст напоминает также речь Ф. Шейдемана (см. примеч. 158 к книге второй), произнесенную им 9 ноября 1918 г.

<sup>300</sup> *Помните, как... Шейдеман обещал нам мир, свободу и хлеб?* – См. примеч. 158 к книге второй.

<sup>301</sup> *...сон есть лечебное средство, Райские кровати Штейнера.* – Этот рекламный лозунг – еще один сигнал, который иронично отсылает к мотиву рая и к «летаргии и бездействию» Биберкопфа, см. дальше название главы: «Биберкопф под наркозом, Франц забился в свою нору, Франц ни на что не желает глядеть».

<sup>302</sup> *Закон о защите прав квартирантов ~ судебный исполнитель пожинает обильную жатву.* – Источник, из которого Дёблин заимствовал эту цитату, установить не удалось. «Закон о защите прав квартирантов», так называемый *Mieterschutzgesetz*, вокруг которого в рейхстаге развернулись бурные дебаты, был принят 17 февраля 1928 г.

ной отмены всяких описей имущества у кустарей. Встретить предстоящее тяжелое испытание вполне подготовленной – таково желание и долг каждой женщины. Все помыслы и чувства будущей матери обращены к еще не рожденному ребенку. Поэтому правильный выбор питья для будущей матери является особенно важным. Настоящее карамельно-солодовое пиво Энгельгардта<sup>303</sup> отличается более всякого другого напитка приятным вкусом, питательностью, легкой усвояемостью и освежающим действием. – Обеспечьте детей и семью, застраховав свою жизнь в Швейцарском обществе страхования жизни в Цюрихе. – У Вас душа радуется! У Вас душа радуется, когда Вы обставляете свою квартиру мебелью известной фабрики Геффнера. Все, о чем Вы мечтали как об идеале комфорта и уюта, оказывается превзойденным чудесной действительностью. И сколько бы ни прошло лет, эта мебель продолжает ласкать взор, а ее прочность и практичность радуют Вас снова и снова...

Охранные общества охраняют всё<sup>304</sup>, их агенты ходят повсюду, проникают всюду, видят всё, проверяют контрольные часы, несут охрану и ночные дежурства в Берлине с пригородами и в других городах. Товарищество для охраны складов и помещений в Германии, дежурная часть по охране складов

---

<sup>303</sup> *Карамельно-солодовое пиво Энгельгардта* – слабоалкогольное пиво, которое изготовляли из сильно обжаренного карамелизированного солода.

<sup>304</sup> *Охранные общества охраняют всё...* – Названия всех перечисляемых в этом абзаце охранных обществ и прачечных Дёблин позаимствовал из берлинской телефонной книги за 1928 г.

и помещений в Берлине и пригородах, бывший отдел охраны Хозяйственного объединения берлинских домовладельцев, центральная охрана Берлин-Вестен, общество Охрана, общество Шерлок, Шерлок Холмс – полное собрание сочинений Конан Дойля, общество для охраны складов и помещений в Берлине и других городах, воспитатель Ваксман, воспитатель Флаксман<sup>305</sup>, прачечное заведение, белье напрокат Аполлон, прачечное заведение Адлер принимает стирку всякого носильного и постельного белья, специальность – тонкое мужское и дамское белье.

А над торговыми заведениями и позади них находятся жилые помещения, дальше идут дворы, боковые флигели, задние флигели, поперечные флигели, садовые флигели. Это – Линиенштрассе, а вот и дом, куда, как в нору, забился Франц Биберкопф после своей скверной истории с Людерсом.

На улицу выходит шикарный магазин готовой обуви, с четырьмя большими окнами-витринами, покупателей обслуживают шесть барышень, конечно, если есть кого обслуживать; получают они около 80 марок в месяц каждая, а в лучшем случае, когда доживут до седых волос, – 100 марок. Этот шикарный большой обувной магазин принадлежит одной старухе, которая вышла замуж за своего управляющего;

---

<sup>305</sup> ...воспитатель Флаксман... – «Воспитатель Флаксман» (1901) – популярная в начале XX в. в Германии комедия Отто Эрнста (1862–1926), экранизированная в 1920 г.

с тех самых пор она спит в комнатке за магазином, и живет ей неважно. Он – молодец-мужчина, дело поставил на должную высоту, но вот беда: ему нет еще и 40 лет, и, когда он поздно возвращается домой, старуха лежит и не может сомкнуть глаз от злости. – На первом этаже живет адвокат. Принадлежит ли дикий кролик в герцогстве Саксен-Альтенбург к животным, на которых распространяется Положение об охоте?<sup>306</sup> Ответчик не прав, оспаривая мнение ландгерихта, что дикий кролик в герцогстве Саксен-Альтенбург должен быть причислен к животным, на которых распространяется означенное Положение. Какие животные подлежат правилам этого Положения и какие могут быть истребляемы свободно – этот вопрос получил в отдельных германских государствах весьма различное разрешение. При отсутствии особых указаний в законе он решается на основании обычного права. В проекте Положения об охоте от 24.02.54 дикий кролик еще не упоминался. – В 6 часов вечера в конторе появляется уборщица, подметает, обтирает линолеум в приемной. На пылесос у господина присяжного поверенного все

---

<sup>306</sup> *Принадлежит ли дикий кролик в герцогстве Саксен-Альтенбург к животным, на которых распространяется Положение об охоте?* – Источник Дёблина – подлинный юридический текст: решение берлинского городского суда от 14 июня 1927 г. Подготовительные материалы к БА содержат многочисленные газетные вырезки о судебных процессах, конспекты, выписки приговоров и постановлений по различным уголовным и гражданским делам, например по делу «Половые болезни по собственной вине» (с. 130 наст. изд.), также многочисленные сообщения о делах, связанных с развращением малолетних, абортах и злоупотреблениях страховками.

еще не хватает денег, этакий сквалыга, причем он даже вовсе и не женат, и фрау Циске, которая называет себя экономкой, это отлично знает. Уборщица старательно чистит и трет, она невероятно худая, но гибкая и трудится в поте лица для своих двоих детей. Значение жиров для питания: жир покрывает выступы костей и защищает лежащую под ними ткань от давления и толчков, поэтому сильно исхудавшие субъекты жалуются на боль в подошвах при ходьбе<sup>307</sup>. К данной уборщице это, впрочем, не относится.

За письменным столом сидит в 7 часов вечера присяжный поверенный Левенхунд и работает при двух настольных лампах. По уголовному делу А 8 780–27 по обвинению Гросс: представляя при сем доверенность, выданную мне обвиняемой фрау Гросс, честь имею просить о выдаче мне общего разрешения на свидание с заключенной. – Фрау Евгении Гросс, Берлин. Многоуважаемая фрау Гросс, я уже давно намеревался навестить Вас, однако вследствие того, что завален работой и, кроме того, не совсем здоров, никак не сподобился. Рассчитываю быть у Вас в ближайшую среду и прошу Вас вооружиться до тех пор терпением. С совершенным почтением. На письмах, денежных переводах и почтовых посылках должен быть указан адрес отправителя и номер заключенного. Адресовать следует так: Берлин NW 52, Мо-

---

<sup>307</sup> *Значение жиров для питания ~ боль в подошвах при ходьбе.* – Цитата из медицинского учебника или пособия; источник не установлен.

абит, 12a<sup>308</sup>.

– Господину Тольману. По делу Вашей дочери я вынужден просить у Вас дальнейшего взноса гонорара в сумме 200 марок. Хотя бы частями. – Многоуважаемый господин присяжный поверенный, так как мне очень хотелось бы навещать мою несчастную дочь в Моабите, но я не знаю, к кому обратиться, то убедительно прошу Вас устроить, чтобы я могла туда приехать. И вместе с тем написать прошение, чтобы я могла посылать моей дочери два раза в месяц передачу, съестные продукты. Пребываю в ожидании Вашего скорейшего ответа в конце этой или в начале будущей недели. Фрау Тольман (мать Евгении Гросс). – Присяжный поверенный Левенхунд встает, с сигарой в зубах, глядит в щель между половинками занавески на светлую Линиенштрассе и раздумывает, позвонить этой особе по телефону или не звонить. Половые болезни по собственной вине<sup>309</sup>, оберландгерихт во Франкфурте I, С 5. Если даже менее строго судить о нравственной допустимости половых сношений для неженатых мужчин, все же необходимо признать, что в пра-

---

<sup>308</sup> По уголовному делу А 8 780–27 ~ Берлин NW 52, Моабит, 12a. – Дёблин, скорее всего, использовал аутентичную адвокатскую переписку, изменив упоминавшиеся в тексте переписки имена и номер дела. Моабит – район на северо-западе Берлина; по этому адресу находилась тюрьма предварительного заключения.

<sup>309</sup> Половые болезни по собственной вине... – В этом фрагменте Дёблин использует аутентичный материал (см. примеч. 9). Заражение венерической болезнью, без разницы, преднамеренное или нет, считалось уголовным преступлением и наказывалось тюремным заключением или штрафом.

вовом отношении налицо имеется элемент виновности, что внебрачное половое общение, как говорит Штауб<sup>310</sup>, является экстравагантностью, связанною с известными опасностями, и что нести последствия должен тот, кто позволяет себе такую экстравагантность. Согласно этому, Планк<sup>311</sup> рассматривает вызванное внебрачным сожителем заболевание военнообязанного как следствие грубой с его стороны неосторожности. – Он снимает трубку, пожалуйста станцию Нейкельн, номер такой-то.

Второй этаж: управляющий и две толстые супружеские четы – его брат с женой и его сестра с мужем и больной девочкой.

Третий этаж, полировщик мебели, мужчина 64 лет, с лысиной. С ним живет его разведенная дочь, ведет хозяйство. Этот жилец каждое утро с грохотом спускается по лестнице; сердце у него плохое; он скоро выйдет на пенсию как нетрудоспособный (склероз венечных сосудов<sup>312</sup>, перерождение сердечной мышцы<sup>313</sup>). В молодости он занимался греб-

---

<sup>310</sup> *Штауб* Герман (1856–1904) – прусский юрист, автор популярных «Комментариев Штауба к Торговому кодексу», выдержавших огромное количество переизданий.

<sup>311</sup> *Планк* Готлиб (1824–1910) – редактор «Комментариев Планка к Уголовному кодексу» – основополагающего в то время пособия для юристов, неоднократно переиздававшегося и перерабатывавшегося.

<sup>312</sup> *Склероз венечных сосудов* (иначе: склероз коронарных сосудов) – обывательское название сосудов, снабжающих кровью сердечную мышцу.

<sup>313</sup> *Перерождение сердечной мышцы* – патология: изменение сердечной мышцы, вызванное ожирением.

лей, а что он может сейчас? Читать по вечерам газету, покуривать трубку, а дочь в это время, конечно, должна судачить с соседками на лестнице. Жены у него нет – умерла в 45 лет, была бойкая, горячая, все ей было мало, понимаете, а потом с ней вдруг что-то такое случилось, может быть, через год у нее наступил бы климактерический период, а она, ничего не сказав, пошла к акушерке, от нее – в больницу, да так оттуда и не вышла.

Рядом с ним – токарь, человек лет тридцати, у него маленький сынишка и одна комната с кухней, жена умерла от чахотки, сам он тоже кашляет, ребенок весь день в детском очаге<sup>314</sup>, а вечером отец заходит за ним. Когда мальчик уже спит, отец готовит себе чай, возится до поздней ночи со своим радио, состоит председателем Общества радиолюбителей и не в состоянии заснуть, пока не закончится вся передача.

Далее – кельнер с одной особой, комнатка с кухней, очень чистенькая, а на газовом рожке – колпак с бисерной бахромой. Кельнер бывает дома до двух, спит или играет на цитре, в то самое время, как присяжный поверенный Левенхунд носится высунув язык в черном таларе<sup>315</sup> по коридорам ландгерихта 1, 2 или 3, в комнату присяжных поверенных, из комнаты присяжных поверенных в зал заседания, из зала заседания, откладывает дела, просит о вынесении заочных ре-

---

<sup>314</sup> ...ребенок весь день в детском очаге... – То есть в детском саду.

<sup>315</sup> Талар – длинное платье, форменное одеяние должностного лица судебного ведомства.

шений. Невеста кельнера служит на контроле в одном универмаге. Так она по крайней мере говорит. Этого кельнера, когда он был еще женат, страшно обманывала жена. Но она снова и снова умела утешить его, пока он наконец не сбежал. Он снял где-то угол, но все приходил к жене, а в суде был тем не менее признан виновной стороной, потому что ничего не мог доказать и злонамеренно покинул жену. После этого он познакомился в Хоппегартене<sup>316</sup> со своей теперешней, которая охотилась там на мужчин. Ясно, того же калибра женщина, что и его первая, только похитрее. А он ничего не замечает, когда его невеста чуть ли не каждую неделю бывает в отъезде, якобы по делам службы, с каких же это пор контролерши разъезжают по другим городам, ну допустим, у нее особенно ответственная должность. В данную минуту кельнер сидит у себя на диване с мокрым полотенцем на голове, плачет, а она должна за ним ухаживать. Он поскользнулся на улице, упал и очень сильно ушибся. Так он по крайней мере говорит. Просто ему кто-то что-то сболтнул. Она в этот день на службу не идет. Неужели он что-нибудь заметил, было бы жаль, такой славный дурачок. Ну да ничего, уж как-нибудь с ним поладим.

На самом верху живет торговец кишками, там, конечно, скверно пахнет и много детского крика и алкоголя. Наконец, рядом с ним – пекарь с женой, которая работает накладчицей в типографии и страдает воспалением яичника. Что эти

---

<sup>316</sup> *Хоппегартен* – пригород Берлина.

двое имеют от жизни? Ну, во-первых – друг друга, а затем – театр или кино в прошлое воскресенье и, наконец, время от времени – собрание в союзе или визит к его родителям. И больше ничего? Ах, пожалуйста, не больно-то задавайтесь, господин хороший. Ко всему этому можно добавить еще хорошую погоду, плохую погоду, экскурсии за город, стояние возле теплой печки, завтраки и так далее. А вы-то что имеете от жизни, господин капитан, ваше превосходительство, господин жокей? Ну так и нечего вам задаваться.

## **Биберкопф под наркозом, Франц забился в нору, Франц ни на что не желает глядеть**

Франц Биберкопф, берегись, что должно получиться от такого невозможного образа жизни? Нельзя же все только лежать да лежать у себя в комнате, бессмысленно уставившись в одну точку, и пьянствовать, пьянствовать...

А кому какое дело, чем я занят? Захотел лежать, уставившись болван болваном в одну точку, и буду лежать, хоть до послезавтра... Он грызет себе ногти, стонет, ворочает голову на потной подушке, сопит... Прележу так до послезавтра, если не надоест. Только бы эта баба у меня топила. Ленивая она, думает только о себе.

Голова его отворачивается от стены, на полу какая-то каша, лужа... Блевотина. Должно быть, я сам. И что только человек у себя в желудке таскает. Тьфу! В сером углу – паутина, ею мышей не поймаешь. Водички бы выпить. Кому какое дело. Ох, поясница болит. Войдите, фрау Шмидт. Между паутинами, там, наверху (черное платье, длинные зубы). Это ж ведьма (спускается с потолка). Тьфу! Какой-то идиот спросил, почему я вечно сижу дома. Во-первых, говорю я, идиот вы этакий, какое право вы имеете меня спрашивать, во-вторых, какое ж это «вечно», когда я с 8 и до 12 нахожусь

здесь. А потом в пивнухе. А тот в ответ: я пошутил, говорит. Нет, нет, так не шутят. Кауфман это тоже сказал, пусть он к нему и обратится. А я, может быть, так устрою, что в феврале, да, в феврале или марте, – нет, в марте вернее...

...Не потерял ли ты своего сердца в природе? Нет, там я его не потерял. Правда, мне чудилось, будто извечный дух готов был увлечь меня, когда я стоял перед альпийскими исполинами или лежал на берегу рокочущего моря. Тогда что-то вздымалось и бушевало и во всем моем существе. Сердце мое было потрясено, но не терял я его ни там, где гнездятся орлы, ни там, где рудокопы добывают скрытые в недрах земли металлы...<sup>317</sup>

...Где же тогда?

Не потерял ли ты своего сердца в спорте? В бурливом потоке юношеского движения? В горячих политических схватках?..

...Нет, не там...

...Значит, ты его нигде не терял?

Значит, ты принадлежишь к тем, которые нигде не теряют своего сердца, а оставляют его себе, тщательно его оберегают и консервируют?..

---

<sup>317</sup> ...*Не потерял ли ты своего сердца в природе ~ скрытые в недрах земли металлы...* – Пассаж не принадлежит Дёблину; вырезка с этим текстом прилагалась к рукописи; однако установить автора текста или его источник невозможно.

Путь в сверхчувственный мир, публичные лекции<sup>318</sup>. День поминовения усопших<sup>319</sup>: Все ли кончается со смертью? Понедельник, 21 ноября, 8 часов вечера: Можно ли еще в настоящее время верить? Вторник, 22 ноября: Может ли человек измениться? Среда, 23 ноября: Кто есть праведник перед Господом? Обращаем особое внимание на постановку декламаториума «Павел»<sup>320</sup>.

Воскресенье, семь сорок пять.

Добрый вечер, господин пастор. Я – рабочий Франц Биберкопф, живу случайным заработком. Прежде был перевозчиком мебели, а сейчас – безработный. Дело в том, мне хотелось вас о чем-то спросить. А именно: что можно сделать против рези в животе? Подымается все что-то такое кислое. Ух, опять! Ф-фу! Вот ядовитая-то желчь. Конечно, от

---

<sup>318</sup> *Путь в сверхчувственный мир, публичные лекции.* – Дёблин, скорее всего, приводит объявления или текст рекламной брошюры одной из многочисленных религиозных организаций или сект того времени; возможно также, что писатель пародирует анонсы семинаров антропософского общества, основанного теософом Р. Штайнером (1861–1925); одна из работ Штайнера называлась «На пороге духовного мира». С работами Штайнера по детской психологии Дёблин был знаком в связи с профессиональным интересом.

<sup>319</sup> *День поминовения усопших* – то есть 2 ноября. Даты проведения лекций (ноябрь) приблизительно соответствуют времени действия последних глав романа, а названия лекций, что нетрудно заметить, отсылают к событиям последней книги БА (см. разговор Биберкопфа со Смертью, с. 464 и след. наст. изд.).

<sup>320</sup> *Декламаториум «Павел»* (1836) – оратория Феликса Мендельсона-Бартольди (1809–1847) на библейский текст.

пьянства это. Простите, извините, что обращаюсь к вам на улице. Я понимаю, это неудобно, что вы – при исполнении служебных обязанностей. Но что же мне делать с этой ядовитой желчью. Должен же христианин помогать ближнему. Вы ведь хороший человек. А в рай я не попаду. Почему? Спросите фрау Шмидт, которая все время спускается с потолка. Но мне никто не имеет права что-нибудь сказать. А если существуют преступники, то кому об этом и судить, как не мне. Преданный до гроба, Карлу Либкнехту мы в этом поклялись, Розе Люксембург протягиваем руку<sup>321</sup>. Я попаду в рай, когда умру, и они преклонятся предо мною и скажут: это – Франц Биберкопф, преданный до гроба, германец, человек неопределенных занятий, преданный до гроба, гордо вьется черно-бело-красное знамя<sup>322</sup>, но сей человек сохранил это про себя, не стал преступником, как другие, которые хотят быть германцами, а сами обманывают своих сограждан. Будь у меня под рукою нож, я всадил бы его в живот. Да, я это сделаю. (Франц беспокойно ворочается в кровати, бьется.) А теперь ты собираешься бежать к пастору, паренек. Э-э-эх, паренек! Если это доставляет тебе удовольствие и если ты еще в состоянии скрипеть. Эх, ты! Преданный до гроба, нет, господин пастор, не буду марать рук об него, не стоит, таким

---

<sup>321</sup> ...Карлу Либкнехту мы в этом поклялись, Розе Люксембург протягиваем руку. – Слова припева популярной рабочей песни «Братья, берите оружие! Мы рождены для борьбы».

<sup>322</sup> ...гордо вьется черно-бело-красное знамя... – Начальная строка марша германских военных моряков.

мерзавцам даже в тюрьме нет места, я-то был в тюрьме, я-то это во как знаю, первейшее дело, первосортный товар, трогать руками не дозволяется; не место там подлецам, в особенности таким, как этот, который посовестился бы хоть перед своей женой да и перед всеми добрыми людьми.

Дважды два – четыре, тут ничего не попишешь.

Вы видите перед собой человека, простите, что я вас на пути к служебным обязанностям, но у меня такие боли в животе. Впрочем, я сумею сдержаться. стакан воды, фрау Шмидт. Всюду эта дрянь должна совать свой нос.

## Франц бьет отбой, Франц играет обоим евреям прощальный марш

Франц Биберкопф, сильный как кобра, но нетвердо стоящий на ногах, встал и пошел на Мюнцштрассе к евреям. Пошел он туда не прямым путем, а сделал огромный крюк. Этот человек хочет со всем покончить. Начисто. И так, снова пошли, Франц Биберкопф. Погода сухая, холодная, ветреная, кому охота стоять теперь где-нибудь в воротах, быть уличным торговцем и отмораживать себе пальцы на ногах. Преданный до гроба. Хорошо еще, что человек выбрался из своей конуры и не слышит больше этого бабьего визга. Вот он, наш Франц Биберкопф, вон он шагает по улице. Все пивные пусты. Почему? Вся шпана еще спит. Хозяева пивных могут пить свою бурду сами. Акционерную бурду. А нам что-то не хочется. Мы дуем шнапс.

Франц Биберкопф спокойно продвигал свое тело в серо-зеленой солдатской шинели<sup>323</sup> сквозь гущу людей – скромных домохозяек, покулавших с возов овощи, сыр и сельдку. Луку зеленого, луку!

Что ж, люди делают, что могут. Дома у них дети, голодные рты, птичьи клювики: хлоп-хлоп, стук-стук, открываются, закрываются.

---

<sup>323</sup> ...в серо-зеленой солдатской шинели... – См. примеч. 6 к книге первой.

Франц прибавил шаг, завернул за угол. Вот так – свежий воздух. Мимо больших витрин он прошел спокойнее. Сколько стоят сапоги? Лакированные башмачки бальные, должно быть, красиво выглядят на ноге, этакая цыпочка в бальных башмачках. Обезьяна-то Лиссарек, старик-чех с большими ноздрями, там, в Тегеле, чуть ли не каждый месяц получал от жены, или кто бы она ни была, пару чудных шелковых чулок, то пару новых, то пару ношенных. Смехота! И хоть укради их, а подавай ему чулки. Вот раз мы его и накрыли, как у него чулки были надеты на грязные ноги, а он, стервец, глядит себе на ноги, возбуждается, и уши у него горят, умора. Мебель в рассрочку, кухонная мебель с рассрочкой платежа на 12 месяцев.

Биберкопф удовлетворенно проследовал дальше. Лишь время от времени он был вынужден обращать внимание на тротуар. Тогда он тщательно глядел себе под ноги, всматриваясь в гладкий, твердый, прочный асфальт. А затем его взор быстро взбегал по фасадам домов и убеждался, что они стояли неподвижно, не шевелясь, хотя, собственно, у такого дома масса окон, и он легко может качнуться вперед. Потом это передастся крышам и увлечет их за собою, так что и они закачаются. Начнут колебаться, раскачиваться, трястись. И могут соскользнуть косо вниз, как песок, как шляпа с головы. Ведь они же все, все укреплены под уклоном на своих стропилах, весь ряд. Правда, они прибиты гвоздями к толстым бревнам, а затем их еще держит толь, смола. Мы вста-

нем крепкою стеной, не отдадим наш Рейн родной<sup>324</sup>. Здравия желаем, господин Биберкопф, мы идем с вами, старина, выпятив грудь, выпрямив спину, по Брунненштрассе. Бог всех людей милует, мы ведь граждане германского государства, как говаривал начальник тюрьмы.

Кто-то в кожаной фуражке, с дряблым бледным лицом, выпятив нижнюю губу, сцарапывал мизинцем маленький прыщик у себя на подбородке. Рядом, немного наискосок от него, стоял другой человек, с широкой спиной и отвислым задом брюк. Оба занимали весь проход. Франц обошел их кругом. Тот, который был в кожаной фуражке, стал ковырять пальцем в правом ухе.

Франц с удовольствием отметил, что все люди спокойно шли по улице, возчики выгружали товар, соответствующие учреждения заботились о домах, несется клич, как грома гул, что ж, можем и мы тут идти. На углу на тумбе для объявлений красовались желтые афиши с большими черными латинскими буквами: «Ах, жил ли ты на Рейна прекрасном берегу?»<sup>325</sup>, «Король полузащиты»<sup>326</sup>. Пять человек стояли

---

<sup>324</sup> *Мы встанем крепкою стеной, не отдадим наш Рейн родной.* – См. примеч. 24 к книге первой.

<sup>325</sup> «Ах, жил ли ты на Рейна прекрасном берегу?» – Правильное название этого фильма режиссера Джеймса Бауэра (1884–1940) – «Любил ли ты на рейнском берегу?». Премьера фильма состоялась в Берлине 7 ноября 1927 г.

<sup>326</sup> «Король полузащиты» – фильм режиссера Фрица Фрейзеля (1881–1955) о футболе, считающийся классикой спортивного кинематографа: режиссер применил в нем новаторскую технику съемки сцен футбольных матчей. Премьера

тесным кругом на асфальтовой мостовой и, взмахивая молотами, раскалывали асфальт. Э, да того, который в зеленой шерстяной фуфайке, мы знаем, определенно; значит, он нашел работу, что ж, это и мы можем, когда-нибудь в другой раз, работа немудреная: молот держишь в правой руке, взмахиваешь им, подхватываешь левой и – вниз, р-раз! Мы – рабочий люд, мы – пролетариат<sup>327</sup>. Правой вверх, левой подхватывай, р-раз, правой вверх, левой подхватывай, два. Осторожно, стройплощадка, работы ведет Штралауская асфальтовая компания<sup>328</sup>.

Он принялся лавировать вокруг, вдоль гудящего трамвайного пути, воспрещается соскакивать во время движения! Подожди! Пока вагон не остановится! Движение регулируется полицейским, какой-то почтальон спешит все же проشمыгнуть. Ну а Францу спешить некуда, он же собирается только зайти к евреям, и они от него не уйдут. А сколько грязи пристало к сапогам, – впрочем, они и так-то были нечищены, потому что кому же их чистить, уж не фрау ли Шмидт, она палец о палец не ударит (паутина на потолке, кислая отрыжка. Франц посасывает нёбо, поворачивает голову в сторону витрин: автомобильное масло Гаргойль, мастерская по вулканизации автошин, модные дамские прически, пикса-

---

состоялась 24 ноября 1927 г. в Берлине.

<sup>327</sup> *Мы – рабочий люд, мы – пролетариат.* – Немного измененные слова припева песни «Рабочий люд».

<sup>328</sup> *Штралауская асфальтовая компания.* – Штралау – в те годы окраинный район на юго-востоке Берлина.

фон, патентованное средство для ращения волос)<sup>329</sup>. А не могла ли бы почистить сапоги толстуха Лина? И в ту же минуту Франц ускорил шаг.

Мошенник Людерс, письмо той дамочки, я тебя ножичком в брюхо-то еще пырну. – Охосподихосподи, Франц, брось ты эти мысли, хорошо, мы сумеем сдержаться, сволочи, мы о такую мразь мараться не будем, довольно с нас, насиделись мы в Тегеле. Ну, что тут еще: мужское платье, готовое и на заказ, это во-первых, а во-вторых – обивка автомобильных корпусов, автопринадлежности, тоже важно для быстрой езды, но только не слишком быстрой.

Левой, правой, левой, правой, вперед, не спеша, торопиться некуда, фрейлейн. Все равно как шупо при несчастном случае. Что это значит? Пospешишь – людей насмешишь. Кукареку, кукареку, поют петухи. Франц повеселел, и все встречные лица казались ему привлекательнее.

Теперь он уже с радостью углубился в знакомую улицу. Дул холодный ветер, смешанный то с теплыми испарениями подвалов, с запахом то фруктов, то бензина. Асфальт зимою не пахнет.

---

<sup>329</sup> ...пиксафон, патентованное средство для ращения волос... – «Пиксафон» – линия средств по уходу за волосами; косметическая компания «Пиксафон» была известна тем, что проводила конкурсы красоты среди своих покупательниц, победительницы которых, так называемые «королевы Пиксафона», становились «лицом» компании. Рекламные плакаты с изображением «королев» украшали городские улицы, продавались также открытки с фотографиями этих «королев», отличавшихся особенно роскошными волосами и прическами.

У евреев Франц просидел на диване с добрый час. Они говорили, и он говорил, они удивлялись, и он удивлялся. Чему же он удивлялся, когда сидел на диване, и они говорили, и он сам говорил? Да тому, что он там сидел и говорил, и они говорили, и больше всего удивлялся самому себе. А почему он удивлялся самому себе? Он заметил и понял это сам, он констатировал это, как счетовод констатирует арифметическую ошибку. Просто взял и констатировал.

Дело было решенное; и тому решению, которое он нашел в себе, он и удивлялся. В то самое время, как он глядел собеседникам в лицо, улыбался, спрашивал и отвечал, это решение было уже готово и гласило: Пускай они себе говорят что хотят; на них талары, но они не пасторы, это просто лапсердаки, ведь они же из Галиции<sup>330</sup>, из-под Львова, сами рассказывали, они хитрые, но меня не проведут. Я сижу у них здесь на диване, но дел с ними иметь не буду. Вот и все.

В последний раз, когда Франц был тут, он сидел с одним из них на полу, на ковре. Интересно было бы еще раз попробовать. Но нет, не сегодня, дело прошлое. Поэтому мы и сидим, точно пригвожденные, и во все глаза глядим на евреев.

Что ж, человек не машина, больше своих сил дать не может. Одиннадцатая заповедь гласит: не будь дураком. А хорошая у братьев квартира, простая, без затей, без роскоши. Ну да этим Франца не удивишь. Франц умеет сдерживаться.

---

<sup>330</sup> *Галиция* – историческое название части западноукраинских земель; с 1918 г. была частью Польши.

Прошло то времечко. Спать, спать, у кого есть кровать, у кого ее нет, ложись на паркет<sup>331</sup>. Теперь с работой покончено. От этого человека больше не ждите работы. Если в насос набьется песку, то сколько ни качай. И вот Франц выходит на пенсию, но без пенсии. Как же это так, думает он про себя, поглядывая на краешек дивана, пенсия да без пенсии?

«А если у человека столько силы, как у вас, если он такой здоровяк, то он должен благодарить Создателя. Что ему делается? Разве нужно ему непременно пьянствовать? Может, заняться не тем, так другим. Может, например, пойти на рынок, стать перед лавками, стать у вокзала; как вы думаете, сколько содрал с меня намедни такой вот человек, когда я на прошлой неделе ездил на один день в Ландсберг, ну, как вы думаете, сколько? Угадай, Нахум, человек с эту дверь, настоящий Голиаф<sup>332</sup>, храни меня Бог. Пятьдесят пфеннигов. Да, да, пятьдесят пфеннигов! Слышите – пятьдесят пфеннигов! За малюсенький чемоданчик, снести как отсюда до угла. Я-то сам не хотел нести – день был субботний. И вот этот человек содрал с меня пятьдесят пфеннигов. Я на него так посмотрел. Вот и вы могли бы – постойте, я знаю дело для вас. Нельзя ли будет у Фейтеля, у хлеботорговца, скажи-ка, Нахум, ты ведь знаешь Фейтеля». – «Самого Фейтеля – нет.

---

<sup>331</sup> *Спать, спать, у кого есть кровать, у кого ее нет, ложись на паркет.* – Распространенная в те годы пародия на военную команду «отбой».

<sup>332</sup> *Голиаф* – библейский персонаж, филистимлянин-великан, был повергнут Давидом (см.: 1 Цар. 17).

Знаю его брата». – «Ну да, он же торгует хлебом. А кто его брат?» – «Сказано – брат Фейтеля». – «Да разве я знаю всех людей в Берлине?» – «Брат Фейтеля? Человек с капиталом, как у...» От неудержимого восхищения он замотал головою. Рыжий воздел руки и втянул шею: «Ой, что ты говоришь. А ведь он из Черновиц!» Они совершенно забыли про Франца. Они усиленно задумались над богатством Фейтелева брата. Рыжий, шмыгая носом, в волнении шагал по комнате. Второй мурлыкал, как кот, излучал довольство, саркастически улыбался ему вслед, щелкал ногтями: «М-да!» – «Замечательно! Что ты на это скажешь?» – «Все, что идет из той семьи, – золото. Золото – это даже не то слово. Зо-ло-то!» Рыжий походил взад-вперед и, потрясенный, сел у окна. То, что происходило за окном, преисполнило его презрения. Два человека без пиджаков мыли автомобиль, старенький. У одного из них подтяжки болтались вокруг ног. Эти люди принесли два ведра воды, и весь двор был залит. Задумчивым, замечтавшимся о золоте взором рыжий принялся разглядывать Франца: «Ну? Что вы на это скажете?» А что тот может сказать? Бедный человек, наполовину потерявший голову, – что такой голоштанник понимает в деньгах Фейтеля из Черновиц, ведь он ему сапог не чистит. Франц ответил на его взор таким же вопрошающим взором. С добрым утром, господин пастор, трамваи всё так же трезвонят, но мы уже знаем, в чем дело, и ни один человек не может дать больше, чем у него есть. Теперь – шабаш, и, если б даже весь снег сгорел,

мы палец о палец не ударим, будет, довольно.

Змей, шурша, сполз с дерева. Проклят будь перед всеми скотами, будешь ходить на чреве своем, будешь есть прах во все дни жизни твоей. И вражду положу между тобой и женою. В боли будешь рождать ты детей, Ева. Адам, проклята земля за тебя, терние и волчцы произрастит она тебе, и будешь питаться полевой травой<sup>333</sup>.

Не желаем больше работать, не стоит, пускай себе весь снег сторит, а мы палец о палец не ударим.

Вот это и был тот железный ломик, который Франц Биберкопф держал в руках, с которым он все время сидел, а потом и вышел в дверь. Его уста что-то говорили. Явился он сюда в большой нерешительности, из тюрьмы в Тегеле его выпустили уже несколько месяцев тому назад, он ехал на трамвае, дзинь-дзинь, по улицам, вдоль домов, а крыши сползали на него, и он потом сидел у евреев. Он встал, ну-ка, пойдем теперь дальше, в тот раз я же пошел к Минне, чего я тут еще не видал, айда, идем к Минне, вспомним, как все это было.

Он ушел. Стал слоняться перед домом, где жила Минна. Впрочем, какое мне дело до нее. Пускай себе цацкается со своим стариком. Репа и капуста выгнали меня, если бы мать варила мясо, то остался б я<sup>334</sup>. Здесь кошки воняют тоже не

---

<sup>333</sup> *Змей, шурша, сполз с дерева ~ будешь питаться полевой травой.* – Ср.: Быт. 3: 14–18.

<sup>334</sup> *Репа и капуста выгнали меня, если бы мать варила мясо, то остался б я.* – Популярная немецкая пословица.

иначе, чем на даче<sup>335</sup>. Пропади, зайчишка, как в шкафу коврижка<sup>336</sup>. Чего ему тут, как идиоту, торчать да на дом глядеть. И вся рота – кругом марш, кукареку!

Кукареку! Кукареку! Так сказал Менелай. Неумышленно скорбь пробудив в Телемахе; крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки, ею глаза он закрыл.

Той порою к ним из своих благовонных высоких покоев Елена вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде<sup>337</sup>.

Кукареку! Есть много куриных пород. Но если спросить меня по совести, каких кур я больше всего люблю, я чистосердечно отвечу: жареных. К отряду куриных относятся еще и фазаны, а в Жизни животных Брэма говорится: Карликовая болотная курочка отличается от болотного кулика не только меньшим ростом, но и тем, что самец и самка

---

<sup>335</sup> ...на даче. – На уголовном жаргоне: в тюрьме.

<sup>336</sup> Пропади, зайчишка, как в шкафу коврижка. – Немецкая детская поговорка.

<sup>337</sup> Так сказал Менелай ~ Артемиде. – Дёблин пародирует строки из «Одиссеи» Гомера: Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемахе. Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом/Имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки, Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался; Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать: Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал, Или вопросами выведать все от него понемногу? Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он, К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде. Гомер. Одиссея. IV. 114–123. Перевод В. А. Жуковского)

имеют весной почти одинаковое оперение. Исследователям Азии известен также мониал или монал, называемый учеными блестящим фазаном. Богатство и яркость его оперения с трудом поддаются описанию. Его приманный зов, протяжный жалобный свист, можно услышать в лесу во всякое время суток, однако чаще всего перед рассветом и к вечеру<sup>338</sup>.

Впрочем, все это происходит весьма далеко отсюда, между Сиккамом<sup>339</sup> и Бутаном<sup>340</sup> в Индии, и для Берлина является довольно бесплодной книжной премудростью.

---

<sup>338</sup> ...в *Жизни животных* Брэма говорится ~ перед рассветом и к вечеру. – Дёблин цитирует, немного изменив, оригинальный текст немецкого зоолога Альфреда Эдмунда Брэма (1829–1884) из второго тома «Жизни животных», посвященного птицам (см.: Brehms Tierleben. Allgemeine Kunde des Tierreichs. Leipzig, 1913. Bd. 2. S. 83). Брэм, просветитель и путешественник, на протяжении многих лет директор Гамбургского зоопарка, создатель Берлинского аквариума (1867), путешествовал по Африке, Европе, Западной Сибири, во время путешествий наблюдал и описывал жизнь животных. Его наблюдения затем легли в основу шеститомной «Жизни животных» (1863–1869) – труда, который и в наши дни является одним из лучших и популярных справочников по зоологии. В духе XIX в. Брэм описывает животных, придавая им антропоморфные черты: например, говорит об их «характерах» и т. п. Дёблин любил эту книгу и советовал начинающим писателям внимательно ее прочитать (см.: Döblin A. Unbekannter junger Erzähler // Die Literarische Welt. 1927. 18. März. S. 1).

<sup>339</sup> *Сиккам*. – В источнике Дёблина, «Жизни животных» А. Э. Брэма, и в самой рукописи романа было указано верное название этого бывшего княжества, ныне индийского штата – Сикким. См. также примеч. 41.

<sup>340</sup> *Бутан* – королевство в Южной Азии, в Восточных Гималаях.

## **Ибо с человеком бывает как со скотиною<sup>341</sup>; как эта умирает, так и он умирает**

Скотобойня в Берлине. В северо-восточной части города, между Эльденаерштрассе<sup>342</sup> и Таэрштрассе<sup>343</sup>, через Ландсбергераллее вплоть до самой Котениусштрассе<sup>344</sup>, вдоль окружной железной дороги тянутся здания, корпуса и хлевы скотобойни и скотопригонного двора.

Скотобойня занимает площадь в 47,88 гектара<sup>345</sup> и обо-

---

<sup>341</sup> *Ибо с человеком бывает как со скотиною...* – Ср.: «Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна» (Екк. 3: 19).

<sup>342</sup> *Эльденаерштрассе* – улица на восточной окраине Берлина.

<sup>343</sup> *Таэрштрассе* – большая улица на восточной окраине Берлина.

<sup>344</sup> *Котениусштрассе* – улица на восточной окраине Берлина.

<sup>345</sup> *Скотобойня занимает площадь в 47,88 гектара...* – Берлинские скотобойни вместе с мясным рынком были в то время самыми большими в Европе. В работе над этой главой Дёблин использовал собственные впечатления: посещение скотопригонного двора и хлевов было бесплатным, а посещение скотобойни и наблюдение за умерщвлением животных и работой мясников разрешались по специальным билетам, продававшимся в кассах. Кроме того, Дёблин цитирует и различные дополнительные материалы: цеховой журнал мясников, «Памятку к открытию нового берлинского мясного рынка», выпущенную в октябре 1925 г., и т. д. Исследователи расходятся в ответе на вопрос о смысле и функции, которую выполняют сцены скотобойни в романе. Существуют две основные точки зрения по поводу этих впечатляющих – почти пророческих, если подумать о преступлениях германских нацистов, пришедших к власти через четыре года после выхода

шлась, не считая зданий и строений за Ландсбергераллее,

романа, – описаний массовых убийств животных. В основе первой лежит толкование самого Дёблина, который неоднократно начиная с середины 1930-х гг. подчеркивал особое значение этих символических эпизодов. В автобиографическом «Эпilogue» он писал о том, что они напрямую соотносятся с главной темой, центральной идеей романа: «Тема „Александрплац“ – жертва. На такую мысль должны были бы навести образы скотобойни и принесения в жертву Исаака, а также сквозная цитата: „Есть жнец, и имя ему Смерть“». Первые комментаторы романа, особенно те, кто был лично знаком с Дёблином (В. Мушг, Р. Миндер, Ф. Мартини), неоднократно делали акцент именно на таком истолковании этих глав. В романе «Берлин Александрплац» два героя [Биберкопф и Берлин] тесно связаны друг с другом (...) большой город, ужасающее место «жертвоприношений» (ср. с символической функцией сцен на скотобойне. – А. М.), представляющий собой, при всей хаотической атомизации и технической автоматизации его инструментов, неодолимую, иррациональную, впечатляющую и угнетающую силу (Martini 1954: 349). Роберт Миндер, близкий друг и в последние годы жизни писателя его официальный биограф, даже называет БА «первой большой религиозно-дидактической поэмой» Дёблина, в которой образы жертвоприношения становятся «олицетворением главнейшей проблематики творчества писателя: сила или бессилие? подчинение или бунт?» (см.: Minder 1966: 175–213). Наконец, В. Мушг в своем послесловии к БА говорит об «анонимном чудовище Берлине, где на скотобойнях под музыку новейших шлягеров (...) с ужасающей синхронностью происходят ежедневные массовые убийства (...) стальные руки давят человеческую жижу (...) Франц Биберкопф лишь один из бесчисленных человекоскотов, орудующих в этом городе» (см.: Muschg 1929: 1–15). Позже, однако, появляется и иное толкование этих символических глав БА, которые теперь понимаются как отголосок *credo* писателя в те годы, считавшего, что человек должен осознать свое место в этом мире, освободиться от цепей, сковывающих его «я» (*Abbau der Ichverkrampfung*), должен действовать, сопротивляться враждебной среде любой ценой (см. далее в книге пятой рассказ об овцах, которые топятя в море, – своего рода антитезу к сценам скотобойни (с. 141 и след. наст. изд.)). Эти главы – своего рода «предупреждения» для читателя и героя. Такая интерпретация основана в первую очередь на тщательном анализе текста и сопоставлении различных редакций романа (Дж. Рейд, К. Мюллер-Зальгет, Р. Линкс). Приверженцы

в 27 083 492 марки, из которых на скотопригонный двор приходится 7 672 844 марки, а на бойни – 19 410 648 марок.

Скотопригонный двор, бойни и оптовый мясной рынок образуют в хозяйственном отношении одно нераздельное целое. Органом управления является Комитет скотобойни и скотопригонного двора, в состав которого входят два члена магистрата, один член районного совета, 11 гласных городской думы и 3 депутата от населения. На производстве заня-

---

этой точки зрения утверждают, в частности, что в случае с авторским толкованием этих сцен как выражающих идею «жертвы» читатели и исследователи имеют дело с ретроспективным изменением взгляда автора на им же написанное. Это изменение было связано со сломом, произошедшим в мировоззрении писателя в конце 1930-х гг., который в 1941 г. принял католичество: При внимательном анализе довольно быстро выясняется, что само понятие «жертва» здесь неуместно. Жертва имеет адресата, или по крайней мере смысл ⟨...⟩. Покориться чему-либо по Божьей воле ⟨...⟩ Биберкопф не может, потому что Божественная инстанция в «Александрплац» отсутствует (Müller-Salget 1972: 318–319). Первоначальное расположение сцен скотобойни в газетном варианте романа (после сообщений о том, что «Франц вконец опустил и начал пить» и слов Смерти: «Берегись, Франц, берегись, добром это не кончится. Совсем ты опустил») дает основания для того, чтобы считать сцены на скотобойне своеобразным знаком ФБ, критикой его бездействия и апатии. Бык и теленок никоим образом не демонстрируют образцового подчинения судьбе ⟨...⟩ их смерть в большей степени представляет собой предупреждение: так закончит Франц, если не отступится от своего глупого упрямства ⟨...⟩ сцены на скотобойне ⟨...⟩ показывают нам, что Францева «сила» без знания должна привести к глупому концу ⟨...⟩ кроме того, в контексте четвертой книги эти сцены перекликаются с саморазрушением Биберкопфа, с его попыткой спрятаться в пьянстве, с его падением до уровня скота (Müller-Salget 1972: 320–324). Реминисценции из этих глав неоднократно и далее появляются в тексте романа, например в главе, посвященной убийству Мици в книге седьмой романа (ср. убийство Мици и убийство теленка (с. 378–379 наст. изд.)).

то 258 человек, в том числе ветеринары, санитарные врачи, клеймовщики, помощники ветеринаров, помощники санитарных врачей, штатные служащие, рабочие. Правила внутреннего распорядка от 4 октября 1900 года содержат общие положения, регулирующие порядок пригона и содержания скота и доставку фуража. Тариф сборов включает в себе таксы рыночного сбора и сборов за простой, за убой и, наконец, за уборку кормушек в свинарниках.

Вдоль всей Эльденаерштрассе тянется грязно-серая каменная ограда, с колючей проволокой поверху. Деревья за ней стоят голые, время зимнее, и деревья в ожидании весны послали все свои соки в корни. Повозки для мяса, с желтыми и красными колесами, запряженные сытыми лошадьми, подкатывают на рысях. За одной повозкой бежит тощая кобыла, кто-то с тротуара зовет – Эмиль, начинается торг, 50 марок за кобылу и магарыч на восьмерых, кобыла вертится на месте, дрожит, грызет кору с дерева, возница дергает ее, 50 марок, Отто, и магарыч, не то проваливай. Покупатель еще раз ощупывает кобылу: ладно, замetano.

Желтые здания администрации, обелиск в память убитых на войне. А справа и слева длинные бараки со стеклянными крышами, это – хлевы, где скот ожидает своей участи. Снаружи – черные доски: Собственность объединения берлинских мясоторговцев-оптовиков. Устав утвержден правительством. Объявления на этой доске допускаются лишь с особого разрешения, президиум.

В длинных корпусах устроены двери, черные отверстия для впуска скота с номерами: 26, 27, 28. Помещение для крупного рогатого скота, помещение для свиней, самые бойни: место казни животных, царство обрушивающихся топов, отсюда ты не уйдешь живым. К ним примыкают мирные улицы, Штрасманштрассе, Либигштрассе, Проскауерштрассе, а затем: зеленые насаждения, где гуляют люди. Люди живут скученно, в тепле, и если кто-нибудь заболевает, например заболит горло, то сейчас же бегут за врачом.

А с другой стороны на протяжении пятнадцати километров проложены пути кольцевой железной дороги. Скот прибывает из провинций, из Восточной Пруссии, Померании<sup>346</sup>, Бранденбурга<sup>347</sup>, Западной Пруссии едут представители овечьей, свиной и бычьей породы. Блеют, мычат, спускаясь по сходням. Свиньи заходят и обнюхивают землю, не догадываясь, куда их ведут, за ними бегут погонщики с палками. Свиньи ложатся в хлевы и лежат белые, жирные, плотно прижавшись друг к другу, спят, храпят. Ведь их так долго гнали, потом трясли в вагонах, теперь под ними ничего не стучит, только очень уж холодны эти каменные плиты, животные пробуждаются, напирают на соседей. Лежат чуть ли не в два яруса. Вот две свиньи начинают драться, в загоне есть место, но они то прут, хрипя, друг на друга, норовя укусить

---

<sup>346</sup> *Померания* – герцогство на побережье Балтийского моря, в 1815–1945 гг. прусская провинция.

<sup>347</sup> *Бранденбург* – прусская провинция.

противницу в шею или в ухо и вертясь волчком, то затихают, лишь изредка огрызаясь. Наконец одна, не выдержав, обращается в бегство, перелезая через других, победительница лезет за нею, кусается, нижний ярус приходит в движение, расплзается, и враги проваливаются вниз, продолжая возню.

В проходе появляется человек в холщовой куртке, отпирает ворота и разгоняет свиней дубинкой, дверь открыта, животные устремляются в нее, поднимаются визг, хрюканье, крики. И вот все стадо уже несется по проходу. Белых забавных свинушек с толстыми, потешными ляжками, с веселыми хвостиками завитушкой и зелеными или красными пометками на спине гонят по дворам куда-то между бараками. Вот вам дневной свет, дорогие свинки, вот вам земля под ногами, нюхайте, ройте ее – столько-то еще минут. Впрочем, вы правы – нельзя работать с часами в руках. Нюхайте, нюхайте и ройте. Вас зарежут, для этого вы и приехали сюда, вот это, извольте видеть, бойня, бойня для свиней. Есть тут и старые здания, но вы попадаете в новейшее, так сказать – образцовое. Оно светлое, выстроено из красного кирпича, по внешнему виду его можно принять за слесарную или какую-нибудь другую мастерскую, или за канцелярию, или за чертежную. Ну, я пойду с другого хода, дорогие мои свинки, потому что я человек, я пройду вон в ту дверь, а внутри мы снова встретимся.

Толчок в дверь, она пружинит, раскачивается туда, сюда.

Ух ты, какой там пар! Что это они там парят? Все помещение заволокло паром, словно в бане, это, может быть, свиней парят в русской бане? Идешь, не видя куда, очки запотели, не лучше ли раздеться догола, пропотеешь, избавишься от ревматизма, ведь одним коньяком не вылечишься, идешь, шлепаешь туфлями. Ничего не разобрать, пар слишком густой. Но этот визг, хрипенье, шлепанье, мужские голоса, лязг каких-то приборов, стук крышек. Здесь где-то должны быть свиньи – они вошли с той стороны, с продольной. Ах, этот густой белый пар. Э, да вот и свиньи, вон, вон висят, уже мертвые, обрубленные, почти готовые в пищу. Рядом с ними стоит человек и поливает из шланга белые, рассеченные на две половины туши. Они висят на железных кронштейнах, головами вниз, некоторые в целом виде, через задние конечности просунут брусочек, что ж, убитое животное ничего уж не может делать, оно не может и убежать. Отрубленные свиные ноги лежат целой грудой. Два человека приносят среди облаков пара на железной штанге только что освежеванную, выпотрошенную свинью. Поднимают ее на блоке, подвешивают на крючья. Там покачиваются уже много ее товарок, тупо разглядывают каменные плиты пола.

Словно в тумане, проходишь по залу. Каменные плиты пола – рифленые, сырые, кое-где кровь. Между кронштейнами ряды белых, выпотрошенных животных. Позади них должны находиться убойные камеры, там непрерывно что-то шлепает, стучит, визжит, кричит, хрипит, хрюкает. А вон там сто-

ят клубящиеся котлы, чаны, откуда и идет весь этот пар, рабочие опускают убитых животных в кипяток, ошпаривают их и вытаскивают красивыми, белыми, другой рабочий счищает ножом щетину, свиная туша становится еще белее, совершенно гладкой. И вот тихо и мирно, беленькие, убого-творенные, словно после утомительной ванны или удачной операции или массажа, лежат свинки рядами на скамьях, на досках, не шевелясь в своем сытом покое, и новых белых сорочках. Все они лежат на боку, у некоторых виден двойной ряд сосков, сколько у свиньи сосков, вот, должно быть, плодовые животные. Но у всех, которые здесь, на шее прямой красный шрам, это очень подозрительно.

Снова раздается шлепанье, сзади открывается дверь, пар уходит в нее, загоняют новую партию свиней, бегите, забавные розовые свинушки с потешными ляжками, веселыми хвостиками завитушкой и пестрыми отметинами на спине, бегите тут, а я пройду там, в раздвижную дверь. Бегут они и нюхают воздух в новой камере. В ней холодно, как и в старой, но тут есть еще какая-то сырость на полу, что-то склизкое, красное, невиданное. Они трутся рылами об эти пятна.

Вот стоит бледный молодой человек с прилипшими ко лбу русыми волосами, с сигарой во рту. Обратите внимание, свинки: это последний человек, который занимается вами! Не подумайте о нем плохо, он делает лишь то, что ему полагается по службе. Ему, видите ли, надо свести с вами кой-какие счета административного характера. На нем только

сапоги, штаны, рубаха и подтяжки; сапоги выше колен. Это его спецодежда. Он вынимает сигару изо рта, кладет ее на прибитую к стене полочку и достает из угла длинный топор. Это – эмблема его должности и звания, его власти над вами, подобно жестяному значку у сыщика. Он сейчас вам его предъявит. Это какая-то блестящая штучка на длинной деревянной рукоятке, которую молодой человек подымает до высоты плеча над визжащими у его ног маленькими свинками. Они там безмятежно роются, нюхают, хрюкают, а молодой человек похаживает, опустив глаза, и как будто что-то ищет, ищет. Дело, видите ли, касается розыска и установления личности некой особы, замешанной в уголовном процессе, между А и Б... Хрясь! Вот ему попалась одна, хрясь! еще одна. Молодой человек очень расторопен; он предъявил свой мандат, топор с быстротой молнии опустился, окунулся в самую гущу, обухом на одну голову, еще на одну. Ай да мы! Как это бьется внизу! Как дрыгается! Как моментально валится набок. И больше ничего не сознает. Лежит, и только. А что выделявают ноги, голова! Но это выделяет уж не сама свинья, а ее ноги, это их частное, так сказать, дело. И вот два молодца уже заметили из шпарни, что все готово; они приподымают заслонку в стене убойной камеры и вытаскивают оглушенное животное, а затем цырк-цырк нож о точильный брусок, опускаются на колени и чик-чик свинью по горлу, чик длинный разрез, очень длинный, во всю шею, животное вскрывается, как мешок, глубокие, ныряющие надре-

зы, животное дергается, трепещет, бьется, оно без сознания, сейчас еще только без сознания, а скоро будет хуже, оно визжит, теперь ему вскрывают шейные артерии. Его бессознательное состояние углубляется, мы вступаем в область метафизики и теологии, дитя мое, ты ходишь уже не по земле, мы витаем теперь в облаках. Скорее, скорее давайте сюда плоскую лохань, струится в нее горячая темная кровь, пенится, пузырится в лохани, мешайте ее, живо! В организме кровь свертывается; говорят, образует пробки, закупоривает раны. А вот, вырвавшись из организма, она не хочет свернуться.словно ребенок, который зовет еще: мама, мама, когда лежит уже на операционном столе, и о маме не может быть и речи, мама далеко, а он чуть не задыхается под маской с эфиром и зовет, зовет до изнеможения: мама! Чик, чик, артерии справа; чик, чик, артерии слева. Живее, мешайте! Так! Теперь конвульсии прекращаются. Теперь ты лежишь неподвижно. С физиологией и теологией покончено, начинается физика.

Боец<sup>348</sup>, стоявший на коленях, подымается. Колени у него болят. Свинью надо ошпарить, выпотрошить, разрубить, все это делается раз за разом. Упитанный заведующий прохаживается, с трубкой в зубах, среди клубов пара взад и вперед, заглядывая время от времени во вскрытые брюшные полости. А на стене рядом с раскачивающейся дверью висит афи-

---

<sup>348</sup> Боец – работник скотобойни, забивающий и освежевывающий скотину.

ша: В зале Фридрихсхайна<sup>349</sup> бойцами 1-й категории устраивается большой бал, играет оркестр Кермбаха<sup>350</sup>. Снаружи висит объявление о матче бокса в залах «Германия»<sup>351</sup>, Шоссештрассе, 110, входные билеты от 1,50 марки до 10 марок. 4 квалификационных матча.

Скотопригонная площадка: 1399 голов крупного рогатого скота, 2700 телят, 4654 барана, 18 864 свиньи. Настроение рынка: с рогатым скотом хорошего качества ровно, в остальном спокойно. С телятами ровно, с баранами спокойно, со свиньями вначале твердо, к концу слабее, жирные не в спросе.

По скотопригонным трактам гуляет ветер, льет дождь. Мычат быки и коровы, гуртовщики гонят большой, ревуший рогатый гурт. Животные упрямятся, останавливаются, разбегаются в стороны, погонщики носятся за ними с батогами. Бык покрывает посреди гурта корову, корова убегает от него то влево, то вправо, а он не отстает и, ярьась, все снова и снова вскакивает на нее.

В помещение бойни гонят крупного белого быка. Здесь

---

<sup>349</sup> *Фридрихсхайн* – район и большой парк на северо-восточной окраине Берлина.

<sup>350</sup> ...*играет оркестр Кермбаха*. – Оркестр под руководством композитора и дирижера Карла Фридриха Отто Кермбаха (1882–1960) исполнял легкую музыку.

<sup>351</sup> «*Германия*» – известный в то время спортивный зал на северо-западе Берлина.

нет пара, нет камер, как для теснящихся стад свиней. По одному входят эти большие, могучие животные, быки, в сопровождении погонщиков в открытые ворота. Перед белым быком простирается окровавленный зал с развешанными в нем половинами и четвертями туш с разрубленными костями. У быка – широкий лоб. Его подгоняют батогами и пинками к бойцу, который слегка ударяет животное плашмя топором по задней ноге, чтобы оно лучше встало. Теперь один из погонщиков обхватывает быка снизу за шею. Животное стоит, поддается, поддается до странности легко, как будто оно на все согласно и не желает сопротивляться, после того как оно все увидело и знает: такова моя судьба и ничего тут не поделаешь. А может быть, оно принимает жест погонщика за ласку, потому что этот жест выглядит таким невинным. Словом, оно поддается оттягивающим его рукам погонщика и нагибает голову наискосок в сторону, приподняв морду немного кверху.

Но ведь за ним стоит боец, человек с занесенным молотом<sup>352</sup>. Не оглядывайся! Молот, занесенный сильным человеком обеими руками, навис позади быка, над ним, а затем: б-б-бах, вниз! И мускульная сила здорового мужчины – стальным клином в затылок животного. В тот же самый миг, молот еще не отдернут, вскидываются кверху все четыре ноги животного, и грузное тело его кажется взлетающим на

---

<sup>352</sup> ...стоит... человек с занесенным молотом. – Ср. с мотивом молота и «трех ударов» (см. примеч. 1 к прологу).

воздух. А затем, словно у него уже нет ног, животное всей своей массой рушится на пол, на судорожно сведенные ноги, лежит с секунду в таком положении и медленно валится набок. Справа и слева ходит вокруг него палач, добывая его все новыми и новыми ударами, по темени, в виски, спи, спи, ты больше не проснешься. Тогда второй боец вынимает сигару изо рта, сморкается в пальцы, вынимает из ножен длинный, как шпага, нож и опускается на колени позади головы животного, конечности которого уже перестали содрогаться в конвульсиях. Они лишь изредка слабо вздрагивают, а заднюю часть туши бросает туда-сюда. Боец что-то ищет на полу, не пуская в дело нож, и требует, чтобы ему подали лохань для крови. Кровь обращается в туше еще совершенно спокойно, мало возбужденная под пульсацией могучего сердца. Правда, спинной мозг раздавлен, но кровь еще спокойно течет по артериям, легкие дышат, кишки работают. А вот сейчас будет пущен в ход нож, и кровь стремительно хлынет наружу, могу себе представить, толстой, в руку, струей, черная, красивая, ликующая кровь. Тогда все это веселье покинет дом, разойдутся загулявшие гости, подымется суетолока – и нет больше привольных пастбищ, теплого хлеба, душистого корма, все исчезло, словно его сдунуло, и остались только зияющая дыра и жуткая темь, открывается новый мир. Ого, на сцене появился вдруг господин, купивший этот дом, прокладывается новая улица, конъюнктура улучшается, и дом продан на слом. Приносят большой чан, при-

двигают его. Огромное животное взбрыкивает задними ногами. Нож вонзается ему в шею возле горла, надо осторожно нащупать артерию, у такой артерии очень прочная оболочка, она хорошо защищена. И вдруг она вскрыта, еще одна, и горячим, дымящимся, черным, исчерна-красным ключом бьет из-под ножа и заливает руки бойца буйная, ликующая кровь, гости, гости идут, происходит сцена превращения, из солнца образовалась твоя кровь<sup>353</sup>, солнце спряталось в твоём теле, и вот оно вновь выходит наружу. Животное мощной струей вытягивает воздух, словно от удушья или нестерпимого зуда, хрипит, задыхается. Да, трещат стропила дома. И в то время как бока животного страшно вздымаются, один из бойцов берется помочь ему. Если камень хочет упасть, толкни его!<sup>354</sup> Этот человек вскакивает на быка, на его тушу, обеими ногами стоит на ней, уминает, топчет брюшную полость, еще и еще, чтобы кровь вытекла скорее, вся вытекла. И предсмертный хрип усиливается. Это – долгая одышка, долгое издыхание, с легкими конвульсиями задних конечностей. Они как будто кому-то украдкой кивают. Жизнь постепенно уходит, дыхание прерывается. Грузно поворачивается задняя часть тела, опрокидывается. Вот она, сила земли, сила притяжения. Боец соскакивает с туши. Его товарищ принимается уже

---

<sup>353</sup> ...из солнца образовалась твоя кровь... – См. примеч. 131 к книге второй.

<sup>354</sup> Если камень хочет упасть, толкни его! – Аллюзия на афоризм Фридриха Ницше (1844–1900): «Но я говорю: что падает, то нужно еще толкнуть!» (Так говорил Заратустра. О старых и новых скрижалях. 20. Перевод Ю. М. Антоновского, под ред. К. А. Свасьяна).

отделять кожу вокруг шеи.

Привольные пастбища, душный, теплый хлев.

Об устройстве освещения в мясных лавках. Освещение лавки и витрины должно быть по возможности гармонично согласовано. Чаще всего предпочтение отдается прямому полурассеянному свету. Вообще более целесообразны осветительные приборы для прямого света, потому что хорошо освещены должны быть главным образом прилавки и чурбан, на котором рубят мясо. Искусственный дневной свет, получаемый посредством синих фильтров, для мясных лавок непригоден, потому что мясные продукты постоянно требуют такого освещения, при котором не страдает их натуральный цвет.

Фаршированные ножи. Тщательно очищенные ножи раскалываются вдоль так, чтоб кожа еще держалась, наполняются фаршем, складываются и перевязываются ниткой<sup>355</sup>.

...Послушай, Франц, две недели торчишь ты уже в своей убогой конуре. Твоя хозяйка скоро выставит тебя вон. Ты же не в состоянии платить, а она сдает комнаты вовсе не ради своего удовольствия. Если ты в ближайшее время не возьмешься за ум, придется тебе перебраться в ночлежку. А что

---

<sup>355</sup> *Фаршированные ножи ~ складываются и перевязываются ниткой.* – Писатель цитирует этот традиционный для немецкой кухни рецепт по одной из поваренных книг.

будет тогда, да, что будет тогда? Свою конуру ты не проветриваешь, к парикмахеру не ходишь, оброс густой коричневой щетиной, 15 пфеннигов на бритье ты бы уж как-нибудь мог наскрести.

# Беседа с Иовом<sup>356</sup>, дело за тобой, Иов, но ты не хочешь

Когда Иов всего лишился, чего может лишиться человек, не более и не менее, он лежал в огороде.

– Иов, ты лежишь в огороде, у собачьей будки, как раз на таком расстоянии от нее, что сторожевой пес не может тебя

---

<sup>356</sup> *Беседа с Иовом...* – Иов – герой ветхозаветной Книги Иова, которую Дёблин пересказывает в главе «Беседа с Иовом», расставляя по-новому, в сравнении с библейской версией, акценты. Иов – страдающий праведник, испытываемый сатаной с дозволения Яхве; Иов в Библии «непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов. 1: 1). При встрече с сатаной Яхве спрашивает: «Обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? Ибо нет такого, как он, на Земле» (Иов. 1: 8), на что Сатана отвечает: «⟨...⟩ разве даром богобоязненен Иов? Не ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? ⟨...⟩ Простири руку твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он тебя?» (Иов. 1: 9–11). После этого Яхве разрешает Сатане начать испытание Иова: Иов теряет свои стада, своих погонщиков и пастухов, дочерей и сыновей. Иов раздирает на себе одежду, обривает голову в знак траура, повергается на землю и произносит слова, достойные его прежней истовости: «Господь дал, Господь и взял ⟨...⟩ да будет имя Господне благословенно» (Иов. 1: 20). Сатана наводит на Иова страшную болезнь. Жена предлагает Иову похулить Бога и умереть, три докучных утешителя говорят, что Иову нужно признать свою виновность, мудрец Елиуя утверждает, что страдание посылается Богом не как кара, а как средство духовного побуждения. В конце концов Яхве возвращает Иову все его богатство в полной мере, у Иова рождаются новые сыновья и дочери. В новом блаженстве Иов живет еще долгие годы. Иов – это третий «кающийся» персонаж (после Ореста (см. примеч. 170 к книге второй) и принца Гомбургского (см. примеч. 89 к книге второй)), с которым очевидно сравнивается Биберкопф.

укусить. Ты слышишь лязг его зубов. Пес лает, когда приближаются шаги. Когда ты поворачиваешься, хочешь приподняться, он рычит, бросается вперед, рвется на цепи, скачет, брызжет слюной, пробует укусить.

Иов, это – дворец и огород и поля, которые тебе когда-то принадлежали. Этого пса ты даже совсем и не знал, и огорода, куда тебя бросили, ты тоже не знал, как не знал и коз, которых по утрам гонят мимо тебя и которые, проходя мимо, щиплют траву, пережевывают, уплетают за обе щеки. Они принадлежали тебе.

Иов, теперь ты всего лишился. По вечерам тебе дозволяется заползть под навес. Боятся твоей проказы. Сияя, ты объезжал верхом свои поместья, и люди толпились вокруг тебя. Теперь у тебя перед носом деревянный забор, забор, по которому ползут улитки. Ты можешь изучать и дождевых червей. Это – единственные живые существа, которые не боятся тебя.

Гноящиеся глаза ты, груда несчастий, живое болото, открываешь изредка.

Что мучает тебя больше всего, Иов? Что ты потерял сыновей и дочерей, что потерял все имущество, что мерзнешь по ночам? Что у тебя язвы в горле, в носу? Что, Иов?

– Кто спрашивает?

– Я – только голос.

– Голос исходит из горла.

– Значит, ты думаешь, что я – человек?

– Да, и потому не хочу тебя видеть. Уйди.

– Я только голос, Иов, открой глаза как можно шире, и ты все же не увидишь меня.

– Ах, значит, это бред! Моя бедная голова, мой бедный мозг, меня еще сведут с ума, теперь у меня отнимают еще и мои мысли.

– А хоть бы и так, разве жалко?

– Но я не хочу.

– Хотя ты страдаешь, так ужасно страдаешь от мыслей, ты не хочешь их лишиться?

– Не спрашивай, уйди!

– Но я же их вовсе не отнимаю. Я только хочу знать, что тебя больше всего мучает.

– Это никого не касается.

– Никого, кроме тебя?

– Да, да! И тебя не касается.

Пес лает, рычит, пробует укусить. Несколько времени спустя тот же голос:

– Сыновей ли ты оплакиваешь?

– За меня никому не придется молиться, когда я умру. Я отравя для земли. Плевать должны мне вслед. Иова надо забыть.

– Дочерей?

– Дочери – увы! Они тоже умерли. Им хорошо. А были красавицы. Они подарили бы мне внуков, но их похитила смерть. Они падали одна за другой, как будто Бог, схватив

за волосы, поднимал и бросал их, чтоб они разбились.

– Иов, ты не можешь открыть глаза, они слиплись, они слиплись. Ты жалуешься и горюешь, потому что лежишь в огороде, и собачья будка и болезнь – последнее, что тебе осталось.

– Голос, голос, чей это голос и где ты скрываешься?

– Не знаю, почему ты плачешься.

– Ох, ох.

– Ты стонешь и тоже не знаешь почему, Иов.

– Нет, у меня...

– Что у тебя?

– У меня нет силы. Вот в чем дело.

– А ты бы хотел ее иметь?

– Нет силы надеяться, нет желанья. У меня нет зубов. Я мягок, мне стыдно.

– Это ты сказал.

– И это правда.

– Да, ты сам знаешь. Это – самое страшное.

– Значит, оно уже начертано у меня на лбу. Какая я тряпка!

– Вот это, Иов, и есть то, от чего ты больше всего страдаешь. Ты бы не хотел быть слабым, ты хотел бы сопротивляться, или уж лучше быть насквозь продырявленным, чтоб не было разума, чтоб не было мыслей, чтоб быть совсем, совсем скотом. Пожелай себе чего-нибудь.

– Ты меня уж так много спрашивал, голос, теперь я верю,

что ты имеешь право меня спрашивать. Исцели меня! Если можешь... Сатана ли, или Бог, или ангел, или человек – исцели меня.

– Ты от любого принял бы исцеление?

– Исцели меня!

– Иов, подумай хорошенько, ты не можешь меня видеть.

Если ты откроешь глаза, ты, может быть, испугаешься меня. Быть может, я заставлю заплатить тебя высокой, страшной ценой.

– Это мы увидим. Ты говоришь, как те, которые относятся к делу серьезно.

– А если я сатана или дьявол?

– Исцели меня!

– Я – сатана!

– Исцели меня!

Тогда голос отступил, стал слабее, слабее. Пес залаял. Иов в страхе прислушивался: он ушел, а я хочу, чтоб меня исцелили, или хочу умереть. Он визгливо закричал.

Наступила страшная ночь. Голос снова явился.

– А если я – сатана, как справишься ты со мной?

Иов крикнул:

– Ты не хочешь меня исцелить. Никто не хочет мне помочь, ни Бог, ни сатана, ни ангел, ни человек.

– А ты сам?

– Что я?

– Ты же сам не хочешь!

– Что?

– Кто может помочь тебе, раз ты сам не хочешь?

– Нет, нет, – лепечет Иов.

А голос ему в ответ:

– Бог и сатана, ангел и люди – все хотят тебе помочь, но ты сам не хочешь... Бог – по милосердию, сатана – чтоб завладеть тобой впоследствии, ангел и люди – потому что они помощники Бога и сатаны, но ты сам не хочешь.

– Нет, нет! – вопил, лепетал Иов и бросался наземь.

Он кричал всю ночь. Голос непрерывно взывал:

– Бог и сатана, ангелы и люди хотят тебе помочь, но ты сам не хочешь!

А Иов непрерывно:

– Нет, нет!

Он старался заглушить голос, но голос усиливался, крепчал все более и более, все время преобладал. Всю ночь. К утру Иов пал ниц.

Безмолвно лежал Иов.

В тот день зажили первые его язвы.

## **И у всех одно дыхание, и у человека нет преимущества перед скотиною** <sup>357</sup>

Скотопригонная площадка: свиней 11 548 штук, крупного рогатого скота 2016 голов, телят 1920, баранов 4450.

А что делает вон тот человек с хорошеньким теленочком? Он ведет его на веревке, вот и огромный зал, в котором режут быки, человек подводит теленочка к скамье. Таких скамеек там целый ряд, и возле каждой лежит деревянная дубина. Обеими руками он подымает теленочка и кладет его на скамью, животное покорно ложится. Он подхватывает его еще снизу и придерживает левой рукой заднюю ножку, чтоб она не дрыгала. А затем берет веревку, на которой привел свою жертву, и крепко привязывает ее к стене. Теленочек терпеливо лежит и ждет. Он не знает, что с ним будет, но ему неудобно лежать на деревянной скамье, он колотится головой о какой-то твердый предмет и никак не может понять, что это такое, а это – кончик дубины, которая стоит на полу и которой ему скоро будет нанесен удар. Это будет его последним соприкосновением с сим миром. И действительно: этот старый, простой человек, который стоит тут совершенно один, этот ласковый человек с мягким голосом – он уго-

---

<sup>357</sup> *И у всех одно дыхание, и у человека нет преимущества перед скотиною.* – Ср.: «⟨...⟩ и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом» (Екк. 3: 19).

варивает теленочка – берет дубину, не очень высоко заносит ее, разве много требуется силы для такого нежного создания, и с размаху опускает ее беспомощному животному на затылок. Совсем спокойно, так, как он привел сюда теленочка и уговаривал его лежать смирно, он наносит удар по затылку, без злобы, без большого волнения, но и без всякого сожаления, что ж поделаешь, раз уж так заведено, а ты у нас хороший теленочек, ты знаешь, что так должно быть.

А теленочек: фр-р-р, фр-р-р, и совсем-совсем цепенеет, замирает, и ножки его вытягиваются. Черные бархатистые глаза его становятся вдруг очень большими, застывают, обведены белой каймой, а потом медленно закатываются в сторону. Человеку это уже знакомо, да, так глядят убитые животные, но сегодня предстоит еще много дела, надо торопиться, и он шарит под теленочком по скамейке, где лежит его нож, придвигает ногой лохань для крови. А затем – чик ножом поперек шеи по горлу, одним взмахом перерезаны все хрящики и шейные мускулы, воздух свободно выходит, голова теряет опору и откидывается назад на скамью. Брызжет кровь, темно-красная густая жидкость с пузырьками воздуха. Так, с этим делом покончено. Но человек спокойно, не меняя благодушного выражения лица, режет все глубже и глубже, что-то нащупывает ножом в глубине, ткани еще такие молодые, нежные, и всовывает его между двумя позвонками. Затем он оставляет животное в покое, с шумом бросает нож на скамейку, моет руки в ведре и уходит.

И вот теленочек сиротливо лежит на боку, как его привязали. В зале слышен веселый шум: там работают, что-то таскают, перекликаются. Между ножками скамьи уродливо свисает на полоске шкуры отделенная от туловища голова, залитая кровью и слюною. Распухший и посиневший язык прикушен зубами. И страшно, страшно хрипит на скамье зарезанное животное. Голова трепещет на полоске шкуры. Туловище на скамье сводит судорогой. Ножки дрыгают, брыкают, по-детски длинные, как у ребенка, узловатые ножки. Но глаза совершенно неподвижны, слепы. Это – мертвые глаза. Это – умершее животное.

Благодушный старичок стоит с черной записной книжечкой в руках возле колонны, издали поглядывает на теленочка и что-то подсчитывает. Тяжелые ныне времена, трудно что-нибудь насчитать, трудно угнаться за конкуренцией.

## **У Франца открыто окно, ну и забавные же вещи случаются на свете**

Солнце всходит и заходит, дни становятся светлее, по улицам разъезжают детские колясочки, на дворе – февраль 1928 года.

До первых чисел февраля пьянствует Франц Биберкопф из отвращения ко всему миру, с горя, так сказать. Пропивает все, что у него есть, ему безразлично, что будет дальше. Он хотел быть порядочным человеком, но на свете есть такие подлецы, мерзавцы и негодяи, что Франц Биберкопф не желает ничего ни видеть, ни слышать из того, что происходит вокруг, и, если бы даже ему пришлось стать гопником, он пропьет свои деньги до последнего пфеннига.

И вот когда Франц Биберкопф докрутился таким манером до первых чисел февраля, просыпается он как-то ночью от шума на дворе. На заднем дворе помещается склад одной оптовой фирмы. Франц, с похмелья, открывает окно, выглядывает оттуда, да как гаркнет на весь двор: «Убирайтесь к черту, болваны, дураки!» И снова ложится, ни о чем плохом не думая, а те там в один момент стушевались.

Неделю спустя та же история. Франц хотел было уже распахнуть окно и чем-нибудь запустить в нарушителей его по-

коя, как вдруг подумал: время позднее, около часу, надо бы взглянуть, что это за люди и что они по ночам делают? Что они, в самом деле, тут потеряли и место ли им вообще в этом доме, надо бы проследить.

И верно: ходят они с опаской, с оглядкой, пробираясь вдоль стены. Франц, подглядывая за ними, чуть себе всю шею не свернул, один из них стоит у ворот, на стреме, значит; и вообще они, надо думать, вышли на дело, возьмется втроем возле большой двери в склад. Ломают замок. И как это они не боятся, что их увидят? Вот что-то скрипнуло – готово, дверь открыта, один остается на дворе, в нише, а двое других уже там, в складе. Тьма – кромешная, на это они, видно, и рассчитывают.

Франц потихоньку закрывает окно. Воздух освежил его. Вот какими делами занимаются люди, день-деньской и даже по ночам, ишь, жулики, взять бы цветочный горшок да садануть им во двор! И что им, собственно говоря, делать в доме, где живут порядочные люди? Абсолютно нечего.

Кругом все тихо, он садится в темноте на кровать, нет, надо еще раз подойти к окну и взглянуть, какого, в самом деле, черта эти господа хозяйничают на дворе дома, где живет он, Франц. И вот он зажигает восковую свечечку, тянется к бутылке с шнапсом, но, достав ее, не наливает себе.

А в обеденное время Франц спускается во двор. Там уже толпа народу, и плотник Гернер<sup>358</sup> в том числе. Франц с ним

---

<sup>358</sup> ...плотник Гернер... – История, произошедшая с Гернером (см. с. 155–166

знаком, разговоров не оберешься. Опять, говорят, покража. Франц этого Гернера – толк в бок. «Я, – говорит, – всю их компанию видел. Полицию я звать не буду, но если они явятся еще раз во двор дома, где я живу и где я сплю и где им нечего делать, то я сойду вниз, и, не будь я Биберкопф, я их раскатаю, хотя бы их было и трое, так, что им костей не собрать». Плотник удержал его за руку. «Если ты что-нибудь знаешь, то вон там агенты уголовного розыска, ступай к ним, можешь подзаработать». – «Оставь меня в покое со своими агентами. Я еще никого не продавал. Пускай себе агенты сами справляются, им за это деньги платят».

И – дальше своею дорогою. А к Гернеру, пока он еще так стоит, подходят два агента и непременно желают узнать, где живет Гернер, стало быть – он сам. Вот ужас-то. Гернер бледнеет до самых мозолей. А затем говорит: «Позвольте-ка, позвольте-ка. Гернер, ну да, это ж плотник! Позвольте, я вас сейчас проведу». И, не говоря больше ни слова, звонит к себе в квартиру. Жена отпирает, и вся компания вваливается. Последним входит Гернер и толк жену в бок, и палец к губам – молчи, значит жена-то не знает, в чем дело, а он, руки в брюки, смешивается с другими, с ними еще двое каких-то штатских, оказывается – из страхового общества. Ну, осматривают его квартирку, спрашивают, какой толщины у него стены да какой пол, постукивают стены да промерива-

ют да записывают. Потому что, видите ли, кражи со склада этой фирмы до того участились, воры настолько обнаглели, что даже пытались проломить стену, после того как на двери и на лестнице была устроена сигнализация, воры успели каким-то образом даже и это пронюхать. Да, стены чертовски тонки, да и весь-то дом чуть держится, не дом, а какое-то пасхальное яйцо крупных размеров, что ли.

Затем все снова выходят во двор, и Гернер за ними следом, словно рыжий в цирке. Теперь подвергают обследованию обе новые железные двери склада. Гернер от них ни на шаг. И вот каким-то случаем посторонился он перед ними, отступил немного да вдруг задел за что-то ногой, слышит – что-то падает, хватъ – а это бутылка, и упала-то она на бумагу, так что другим и не слышно. Как это бутылка на двор попала, видно, воры ее забыли, отчего же ее в таком случае не прибрать к рукам, а владельцам она теперь все равно ни к чему. Гернер нагибается, как будто чтоб завязать шнурок от ботинка, а сам бутылку вместе с бумагой – цоп! Итак, Ева дала яблоко Адаму, а не упало оно с дерева, оно не досталось бы Еве и не попало бы в адрес Адама<sup>359</sup>. Потом Гернер сунул бутылку себе за пазуху и айда с нею через двор, к жене.

Ну а жена-то что говорит? Сияет, конечно. «Откуда это у тебя, Пауль?» – «Купил, когда в лавке никого не было». – «Шутишь!» – «Да ты взгляни, настоящий коньяк, что ты на

---

<sup>359</sup> ...Ева дала яблоко Адаму, а не упало оно с дерева... не попало бы в адрес Адама. – Искаженный пересказ библейского сюжета. См.: Быт. 3: 6.

это скажешь?»

Жена сияет, сияет, как медный таз. Опускает занавеску: «Вон там еще такие. Это у тебя оттуда, а?» – «Стояла у стенки, все равно кто-нибудь другой бы взял». – «Послушай, надо ее вернуть». – «С каких же это пор возвращают коньяк, когда его нашли? В кои веки мы можем позволить себе бутылочку коньяку, мать, да еще в такие тяжелые времена? Это было б уж совсем смешно, мать».

В конце концов жена тоже согласилась, что не так оно и страшно, подумаешь, одна бутылка, бутылочка, от этого такая богатая фирма не разорится, и потом, мать, если правильно рассуждать, она вовсе уже не принадлежит фирме, а принадлежит грабителям, и не беречь же ее для них. Это было бы даже противозаконно. И вот супруги попивают *коньячок* глоток за глотком и рассуждают, что в жизни нельзя зевать и что вовсе не требуется, чтоб все было из золота, потому что и у серебра своя цена есть.

А в субботу опять являются воры, и вот тут-то и начинается интересная вещь. Они вдруг замечают, что по двору ходит кто-то посторонний, вернее, замечает стремщик, который поставлен у забора, ну, те моментально, словно гномы, выскочили со своими карманными фонариками вон из склада и во все лопатки – к воротам, наутек. Но у ворот стоит Гернер, так что те, как борзые, мах-мах через забор на соседний участок. Гернер бежит за ними, боится, что совсем уйдут: «Полно валять дурака, я ж вам ничего худого не сде-

лаю, боже мой, что за остолопы!» Но ему приходится только глазеть, как они сигают через забор, душа у него разрывается, когда двое уже смылись, только их и видели, вот чумовые, ей-богу, да постойте же! И лишь последний, уже сидя верхом на заборе, пускает ему свет фонарика прямо в лицо. «В чем дело?» Может быть, кто-нибудь из своих сдуру все дело испортил? «Да я же с вами заодно», – шепчет Гернер. Что за диво? «Ну да, заодно. Почему же вы смываетесь?»

Тогда вор, подумав, действительно слезает с забора, один, и принимается разглядывать плотника, который как будто не совсем трезв. Толстому-то, вору-то, теперь не так уж страшно, потому что у плотника нос сизый и от него спиртом несет. Гернер протягивает ему руку. «Руку, товарищ. Идем вместе». – «Это, верно, ловушка, а?» – «Как так, ловушка?» – «Что ж ты думаешь, я так и поддамся?» Гернер обижен, огорчен, тот, видно, не принимает его всерьез, только бы не убежал, коньяк-то уж больно был хорош, да и жена стала бы ругаться, ух, как стала бы ругаться, если вернуться с длинным носом. И Гернер принимается канючить: «Да нет же, да с какой стати, можешь хоть один зайти, вот тут я живу». – «Да ты кто такой будешь?» – «Управляющий домом, вот кто, ну-ка, может же и мне кой-что в этом деле перепасть». Тут наш вор задумывается; чего, кажется, лучше, самое верное дело, если этот управляющий войдет в компанию, нет ли тут только какого-нибудь подвоха, э, была не была, на что ж у нас револьверы.

Он оставляет лесенку у забора и идет с Гернером по двору. Товарищей его давно уж и след простыл, думают, верно, что он засыпался. Тут Гернер звонит в квартиру на первом этаже. «Послушай, к кому ты звонишь? Кто тут живет?» – «А кто же, как не я? – гордо отзывается Гернер. – Вот, смотри!» Он вынимает из кармана американский ключ и с шумом отпирает дверь: «Ну что, видишь, я или не я?»

И поворачивает выключатель, а жена стоит уже в дверях кухни, вся трясется. Гернер шутливым тоном представляет: «Так что разрешите – моя жена, а это, Густа, – мой коллега». Та трясется, не трогается с места – и вдруг торжественно кивает головой, улыбается, еще бы, ведь это ж пресимпатичный человек, совсем молоденький, красивый человек. Теперь она подходит ближе – вот она: «Послушай, Пауль, нельзя же принимать этого господина так, в коридоре, пожалуйста, зайдите, раздевайтесь, пожалуйста».

Тот охотнее всего ушел бы подобра-поздорову, но радушные хозяйева ни за что не соглашаются, человек диву дается, неужели это возможно, кажется, такие солидные люди, вероятно, им туго живется, ясно, мелким ремесленникам сейчас приходится туго – инфляция и тому подобное. А хозяйка-то все время влюбленно на него поглядывает, ну, он согревается стаканчиком пунша, а затем улетучивается, но дело ему так и остается не совсем ясным.

Как бы то ни было, этот молодой человек, будучи, по-видимому, делегирован шайкой, является уже на следующее

утро, сразу после второго завтрака, к Гернерам и весьма деловито осведомляется, не забыл ли он чего у них. Самого Гернера нет дома, только жена, которая встречает его ласково, даже, можно сказать, с покорным смирением и подносит ему рюмочку шнапса, которую он милостиво изволит выкушать.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.